

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

Очкина Анастасия Андреевна

**ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОТЦОВСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Родионова Ольга Михайловна

Саратов – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОТЦОВСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	24
1.1 Генезис правового регулирования отцовства	24
1.2 Понятие и содержание правовой охраны отцовства	53
1.3 Теоретико-правовая модель охраны отцовства	80
ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОХРАНЫ ОТЦОВСТВА	96
2.1 Правовой статус отца по российскому законодательству	96
2.2 Внесудебные формы и способы защиты прав отца.....	133
ГЛАВА 3. ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ОТЦА.....	153
3.1 Особенности судебной защиты прав отца в исковом производстве	153
3.2 Особенности судебной защиты прав отца в особом производстве	196
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	211
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	214
Приложение.....	236

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена рядом социально-экономических, правотворческих и правоприменительных аспектов.

Социально-экономический аспект. В современном российском обществе наблюдается трансформация института семьи. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения в России за последние двадцать лет значительно возросло количество расторгаемых браков, что является следствием долгосрочных социально-экономических трендов и свидетельствует о кризисе института семьи¹.

В Российской Федерации за 2024 год судебными органами в порядке гражданского судопроизводства было удовлетворено 351 750 исков о расторжении брака супругов, имеющих детей². Данными, формируемыми статистическим отделом Департамента по социальным и экономическим вопросам ООН, подтверждается, что Российская Федерация занимает третье место (из 200 стран) в мире по уровню разводов³.

По последним имеющимся данным Всероссийской переписи населения о числе и составе семейных ячеек с детьми, в Российской Федерации имеется более 5 900 000 неполных семей с детьми в возрасте до 18 лет⁴. При этом количественный показатель одиноких матерей с детьми превышает 4 800 000 человек, в то время как число отцов-одиночек составляет 1 128 280.

¹См.: Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/razvod-po-russki#_ftn1 (дата обращения: 20.02.2026).

² См.: Судебная статистика по гражданскому судопроизводству за 2024 год. URL: <https://stat.апи-пресс.пф/stats/gr/t/22/s/2> (дата обращения: 20.02.2026).

³ См.: Demographic and Social Statistics. Marriage and divorce. URL: https://unstats.un.org/unsd/demographic-social/sconcerns/mar_divorce (дата обращения: 20.02.2026).

⁴ См.: Итоги ВПН-2020. Том 8 / Число и состав домохозяйств. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domochozyajstv (дата обращения: 20.02.2026).

Подобные показатели свидетельствуют о том, что проблема увеличения количества неполных семей имеет выраженное общественное значение.

Следует подчеркнуть, что неполные семьи являются той категорией домохозяйств, которая характеризуется высокой уязвимостью как в социальном, так и в экономическом контексте.

Так, в соответствии с исследованием денежных доходов в месяц домашних хозяйств, имеющих детей в возрасте до 18 лет, в среднем на члена домохозяйства, в 2013–2021 годах, проведенным экспертами Всероссийского научно-исследовательского института труда, в неполных семьях уровень материальной обеспеченности в среднем на 8,7% ниже, чем в полных¹. В данной связи следует подчеркнуть, что проблема отсутствия в неполных семьях второго вовлеченного родителя является причиной для возникновения проблем не только в рамках конкретного домохозяйства, но также на макроуровне. Последнее может проявляться, например, в виде роста бюджетной нагрузки на систему социальной поддержки.

В связи с изложенным выше, вопросы обеспечения и развития ответственного и вовлеченного отцовства в Российской Федерации включают в себя не только ценностную, но также экономическую составляющие.

Так, непосредственное участие отца в содержании и воспитании ребенка влияет не только на гармоничное развитие ребенка, но также на устойчивость семейного бюджета, расширение возможности трудовой занятости другого родителя. Следовательно, вопрос о гарантиях реализации правового статуса отца, правовой охране отцовства должен рассматриваться не исключительно в плоскости семейной политики, но и в контексте долгосрочных задач демографического развития, воспроизводства человеческого капитала и сохранения социальной устойчивости.

¹ См.: Селиванова О.В., Коробкова Н.Ю. Неполные семьи в регионах России: масштабы и социально-экономические характеристики // Социально-трудовые исследования. 2024. № 1 (54). С. 149-156.

В данной связи в рамках формирования и реализации государственной политики Российской Федерации наблюдается возрастающее внимание к вопросам увеличения активной гражданской позиции отцов как в полных, так и в неполных семьях, делается особый акцент на вектор развития вовлеченного и ответственного отцовства, признания важности роли отца в семье.

Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» крепкая семья была обозначена как традиционная ценность для Российской Федерации, нуждающаяся в сохранении и укреплении¹.

На заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 8 декабря 2025 года Президентом Российской Федерации В.В. Путиным было отмечено: «Семья основывается на взаимном уважении, на участии в воспитании детей обоих родителей, поэтому наряду с поддержкой материнства нужно продумать и меры поддержки так называемого вовлеченного, ответственного отцовства. По сути, речь идет о том, чтобы мужчины более активно участвовали в семейных заботах, в принятии решений о рождении детей и больше времени уделяли их воспитанию, вели здоровый образ жизни и как можно дольше сохраняли репродуктивное здоровье»². Кроме того, в рамках проведения заседания Президентом РФ было отмечено, что такая роль мужчины в семье – в традициях практически всех народов нашей страны. Последнее, в свою очередь, подчеркивает важное значение поддержки отцовства в контексте укрепления семьи как одной из составляющих традиционных российских ценностей.

¹ См.: Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 10.02.2026).

² См.: Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/78672> (дата обращения: 20.02.2026).

Вышеобозначенные обстоятельства свидетельствуют о признании особой значимости отцовства. Последнее, в свою очередь, предопределяет необходимость комплексного научного исследования правового статуса отца, содержания соответствующих прав и обязанностей, а также гарантий их реализации, охраны и защиты.

Доктринальный аспект. В теории семейного права доктринальные положения института материнства и детства получили широкое и всестороннее развитие, тогда как отцовство остается наименее разработанной категорией. На сегодняшний день в правовой доктрине отсутствует единство идей и взглядов концептуального характера к пониманию содержания правовой охраны отцовства. В большинстве исследований вопросы, связанные с реализацией правового статуса отца, рассматриваются опосредованно, зачастую в контексте родительских прав в целом, защиты интересов ребенка либо реализации семейных обязанностей, что отражается в существовании широкого спектра проблем правоприменения.

Правотворческий аспект. В Конституции Российской Федерации отцовство прямо закреплено в качестве объекта государственной защиты и поддержки (часть 2 статьи 7, пункт «ж» части 1 статьи 72)¹. Однако на уровне семейного законодательства наблюдается фрагментарность: термин «отцовство» упоминается точно, регулирование редуцировано до установления происхождения ребенка и алиментных обязательств. В действующих документах стратегического планирования, включая паспорта национальных проектов, содержатся положения об охране ответственного отцовства, однако их явно недостаточно. Требуется переход от декларативного упоминания отцовства к созданию комплексного правового механизма охраны отцовства в Российской Федерации.

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14 марта 2020 г. опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

Правоприменительный аспект. Статистический анализ деятельности судов показывает устойчивый рост количества споров, связанных с воспитанием детей, что свидетельствует об усилении правовой конфликтности внутри общества¹.

В судебной практике по спорам о детях сохраняется устойчивый гендерный дисбаланс, при котором место жительства ребенка с матерью в ряде случаев определяется по гендерному признаку².

Кроме того, по сведениям, публикуемым в отчетах Уполномоченных по правам человека на региональном и федеральном уровнях, Уполномоченных по правам ребенка, можно проследить динамику увеличения количества обращений отцов за содействием в урегулировании споров о воспитании детей в ситуации раздельного проживания либо развода родителей³.

Степень научной разработанности исследования. В науке семейного права комплексные исследования правовой охраны отцовства не проводились.

Отдельные аспекты эволюции и развития представлений об отцовстве, как части института родительства, исследуются в работах И.В. Рыбалко «Трансформация отцовства в современной России» (Саратов, 2006), Т.А. Гурко «Трансформация института родительства в постсоветской России» (Москва, 2008), С.С. Протопопова «Отцовство как феномен традиционной культуры якутов» (Санкт-Петербург, 2008), Е.А. Вороновой «Представления об отцах и отцовстве в советском обществе. 1950-1960-е гг.» (Москва, 2022).

В науке семейного права ряд диссертационных работ посвящен общей теории родительских прав, их осуществлению и защите, например, в работах Г.В. Богдановой «Проблемы правового регулирования личных и

¹ См.: Гражданское судопроизводство. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/gr/t/22/s/2> (дата обращения: 20.02.2026).

² См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 г.) (ред. от 27 ноября 2024 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. Июль. № 7.

³ См.: «Права и ответственность отца»: материалы выступлений Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, общественных деятелей и иных участников круглого стола. 14 августа 2020 г. М., 2020. 36 с.

имущественных отношений между родителями и детьми» (Саратов, 1999), Е.А. Фоминой «Споры о праве на воспитание детей: материально-правовые и процессуально-правовые проблемы» (Москва, 2004), А.Л. Кумановской «Права и обязанности родителей по воспитанию детей в семейном праве Российской Федерации» (Москва, 2005), М.М. Старосельцевой «Осуществление и защита родительских прав по семейному законодательству Российской Федерации» (Москва, 2009).

Кроме того, существует ряд исследований, посвященных реализации прав отдельно проживающего родителя, а также принципу равенства прав родителей: Н.В. Лялина «Содержание, осуществление и защита прав родителя, проживающего отдельно от ребенка, в Российской Федерации, в Соединенных Штатах Америки» (Москва, 2006), М.В. Громоздина «Осуществление родительских прав при раздельном проживании родителей по законодательству Российской Федерации» (Москва, 2010), М.С. Малькевич «Реализация принципа равенства прав родителей» (Саратов, 2014), Т.А. Шумилова «Конституционно-правовое регулирование равенства родительских прав и обязанностей в Российской Федерации» (Саратов, 2003).

Конституционно-правовым основам отцовства, проблемам гендерного равенства и вопросам институционализации государственной поддержки отцов посвящено диссертационное исследование П.А. Дервянко «Конституционно-правовой институт отцовства в Российской Федерации» (Белгород, 2012), однако за пределами исследования в рамках работы остались вопросы отраслевой конкретизации правового статуса отца в семейном праве, механизмы судебной защиты его прав и законных интересов, а также специфика реализации отцовских прав в условиях конфликтного родительства и раздельного проживания с ребенком.

В науке семейного права ряд диссертаций посвящен мерам семейно-правовой ответственности и защите семейных прав: Е.А. Душкина «Проблемы защиты семейных прав по семейному законодательству РФ» (Белгород, 2006), Е.В. Каймакова «Защита семейных прав» (Курск, 2011), О.С. Турусова

«Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных государствах» (Москва, 2011), Г.И. Вавильченкова «Семейно-правовые санкции, применяемые к родителям за ненадлежащее осуществление прав и исполнение обязанностей по воспитанию детей в Российской Федерации» (Москва, 2008), С.И. Смирновская «Ограничение родительских прав по семейному законодательству Российской Федерации» (Москва, 2007), П.Н. Мардахаева «Лишение родительских прав как мера семейно-правовой ответственности» (Москва, 2005), И.И. Ординарцев «Ограничение родительских прав как институт семейного права Российской Федерации» (Тверь, 2012).

Значимый вклад в разработку исследуемой проблематики внесла диссертационная работа Х.Г. Асланова «Обеспечение интересов отца в родительских правоотношениях по семейному законодательству Российской Федерации» (Москва, 2009), посвященная отдельным аспектам правового положения отца в Российской Федерации. В указанном исследовании обоснована высокая теоретическая, практическая и социальная значимость отцовства, а также предпринята попытка комплексного анализа материально-правовых и процессуально-правовых гарантий обеспечения интересов отца.

Отдельного внимания заслуживает диссертационная работа М.А. Гусева «Институт отцовства в Республике Казахстан: проблемы правового обеспечения» (Алматы, 2020), в которой проведен комплексный анализ правового регулирования отцовства на примере законодательства Республики Казахстан. Обозначенное исследование представляет научный интерес с точки зрения выявления альтернативных моделей нормативного закрепления статуса отца, особенностей соотношения публичных и частноправовых начал в семейных отношениях, а также механизмов правового обеспечения и защиты отцовства.

В диссертации О.В. Подкорытовой «Защита личных неимущественных прав и законных интересов родителей как участников семейных отношений» (Душанбе, 2009) приведены важные положения, касающиеся определения

способов защиты родительских прав, затронуты отдельные аспекты правового статуса несовершеннолетних родителей.

Отдельные проблемы социального обеспечения отцовства были исследованы в диссертационной работе Т.С. Гусевой «Социальное обеспечение семьи, материнства, отцовства и детства в России: теоретические и практические проблемы» (Москва, 2012).

Кроме того, рассмотрение отдельных особенностей ответственности, охраны, защиты прав участников семейных правоотношений продолжает развиваться в рамках современных частноправовых исследований. В диссертационной работе Э.Н. Яфизовой «Частноправовая защита семейных прав по законодательству Российской Федерации» (Ульяновск, 2020) проанализирована специфика правового регулирования частноправовой защиты семейных прав, исследованы сущность, формы, способы частноправовой защиты семейных прав. В диссертации Д.С. Фарафоновой «Ограничение и лишение родительских прав как меры юридической ответственности в семейном праве Российской Федерации» (Москва, 2024) изучены специфика юридической ответственности в семейном праве РФ, основания и особенности применения мер юридической ответственности.

Некоторые аспекты правового положения родителей, охраны семьи, материнства, отцовства и детства, а также защиты семейных прав нашли отражение в трудах С.В. Зыкова, О.Ю. Ильиной, О.Ю. Косовой, Н. В. Летовой, О.А. Рузаковой, А.В. Фиошина, Е.С. Шаховой, Т.В. Шершень и других исследователей.

Вместе с тем следует заметить, что современные работы фокусируются либо на защите семейных прав вообще, либо на конкретных санкциях, а не на правовой охране отцовства как самостоятельном объекте исследования.

Цель исследования состоит в разработке теоретических положений о правовой охране отцовства, определяющей отцовство как социально-правовое явление, подлежащее охране и защите со стороны государства, в обосновании теоретико-правовой функциональной модели охраны отцовства, к

необходимости разработки которой приводят выявленные в ходе исследования особенности, пробелы и дисбалансы в механизме реализации правового статуса отца, а также в формировании научно обоснованных практических рекомендаций, направленных на устранение дисбаланса в реализации родительских прав и обеспечение равенства юридической исполнимости статуса отца и матери.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих задач:

- выявить общие закономерности развития правового регулирования отцовства в России, установив эволюцию подхода законодателя к правовому статусу отца от исторических форм до современного конституционно-правового закрепления отцовства как самостоятельного объекта государственной охраны;

- сформулировать определение правовой охраны прав отца и обосновать дифференциацию охранительных и защитительных механизмов, учитывающую социально-правовую специфику субъектов родительского права и фактическое положение родителя в системе семейных отношений;

- разработать теоретико-правовую функциональную модель правовой охраны отцовства, определив ее структуру, цели и назначение;

- осуществить сравнительный анализ условий реализации правового статуса отца и матери, определив факторы, обуславливающие фактическую асимметрию их юридических возможностей в семейных правоотношениях;

- определить эффективность внесудебных форм защиты прав отца, включая самозащиту, договорные механизмы, деятельность органов опеки и попечительства, а также участие некоммерческих организаций, выявив их потенциал в преодолении конфликтного родительства;

- раскрыть процессуальные особенности защиты прав отца в особом и исковом производстве, установив специфику доказывания, распределения бремени доказывания и правовые последствия судебных актов по спорам об

определении места жительства ребенка, порядке общения, установлении и оспаривании отцовства, лишении и восстановлении родительских прав.

Объектом исследования выступают общественные отношения, урегулированные нормами гражданского, гражданско-процессуального и семейного права, складывающиеся в сфере возникновения, осуществления и охраны прав отца.

Предметом исследования является совокупность положений конституционного, гражданского, гражданско-процессуального и семейного законодательства Российской Федерации о правовом статусе отца; доктринальные исследования правовой охраны прав отца; судебная и правоприменительная практика по спорам, связанным с защитой прав отца.

Теоретическая основа исследования. Теоретическую базу диссертационного исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых в области теории государства и права, конституционного, гражданского, семейного и гражданского процессуального права, а также концептуальные работы по социологии, антропологии и истории.

В сфере общей теории права и государства использованы исследования С.С. Алексеева, Н.В. Витрука, В.М. Горшенева, Л.Н. Завадской, С.Н. Кожевникова, В.Н. Кудрявцева, А.В. Малько, Н.И. Матузова, В.А. Патюлина, О.И. Цыбулевской.

В сфере конституционного права и правового статуса личности значимыми для исследования являются труды Л.Д. Воеводина, С.В. Кабышева, А.И. Лепешкина, М.В. Мархгейм, Б.В. Щетинина.

В сфере гражданского права использованы работы Н.А. Барина, Е.В. Вавилина, Э.П. Гаврилова, В.П. Грибанова, О.С. Иоффе, Ю.Х. Калмыкова, П.В. Крашенинникова, О.В. Кузнецовой, Н.С. Малеина, Д.И. Мейера, И.А. Покровского, А.П. Сергеева, Е.А. Суханова, В.А. Тархова, З.И. Цыбуленко.

В сфере семейного права теоретическую основу исследования составили труды М.В. Антокольской, Х.Г. Асланова, А.М. Беляковой, Ю.Ф. Беспалова,

В.В. Богдан, Т.А. Быковой, Е.М. Ворожейкина, Т.Ю. Дементьевой, Е.А. Демкиной, П.А. Дервянко, А.И. Загоровского, С.В. Зыкова, О.Ю. Ильиной, Е.Г. Комиссаровой, О.Ю. Косовой, А.Н. Левушкина, Н.В. Летовой, С.Т. Максименко, Л.Ю. Михеевой, С.А. Муратовой, А.М. Нечаевой, В.П. Никитиной, Л.М. Пчелинцевой, А.А. Редько, О.М. Родионовой, О.А. Рузаковой, В.А. Рясенцева, Л.В. Саенко, А.А. Серебряковой, О.Ю. Ситковой, В.А. Тарасовой, М.В. Ульяновой, А.В. Фиошина, Е.С. Шаховой, Т.В. Шершень, П.А. Якушева, Э.Н. Яфизовой.

В сфере гражданского процессуального права и цивилистического процесса использованы исследования М.А. Викут, О.В. Исаенковой, В.В. Измайлова, С.Ж. Соловых, С.А. Филиппова, Т.И. Хмелевой.

Историко-социальный, морально-нравственный, антропологический, а также междисциплинарный аспект исследования дополнительно опирается на труды М.М. Ковалевского, К. Маркса, Р. Малиновского, В.Я. Стоюнина, Л.Н. Толстого, П.А. Флоренского, Ф. Энгельса, а также иных авторов, научные положения которых использованы при раскрытии социально-правовой природы исследуемых отношений.

Нормативную основу исследования составляют нормы российского законодательства. В процессе написания диссертации автором были использованы следующие нормативно-правовые акты: Конституция Российской Федерации, Конвенция Организации Объединенных Наций «О правах ребенка», Гражданский кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, а также иные нормативные правовые акты, которые регулируют отношения, связанные с предметом настоящего исследования.

Эмпирическая база исследования охватывает постановления и определения Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, судебную практику судов общей юрисдикции по делам об определении места жительства детей, порядке общения, оспаривании и установлении отцовства, лишении родительских прав (всего

было проанализировано 27 материалов архивных дел и решений судов общей юрисдикции по указанным категориям дел). Также использованы статистические данные Росстата, ВНИИ труда и материалы органов опеки и попечительства (2020-2025 гг.), демографическая статистика Департамента по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций (2020-2025 гг.).

Методологическую основу исследования составляет сочетание общенаучных методов познания (диалектико-материалистический, анализ, синтез, обобщение, дедукция, идеализация, аналогия, классификация, описание) и научно-научных методов исследования, характерных для юриспруденции: конкретно-исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический, системно-структурный, а также метод правового моделирования.

В качестве основного метода исследования выступает метод правового моделирования в сочетании с системным, функциональным и деятельностным подходами, что позволило рассмотреть правовую охрану отцовства как самостоятельный обособленный правовой институт и сложную систему правовых средств. В рамках указанных подходов была разработана и научно обоснована доктринальная функциональная модель правовой охраны отцовства (прав отца), выявлены ее структурные элементы и уровни (превентивная, обеспечительная и восстановительная охрана), проанализированы связи между ними.

В работе также были использованы конкретно-исторический и сравнительно-правовой методы. Конкретно-исторический метод применялся для установления общих закономерностей развития правового регулирования отцовства в России, а также выявления эволюции подхода законодателя к правовому статусу отца. Сравнительно-правовой метод использовался для выявления проблемы системной асимметрии условий реализации правового статуса отца по сравнению с правовым статусом матери, а также для сопоставления гарантий реализации родительских прав.

В рамках исследования широко использовался формально-юридический метод для анализа действующего конституционного, семейного и гражданского процессуального законодательства Российской Федерации, а также правоприменительной практики судов.

Дополнительно в ходе изучения нормативно-правовых актов применялись различные способы толкования права (грамматический, системный, логический), позволившие обеспечить объективность и достоверность полученных выводов при исследовании судебной и правоприменительной практики.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем разработаны теоретические положения о правовой охране отцовства и обоснована теоретико-правовая модель охраны отцовства. Данная модель включает в себя закрепленные и урегулированные нормами права форму и содержание правовой охраны прав отца (ее структуру, элементы и функциональные связи между ними).

В рамках разработанной модели:

– сформировано научное представление о функциональной модели правовой охраны прав отца, описывающей динамику реализации охраны как рационально организованного процесса осуществления эффективного юридического действия; дано определение цели данного механизма, выявлены субъекты;

– обосновано выделение превентивной, обеспечительной и восстановительной функций как уровней функциональной модели правовой охраны, определено их содержание;

– доказана необходимость перехода от декларативного равенства прав родителей к концепции равенства юридической исполнимости родительского статуса, что обеспечивает содержательную определенность предлагаемой модели.

Научная новизна исследования определяется следующими положениями, выносимыми на защиту:

1. Выявлено, что нормативное закрепление правового статуса отца исторически детерминировано общими закономерностями развития правового регулирования - его секуляризацией, цикличностью государственной политики и устойчивым разрывом между декларативным равенством прав родителей и механизмами их осуществления. Под влиянием указанных факторов эволюция статуса отца прошла путь от патриархальной власти к современной конституционной охране, при этом на каждом историческом этапе (древнерусский, сословно-патриархальный, имперский, советский, современный этапы) формальное провозглашение равноправия опережало создание отраслевых гарантий, что обусловило сохраняющуюся фрагментарность фактической реализации отцовских прав.

2. Автором предлагается рассматривать отцовство не только как объект правового воздействия, но также как самостоятельное социально-правовое явление, отражающее биологические, социальные, культурные и юридические основания связи мужчины с ребенком, а также значимую роль отца в семье, обществе и государстве. В правовом смысле отцовство – это комплекс норм, закрепляющих особый правовой статус отца, включающий личные неимущественные и имущественные права и обязанности, ответственность, а также юридические гарантии устойчивой правовой и фактической связи между отцом и ребенком. В социальном смысле выражает особую форму родительского участия мужчины в жизни ребенка, связанную с его воспитанием, содержанием, заботой, защитой, эмоциональной поддержкой и передачей социального опыта.

3. Доказано, что правовая охрана отцовства – это комплексный межотраслевой институт, включающий систему превентивных, обеспечительных и восстановительных правовых средств, направленных на признание, сохранение и защиту социально и юридически значимой роли отца, а также на обеспечение устойчивости его правового статуса. В отличие от правового регулирования, задающего нормативную модель статуса, и правового обеспечения, создающего условия для реализации прав, правовая

охрана охватывает как обеспечение благополучной реализации родительских прав отцом, предупреждение нарушений прав отца, так и восстановление его нарушенного статуса, функционируя на стыке публичных и частных интересов.

В рамках института правовой охраны отцовства обоснована необходимость разграничения охранительных и защитительных механизмов прав отца. Доказано, что охранительные механизмы направлены на поддержание социального статуса отца посредством предоставления, установления гарантий, льгот, пособий и других мер социальной поддержки. Защитительные механизмы направлены на защиту правового статуса отца посредством защиты его прав, установленных в семейном законодательстве.

4. Разработана теоретико-правовая модель правовой охраны отцовства, представляющая собой научно обоснованное аналитическое описание системы правовых средств, субъектов, функций, результатов, направленных на признание, обеспечение, предупреждение нарушения и восстановление прав и обязанностей отца. Целесообразность построения модели обосновывается тем, что отцовство является объектом государственной защиты и поддержки, однако отраслевые механизмы его охраны остаются фрагментарными. Центральным элементом модели выступает функционально-деятельностный блок, раскрывающий правовую охрану отцовства через превентивный, обеспечительный и восстановительный уровни. Превентивный уровень направлен на предупреждение нарушения прав отца, обеспечительный – на создание правовых, организационных, информационных и процедурных условий для реализации отцом его родительских прав, восстановительный уровень направлен на защиту нарушенных или оспариваемых прав отца и восстановление его фактической связи с ребенком. Результатом функционирования модели является переход от формального равенства родителей к равенству юридической исполнимости их родительского статуса.

5. Доказано, что формально-юридическое равенство прав родителей не тождественно фактической возможности реализации этих прав, что обусловлено наличием устойчивой асимметрии условий осуществления родительского статуса. Данная асимметрия проявляется в нескольких аспектах: в порядке установления происхождения ребенка (презумпция отцовства супруга матери, зависимость добровольного признания от согласия матери); в системе социальной поддержки (ориентация мер государственной помощи преимущественно на материнство, субсидиарный характер участия отца в материнском капитале); в правоприменительной практике (приоритет матери при определении места жительства ребенка, оценочный характер категории «интересы ребенка», используемый для консервации сложившегося порядка); в механизмах гарантирования (имущественные обязанности отца обеспечены эффективными средствами принуждения, тогда как личные неимущественные права требуют повторного судебного обращения и зависят от добросовестности другого родителя). Выявленная асимметрия не имеет нормативного основания, но воспроизводится через правовые презумпции, социальные стереотипы и процессуальную фрагментарность защиты прав отца.

Преодоление выявленного дисбаланса требует перехода от декларативного равенства прав родителей к равенству юридической исполнимости родительского статуса. Это предполагает формирование системы специальных гарантий реализации прав отца (процессуальных, информационных, исполнительных и др.) и формализацию объективных критериев оценки интересов ребенка, позволяющих минимизировать судебное усмотрение.

6. Обосновано, что внесудебные формы защиты прав отца образуют самостоятельный межотраслевой правовой механизм, объединяющий нормы семейного, гражданского, административного и процессуального характера, включающий самозащиту, договорные конструкции, а также деятельность некоммерческих организаций, органов опеки и попечительства, медиативные

процедуры, направленные на обеспечение и восстановление правового статуса отца. В отличие от судебной защиты, ориентированной на разрешение уже возникшего конфликта, внесудебные механизмы выполняют превентивную и оперативную функции, позволяя минимизировать эскалацию спора и сохранить конструктивное взаимодействие родителей в интересах ребенка.

Сформирована система мер внесудебной защиты прав отца, включающая:

- презумпцию добросовестности отца;
- пределы реализации родительских прав, исключая злоупотребление;
- информационные гарантии.

7. Доказано, что предмет судебного разбирательства дуалистичен, так как судебной защите подлежат как нарушенное или оспариваемое субъективное право отца, так и интересы ребенка, выступающие в качестве оценочного критерия, через который суд определяет обоснованность заявленных требований отца. Вследствие этого защита субъективных прав отца приобретает опосредованный характер, а исход дела, в значительной степени, зависит от психологических, социальных и поведенческих факторов, что повышает роль судейского усмотрения и усложняет доказательственный процесс.

8. Выявлены устойчивые факторы, формирующие асимметрию процессуальных возможностей отца и матери в исковом производстве: фактическая инерционность судебных решений, ориентированных на сохранение сложившегося порядка проживания ребенка; повышенная зависимость исхода дела от заключений органов опеки и попечительства, которые нередко воспроизводят стереотип о «приоритете материнского воспитания»; сложность доказывания в условиях конфликтного родительства, включая выявление родительского отчуждения; а также недостаточная эффективность механизмов исполнения судебных актов, что приводит к

невозможности реализации родительских прав при формальном сохранении их объема.

В целях преодоления указанного дисбаланса автором предложена система процессуальных мер, применяемых в делах, связанных с защитой прав отца, включающая:

- отказ от фактической презумпции сохранения сложившегося порядка проживания ребенка и закрепление принципа симметричного распределения бремени доказывания;

- нормативное закрепление презумпции полноценного общения, возлагающей бремя доказывания вреда на сторону, возражающую против контактов отца с ребенком;

- механизм «условного отказа» в спорах о возврате ребенка от третьих лиц, при котором суд, отказывая в немедленной передаче, одновременно разрешает вопросы о временной форме устройства ребенка, порядке общения и устанавливает процедуру осуществления контроля.

9. Обосновано, что судебная защита прав отца в особом производстве представляет собой самостоятельную процессуальную форму, направленную на установление юридических фактов, имеющих значение для возникновения, изменения или прекращения правового статуса отца (факта отцовства, факта признания отцовства, факта усыновления, факта фактического воспитания). Специфика данной формы обусловлена отсутствием материально-правового спора между участниками, однако на практике наблюдается устойчивая тенденция к расширительному толкованию судами понятия «спор о праве», что ведет к необоснованной трансформации особого производства в исковое и создает дополнительные барьеры для защиты прав отца и интересов ребенка. Предложено расширить категорию дел особого производства за счет включения вопросов о фиксации обстоятельств, имеющих значение для последующей защиты прав отца в исковом порядке (факт участия в воспитании, факт препятствования общению и др.), что

позволит формировать превентивную доказательственную базу и обеспечит непрерывность правовой охраны отцовства на досудебной и судебной стадиях.

На основании полученных результатов исследования и представленных положений сформулированы предложения о внесении изменений и дополнений в действующее законодательство, которые отражены в Приложении.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что разработаны значимые для доктрины семейного, гражданского и гражданского процессуального права теоретические положения, которые направлены на развитие научных знаний о правовой охране отцовства. Сформированные теоретические положения могут составить основу для дальнейшего исследования вопросов осуществления прав и обязанностей отца, гарантий их реализации, механизма охраны и защиты.

Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что разработанные предложения могут быть использованы в законотворческой деятельности для модернизации положений Семейного кодекса РФ (*далее* – СК РФ) и Гражданского процессуального кодекса (*далее* – ГПК РФ), а также в правоприменительной практике Верховного Суда РФ и судов общей юрисдикции. Материалы могут применяться в учебном процессе при преподавании дисциплин «Семейное право» и спецкурсов по защите прав участников семейных правоотношений.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается применением апробированных методов научного познания, комплексным анализом обширного массива нормативных правовых актов, глубоким изучением отечественной доктрины, а также репрезентативной выборкой и обобщением обширной правоприменительной и статистической практики судов и иных органов власти.

Апробация и внедрение результатов исследования. Результаты исследования обсуждались и одобрены на кафедре гражданского права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Основные

положения работы опубликованы в 15 научных статьях, 6 из которых в рецензируемых журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для опубликования результатов докторских и кандидатских исследований, а также изложены в публикациях, докладах и тезисах на российских и международных научно-практических конференциях: Международная научно-практическая конференция «Трансформация российского законодательства в условиях глобальных проблем человечества» (г. Махачкала, 2020); VI Всероссийский молодежный научный форум «Наука будущего – наука молодых» (г. Москва, 2021); Всероссийская научно-практическая конференция магистров, аспирантов и соискателей «Актуальные проблемы современного права в научных исследованиях молодых ученых-юристов» (г. Москва, 2022); Всероссийская научно-практическая конференция «Перспективы развития гражданского права и процесса в эпоху цифровизации», посвященная 100-летию со дня рождения Н.А. Барина (г. Саратов, 2022); Международная научно-практическая конференция «Перспективы развития мировой социально-экономической системы. Актуальные проблемы развития естественных и технических наук» (г. Москва – г. Владивосток, 2022); VIII Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире» (г. Сибай, 2022); Межвузовская научно-практическая конференция «Уголовно-исполнительная система России в условиях реформирования» (г. Вологда, 2022); VII Международный студенческий юридический форум «Правовая система и вызовы современности» (г. Уфа, 2022 г.); II Международная научно-практическая конференция «Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве» (г. Симферополь, 2022); III Саратовский юридический форум (г. Саратов, 2023); круглый стол с международным участием «Актуальные проблемы и современные риски в сфере демографической безопасности государства: особенности законодательного регулирования» (г. Саратов, 2023); Международная научно-

практическая конференция «Пятые Абовские чтения» (г. Москва, 2023); VI Новосибирский международный юридический форум «Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития» (г. Новосибирск, 2024); Международная научно-практическая конференция, посвященная 10-летию Академии правосудия при Высшем судебном Совете Республики Казахстан «Непрерывное образование судей в XXI веке: интеграция науки и практики как основа повышения качества правосудия», (г. Астана, 2026 г.); Научно-практическая конференция с международным участием «Семья как ценность в обществе и праве» (г. Москва, 2026 г.).

Структура обусловлена целью, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, трех глав, семи параграфов, заключения, библиографического списка и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОТЦОВСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1.1 Генезис правового регулирования отцовства

Как отмечают исследователи, семейное право относится к тем отраслям, которые периодически существенно меняют свои ориентиры, содержание и статус¹. Причина состоит в своеобразной внутренней динамичности регулируемых им семейных отношений.

Несмотря на кажущийся кризис семьи, в современном российском обществе последняя продолжает рассматриваться как один из главных социальных институтов². По справедливому замечанию Е.А. Демкиной, «традиционная семья – ядро любого государства, со своей формой хранения и передачи традиционных семейных ценностей, знаний, нравственности из поколения в поколение³». Поэтому в современной России усиливается интерес со стороны ученого сообщества, законодателя и правоприменителя к вопросам совершенствования правового регулирования семейных отношений⁴.

При этом высказывается все больше суждений о важности повышения социальной роли отца, вовлечении мужчин в семейные дела и воспитание детей, особое внимание уделяется вопросам ответственного отцовства⁵.

¹ См.: Семейное право: практикум / Т.В. Шершень, А.Ф. Пьянкова; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2025. 188 с.

² См.: Рыбалко И.В. Трансформация отцовства в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2006. 22 с.

³ См.: Демкина Е.А. Договор оказания репродуктивных услуг: специальность 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки»: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023. С.58.

⁴ Так, например, в целях укрепления института семьи и повышения значимости отцовства в воспитании детей Указом Президента Российской Федерации от 4 октября 2021 г. № 573 был установлен новый праздник, празднуемый в третье воскресенье октября, получивший название «День отца».

⁵ См.: Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/> (дата обращения: 05.01.2026).

Представления о важности и ценности семьи сменялись на протяжении истории¹. Подчеркнем, что проблемы охраны семьи, материнства, отцовства и детства, вопросы эффективного построения семейных ценностей, вопросы защиты прав участников семейных отношений являются далеко не новыми, поскольку «семья, как известно, в процессе своего исторического развития совершила длинный путь²».

Следует обратить особое внимание на тот факт, что на всем протяжении истории семейные правоотношения развивались и меняли свой характер, задавая общее направление для развития институтов материнства, отцовства и детства. Однако широкое распространение в рамках отечественной науки в большинстве своем получили доктринальные положения теории материнства и детства, но семья, как известно, представлена еще одним базовым отношением – отношением отцовства.

Обращение к этимологии и смысловому содержанию слова «отец» позволяет выявить его глубокое культурно-историческое и мировоззренческое значение. В традиции русского языка и отечественной духовной культуры данное понятие издавна ассоциировалось не только с биологическим родительством, но и с такими характеристиками, как старшинство, ответственность, духовное наставничество и руководство.

В различных контекстах слово «отец» употреблялось для обозначения главы семьи, наставника, духовника, а в религиозной традиции – как символ высшего духовного начала (Господь Бог)³. Тем самым уже на уровне языкового и культурного восприятия данная категория выходит за пределы

¹ См.: Русское гражданское право / Д.И. Мейер. М.: Статут: Консультант Плюс, 2003. С. 465.

² См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Эксмо, 2023. 384 с.

³ См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1992; Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: ООО «Изд-во Оникс», 2007; Шанский Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. 7-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2004.

узкого семейно-правового смысла и приобретает более широкий социальный и нравственный характер.

Показательно, что с понятием «отец» непосредственно связано и слово «отечество», имеющее в отечественной культурной традиции многослойное смысловое содержание. В научной и историко-филологической литературе выделяется несколько его значений. Во-первых, отечество трактуется как наследственное владение, передаваемое отцом своим потомкам, что отражает преемственность поколений и идею сохранения семейного наследия. Во-вторых, под отечеством понимается родина – пространство исторического, культурного и социального бытия народа. В-третьих, в духовно-философском измерении используется понятие «небесного отечества», связанное с религиозным представлением о высшей цели человеческого существования¹.

Данные значения условно могут быть соотнесены с тремя уровнями смыслов: частным, общественным и духовным. При этом речь идет не о формальных лексических значениях, а о сложившихся в историческом развитии представлениях о роли отца в системе общественных отношений. В этом контексте фигура отца выступает не только как элемент семейной структуры, но и как носитель социальной ответственности, обеспечивающий преемственность поколений, стабильность семейных отношений и передачу культурных и нравственных ценностей.

На протяжении веков именно отцовство выступало важным элементом общественного устройства, связывая семейную жизнь с более широкими социальными и государственными процессами. Через воспитание детей, участие в их духовном и нравственном становлении отец вносит вклад в формирование будущих поколений, тем самым обеспечивая устойчивость общества и государства.

¹ См.: Словарь русского языка XI-XVII вв / АН СССР. Ин-т рус. яз.; Редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред. и др.). - Москва: Наука, 1975-. Вып. 13: (Опась - Отрабатыватися) / сост. О. В. Малкова [и др.]. - 1987. - 318 с.

В этой связи отцовство может рассматриваться как значимый социально-правовой и культурный феномен, имеющий значение не только для семейных отношений, но и для развития общества в целом. Укрепление отцовства, формирование у мужчин осознания своей родительской ответственности и активного участия в воспитании детей выступают важным условием стабильности семейных отношений и сохранения социального потенциала государства. Именно поэтому в современных условиях проблема правового обеспечения, охраны и защиты отцовства приобретает особую актуальность как в научной доктрине, так и в правоприменительной практике.

В процессе своей исторической эволюции правовое воздействие на отцовство менялось и продолжает меняться по сей день, поскольку семейные правоотношения в целом подвержены влиянию интересов со стороны самих членов семьи, общества, государства и религии. Поэтому определение правовой сущности отцовства без учета выводов, полученных в исторической и социологической науках в результате исследований культуры многонационального народа России, не представляется возможным.

Отправной точкой в анализе формирования и развития правового воздействия на отцовство может послужить работа Ф. Энгельса «О происхождении семьи, частной собственности и государства»¹. Автор подвергает исследованию эволюцию социальной организации семьи, выражающуюся в постепенном переходе от матриархата и полигамии к патриархату и моногамии, где роль отца-мужчины становится первостепенной.

В своей работе Ф. Энгельс утверждает, что на ранних этапах развития общества семейные отношения регулировались так называемым «материнским правом», основанном на полигамии и матриархате, что было обусловлено господствовавшей в то время центральной ролью женщины в социальной структуре. Происхождение ребенка определялось исключительно

¹ См.: Engels F. Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats / Friedrich Engels. 2. Aufl. Stuttgart: Verlag von J. H. W. Dietz, 1886. [ohne Seitenangabe]. S. 145

по женской линии, иными словами дети принадлежали только к роду своей матери. Последнее оказывало существенное влияние на имущественные отношения внутри семьи и определяло порядок наследования. Так, например, дети умершего мужчины были лишены возможности наследовать за ним, поскольку имущество отца после смерти должно было остаться в роду последнего, а собственные дети к его роду, согласно материнскому праву, не имели отношения. Ресурсы и потомство находилось под ведением матери¹.

С развитием производства, преимущественное участие в котором стали принимать мужчины, экономическая роль женщины в семье переместилась на второй план. Постепенный переход от полигамии и матриархата к «отцовскому праву» стал осуществляться также по причине развития общества, сельского хозяйства, увеличения производительности труда и появления частной собственности.

Как отметил К. Маркс, «...этот переход кажется вообще самым естественным²». Целесообразно предположить, что такая позиция автора основывалась на том, что изменения в социальной структуре семьи были неизбежны, ввиду широкого влияния производственных отношений на гендерные роли и семейные структуры, экономических условий и необходимости контроля над частной собственностью.

Последовательное изменение социальной структуры семьи привело к появлению новой формы – моногамной и патриархальной семье, под которой стали понимать организацию известного числа лиц, свободных и несвободных, в семью, подчиненную отцовской власти главы семьи³.

С возникновением государства как института власти произошло дальнейшее укрепление позиции мужчины в семье. На примере римской и греческой семьи Ф. Энгельс описал характерные черты патриархата, среди которых можно выделить: безграничную отцовскую власть, господство мужа

¹ См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 59

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. т. 45, с. 311.

³ См.: Там же.

над женой, безоговорочную верность жены, появление установления происхождения детей от определенного отца и определение принадлежности детей к роду по линии отца, управление мужем делами семьи и принадлежность имущества семьи главе – мужчине¹.

Так, согласно Книге 1 титулу 6 фрагменту 4 Дигестов византийского императора Юстиниана I: «Отцы семейства – это те, которые обладают своей властью, будь они совершеннолетние или несовершеннолетние; подобно этому, матери семейства, сыновья семейства и дочери семейства находятся в чужой власти. Ибо тот, кто рождается от меня и моей жены, находится в моей власти; также тот, кто рождается от моего сына и его жены, т.е. мой внук или внучка, также в моей власти, и правнук, и правнучка, и т.д.»².

В средние века укрепление роли отца-мужчины в семье происходило повсеместно не только в Риме, но и Греции, а также в ряде славянских государств. Однако одновременно с этим ослаблялась роль женщины, менялась динамика родственных связей, существо имущественных и неимущественных отношений в семье.

Так, например, согласно греческим источникам, в некоторых областях жена и вовсе стала обозначаться словом среднего рода (греч. *oikureta*), под которым понималась принадлежащая мужчине вещь для присмотра за хозяйством³. Целесообразно предположить, что в основу такого подхода была заложена первостепенность экономической роли мужчины в семье. Отсюда становится ясной суть тезиса Ф. Энгельса о том, что «господство мужчины в браке есть простое следствие его экономического господства и само собою

¹ См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 61

² См.: Дигесты Юстиниана = *Digesta Iustiniani* : [Пер. с лат.] / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. - Москва : Статут, 2002-. - 22 см. - Золотая коллекция Консультант плюс / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак., Рос. акад. наук. Ин-т всеобщ. истории. Центр изучения рим. права. Т. 1, кн. 1-4. - 2002. - 583 с.

³ См.: Еврипид (ок. 480-406 до н. э.). Орест: Трагедия Еврипида / пер. с греч. стихами И. Анненский. СПб.: тип. «В.С. Балашев и К°», 1900. 87 с.

исчезает вместе с последним»¹. Думается, что экономическое господство мужчины явилось следствием его производственной трудовой роли, и возложения на него одной из важных функций – функции обеспечения членов семьи.

Несмотря на всю глобальность проблематики трансформации отцовства и его правового регулирования в мировом масштабе, для целей настоящего исследования необходимо сосредоточить особое внимание на правовом воздействии на отцовство именно в рамках российского государства.

Очевидно, отношение общества к отцовству трансформировалось, что было объективно вызвано сменой исторических эпох, сформированным в различные периоды времени экономическим базисом, о важности которого указывает Ф. Энгельс в упомянутой ранее работе, и, наконец, уровнем развития самого общества. Теоретические представления о формировании отцовства, как социально-правового явления, в исторической ретроспективе отечественного права демонстрируют, что влияли на его формирование как социальные, так и исторические причины.

Исследование теоретических представлений о правовом регулировании отцовства следует начать с анализа Русской Правды, как одного из первых сводов законов, существовавших в период Древней Руси. Следует отметить, что в рассматриваемый период времени в обществе уже существовала патриархальная структура семьи. Примечательно, что несмотря на абсолютизацию и своего рода безграничность отцовской власти в период древности, особого законодательного регулирования, опосредующего возможности охраны и защиты родительских прав отцов в чистом виде, не существовало.

Однако все же семья рассматривалась как «государство в государстве», по причине господства власти отца в семье². В данной связи очевидным

¹ См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 84

² См.: Тарусина Н.Н. Брак по российскому семейному праву: учеб. пособие. Ярославль, 2008. 254 с.

становится тот факт, что правовой статус отца был шире, чем правовой статус матери. Последнее было вызвано предоставлением приоритета имущественных прав и обязанностей мужчин и в меньшей степени формализованности роли матери в семье по сравнению с ролью отца. Как следствие, «все то, что жена имела до брака, и все то, что ей каким-либо образом доставалось во время брака, переходило в полную собственность мужа»¹.

Следует заметить, что в Русской Правде отсутствовали конкретные правовые положения, определяющие отцовство в его современной интерпретации. Однако существовавшие тогда обычаи позволяли установить родство мужчины с детьми через признание или фактическое воспитание детей. Согласно правилам, изложенным в Русской Правде, на отца возлагалась функция кормильца и добытчика. Также подчеркнем, что именно отец имел приоритетные права на имущество, в том числе наследственное, и на осуществление управления всем имуществом семьи. Последнее обусловило предоставление возможности передачи отцом прав на землю и имущество своим детям, что подчеркнуло его авторитет и наделение большей степенью ответственности.

При исследовании личных неимущественных прав и обязанностей отца было выявлено, что именно мужчины в Древнерусском государстве отвечали за качество воспитания детей, а также их обучение. Так, именно глава семьи становился первым учителем для своих детей. Подобное положение дел демонстрирует важность роли отца не только как кормильца, но и как наставника.

Кроме того, важность наставничества отца, как учителя, была перенята и отражена в иных актах, принятых в русском государстве. Так, Домострой закрепил положения, в соответствии с которыми преимущественно на отцов возлагалась обязанность осуществлять наказание детей, нести

¹ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Эксмо, 2023. 384 с.

ответственность за их образование, духовно-нравственное развитие и воспитание¹.

В связи с нарастающим влиянием церкви на общественную жизнь установление факта отцовства стало происходить иначе, автоматически, посредством наличия законного церковного брака между отцом и матерью ребенка, однако по-прежнему существовала возможность признания отцовства путем провозглашения ребенка в качестве своего.

Внебрачные дети зачастую сталкивались с общественным осуждением, имели в определенной степени меньший набор прав, по сравнению с законнорожденными детьми. Описанный подход демонстрирует, что установление отцовства для ребенка играло важную роль, поскольку отсутствие такового могло повлиять на социальное положение ребенка, ограничить ряд имущественных прав, например, создать трудности в получении наследства внебрачными детьми.

Кроме того, в христианском учении (как в Ветхом завете, так и в Новом завете), а в дальнейшем и в сложившемся из его положений церковном праве, стало уделяться особое внимание понятию «отец». Он понимался как бесспорный глава семьи, которого жена признает хозяином и господином, от которого зависит воспитание сыновей, заключение браков, свобода девиц и жизнь детей: «Всякому мужу глава Христос, жене глава – муж, а Христу глава – Бог»². Привилегированное положение отца-мужа в семье подчеркивается также в «Слове Иоанна Златоуста о добрых и злых женах». Там упоминается

¹ Например: «Уча и наказуя и разсужая, рани возлогати»; «и не ослабляй бѣя младенца»; «сына ли имаши, не дошедъ внити въ юности, но сокруши ему ребра: аще бо жезломъ бити его, не умреть, но здоровъ будетъ». Цит. по: Домострой Сильвестровского извода: Текст памятника с примеч., материалы для сравн. изуч. (образцы Домостроев: Ксенофонта и 3 зап.-европ.), объясн. ст. и словарь / под ред. А.Н. Чудинова. СПб.: Глазунов, 1902. V, С. 16

² См.: Первая книга Моисеева. Бытие, глава 18. URL: <https://only.bible/bible/rst66/gen-18/> (дата обращения: 03.03.2023)

о повиновении жены: «от мужа взята еси и той тобою да обладает, ты же в молчании повинися ему»¹.

Следует заметить, что в ряде положений Домостроя, характеризующих правовое регулирование отцовства, подчеркивалась роль отца как защитника и кормильца семьи, которая заключалась, в том числе, в необходимости полного обеспечения, как законных детей, так и внебрачных, при условии их признания отцом. Это обстоятельство было основано, прежде всего, на морально-нравственных обязанностях мужчины, иллюстрирующих тот факт, что помимо «наставнической миссии» функция по материальному обеспечению детей полностью была возложена на главу семьи. В целом правила ранних правовых сводов сформировали первые представления о регулировании семейных отношений, а также оказали существенное влияние на становление семейного законодательства в России.

В XIV-XV веках семейные правоотношения на Руси регулировались нормами, которые содержались в Кормчей книге, а также в Стоглаве². Так, Стоглав подчеркивал особый правовой статус отца, закрепляя положения о власти отца над детьми³.

Позднее в принятом в 1649 году Соборном уложении, уже в полной мере представляющем собой юридически сконструированный свод законов, был задан новый вектор развития семейного законодательства, затрагивающий вопросы регулирования семейных отношений в целом и отцовства в частности. В новом уложении были закреплены конкретные права и обязанности как отца, так и матери, при этом отличаясь в ряде случаев от прежних по содержанию. Личные неимущественные родительские права матери и отца в отношении детей не имели существенных различий, поскольку

¹ См.: Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом); Отв. ред. Д.С. Лихачев. - Ленинград (С.-Петербург): Изд. «Наука», 1987-. / Вып. 1-3.

² См.: Муратова С.А. Семейное право: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2026. С. 29.

³ См.: Там же.

во всех статьях указанного акта используется словосочетание «отец или мать» в соответствующем падеже¹. Однако с принятием Соборного уложения были внесены определенные изменения в регулирование отношений отцовства. Так, например, для отца стало недоступным узаконение внебрачного ребенка путем его признания «своим». Отец стал наделяться дополнительным правом требовать от матери выполнения обязанностей в отношении воспитания несовершеннолетних.

Помимо прочего, в Соборном уложении внимание было акцентировано на важности ответственности отца за семью, что позволяет говорить о ее закреплении в законе, а не только в рамках морально-нравственной составляющей общественного сознания, как это было ранее, при отражении такой ответственности в тексте Домостроя.

Новый виток развития семейные правоотношения и правовое регулирование отцовства получили в ходе реформаторской деятельности Петра I. Так, был введен в действие ряд нормативно-правовых актов, меняющих правовое положение субъектов семейных правоотношений и, соответственно, трансформирующих правовое регулирование отцовства в Российской империи. В содержании новых правил отразились изменения в социальном устройстве и правовой системе российского государства во времена правления Петра I.

Основополагающим документом, вызвавшим трансформацию семейных правоотношений (в части дворянского землевладения и наследования имущества), стал принятый в 1714 году «Указ о единонаследии», который коснулся изменения ряда правил в порядке наследования. В рассматриваемом нормативно-правовом акте был установлен важнейший принцип для определения порядка наследия – принцип единонаследия, согласно которому отец должен был передавать свое имущество только одному из детей (при отсутствии завещания – старшему сыну) под страхом лишения имущества и

¹ См.: Зыков С.В. Родительские права отца: эволюция в отечественном праве // Семейное и жилищное право. 2022. № 1. С. 7-10.

отчуждения его в пользу государства: «А кто не будет иметь единого наследника, тот да оставит все свое имущество государству»¹.

Также реформы Петра I усилили материальную ответственность мужчины в части содержания его незаконнорожденных детей.

В допетровский период церковные суды рассматривали обращения женщин с требованиями принудить мужчину к заключению брака (венчанию) после внебрачной связи и рождения ребенка². С введением новых норм в действие стало требоваться лишь несение им материальной ответственности в виде штрафа на содержание матери и внебрачного ребенка. Также принятые после Указа о единонаследии специальные артикулы, а именно Устав Воинский 1716 года и Морской Устав 1720 года, ввели дополнительные меры наказания для отцов внебрачных детей, одним из которых являлись тюремное заключение и следующее за ним церковное покаяние³.

Что касается непосредственно трансформации правового статуса родителя в эпоху правления Петра I, следует заметить, что бесконечно широкий круг прав, предоставленных родителям стал постепенно ограничиваться, что получило выражение в ограничении: права насильственного венчания детей, передачи их в монастырь, возможности родителя ранить и калечить детей, лишение права продажи ребенка. Дополнительной мерой ответственности родителя стало введение санкции за доведение ребенка до самоубийства.

Следует отметить, что правовое положение мужа и жены все еще оставалось неравным. Привилегированное положение мужа-отца в семье устанавливалось в ряде актов, так, в 1715 году с принятием «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» определение места жительства

¹ См.: Указ о порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах: Указ 23 марта 1714 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т. 4. М., 1986.

² См.: Козляков В.Н. «Греховные вещи и духовные» (частная жизнь в России по материалам церковного суда XVII в.) // Российская история. 2023. № 4. С. 56-73.

³ См.: Устав морской. [Января 13 дня 1720 года] // Книга Устав морской о всем, что касается доброму управлению в бытности флота на море. СПб., 1720. С. 11-18 (2 пач.), 1-432 (3 пач.).

супругов стало устанавливаться местом жительства мужа¹. Иными словами, стала закрепляться обязанность жены следовать за мужем по месту его жительства без возможности отказа со стороны женщины. Отказ стал чреват применением по отношению к жене мер принудительного характера по возвращению ее к месту проживания мужа. Безусловно, подобный законодательный подход свидетельствовал об активном вмешательстве государства в частные дела граждан и продолжающейся тенденции поддержания патриархальных устоев в рамках семейных структур.

Стоит подчеркнуть, что подведомственность регулирования семейных дел при правлении Петра I стала все больше переходить к светским властям, поскольку в доимперские времена положение было несколько другим: регулирование семейных отношений было подведомственно сугубо церковным судам. Кроме того, следует предположить, что сложившееся вследствие реформаторской деятельности Петра Великого принятие новых правовых актов, осуществление мер, ослабляющих неюридический контроль со стороны религии, в частности, снятие обязанностей по венчанию отца и матери внебрачного ребенка, принятие дополнительных мер, способствующих признанию собственной правоспособности за детьми, придание отцовским правоотношениям двухсторонний характер, оказали значительное влияние на развитие семейных отношений, с одной стороны, но с другой – ряд этих мер привел к ослаблению моральных устоев общества, снижению количества заключаемых церковных браков, повышению уровня безнадзорности несовершеннолетних.

После смерти Петра Великого правовой статус родителя все еще оставался довольно объемным. Согласно Уставу благочиния 1782 года: «Родители суть властелины над своими детьми»². Так, родители имели право

¹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1845. [4], IV, 898, XVII с.

² См.: Устав благочиния или Полицейской. Ч. 1. СПб., 1782 // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е.]. Т. 21. СПб., 1830. № 15379. С. 461.

обращения в совестной суд с требованиями о заключении детей в смиренные дома. тюремного заключения к детям за их неповиновение родительской воле¹. При этом важно отметить, что предоставление доказательств со стороны родителей в отношении вины их детей не требовалось, жалобы отца и матери с самого начала считались достоверными, не подлежали оспариванию².

Необходимо согласиться с точкой зрения В.Я. Стоюнина о том, что «окончательное становление семейного законодательства приходится на имперский период, во время которого издаются многочисленные указы Святейшего Синода, Правительствующего Сената, принимается Духовный Регламент, Устав Духовных консисторий, принятый в правление императора Николая I»³.

В 1782 г. был принят Устав благочиния, положения которого впоследствии вошли в содержание Законов гражданских Свода законов Российской империи. Законодательство стало устанавливать личные отношения между родителями и детьми, провозгласив родителей как «властелинов» над своими чадами⁴. Положение отца и матери относительно власти в отношении детей стало равнозначным. Различия в статусе оставались лишь в отношении вопросов опеки над имуществом, поскольку исключительно отцу принадлежали права опеки над имуществом, которое переходило в собственность малолетним детям при жизни их родителей; право назначения опекунов в завещании (в Черниговской и Полтавской губерниях); кроме того, в этих же губерниях за отцами закреплялось право определения отцом количества и состава приданного для дочери⁵.

¹ См.: Булдыгерова Л.Н. Право Российской империи (XVIII – начало XX века): учеб. пособие. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2019. С. 43.

² См.: Там же.

³ См.: Стоюнин В.Я. Наша семья и ее исторические судьбы // Вестник Европы. 1884. № 1. С. 30.

⁴ См.: Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г., ст. 41

⁵ См.: Там же.

Обязанность по имущественному содержанию детей, как и прежде, возлагалась на отца, однако в случае, если отец не мог ее осуществить, указанная обязанность по содержанию возлагалась на мать¹. Обязанность по возмещению вреда, причиненного «неотделенными» детьми, также возлагалась по общему правилу на отца². «Подобное привлечение отца к обязанности по содержанию детей преимущественно перед матерью объясняется его положением как главы семьи, как пользовладельца детским и жениным имуществом и как обязанного нести тягости супружеской жизни»³, отмечал А.И. Загоровский.

Вопросы установления отцовства в XIX в. по-прежнему зависели от факта рождения ребенка в браке или при отсутствии такового между родителями. Возможность официального установления отцовства в отношении детей, рожденных вне брака, была доступна лишь мужчинам, принадлежащим к привилегированным сословиям и только с «высочайшего разрешения».

Лишь с 3 июля 1902 г. были внесены изменения в законодательство, и дети, рожденные вне брака, перестали считаться незаконными, наделяясь правом иметь фамилию своего отца, а также возможностью наследовать его имущество. Доказательствами происхождения ребенка от конкретного мужчины могли выступать любые подтверждающие фактические обстоятельства. Установление отцовства, однако, не означало наделение отца особым правовым статусом в отношении ребенка, а лишь гарантировало право ребенка на получение материального содержания в случае нуждаемости.

¹ См.: Свод законов Российской империи. Том десятый. Часть I. Законы гражданские.

² Например: «В губерниях Черниговской и Полтавской по обидам кому-либо сделанным неотделенными детьми, обязанность удовлетворения возлагается на их родителей, то есть на отца, если он жив, а на мать лишь в таком случае, когда она после смерти мужа владеет или собственным своим или записанным ей от мужа имением.»// Свод законов Российской империи. Том десятый. Часть I. Законы гражданские.

³ См.: Курс семейного права / А.И. Загоровский; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак-т. М.: Зерцало, 2003. 448 с.

Следует особо подчеркнуть, что родительская власть в отношении ребенка, рожденного вне брака, принадлежала исключительно матери, однако отец, который осуществлял материальное содержание ребенка, имел преимущественное право быть его опекуном или попечителем, право контролировать воспитание ребенка.

Влияние социальных факторов на семейные отношения постепенно стало приводить к тому, что при разрешении споров между отцом и матерью относительно воспитания несовершеннолетних на первый план стали возводиться интересы самих детей. Так, при определении места жительства ребенка после развода родителей первоочередно стал устанавливаться факт того, кто из родителей лучше выполнял свои родительские обязанности¹, что, помимо зарождения «концепции наилучших интересов ребенка», свидетельствует также о наличии начал равенства правового положения обоих родителей. Однако власть мужа в семье формально сохранялась до 1917 года, приобретая более цивилизованные формы².

Следует резюмировать, что осуществленные в период российской империи реформы демонстрируют смещение вектора регулирования родительских отношений в сторону светскости общества, выразившееся в постепенном ослаблении влияния церкви на семейные правоотношения, что, в том числе, оказало влияние на изменение характера родительских правоотношений. Теперь государство полностью «взяло на себя ту роль, которую раньше играла церковь»³. При этом трансформация представлений о правовом регулировании отцовства в период дореволюционной России привела к тому, что «понятие отцовской власти стало уступать идее отцовской

¹ См.: Курс семейного права / А.И. Загоровский; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, юрид. фак-т. М.: Зерцало, 2003. 448 с.

² См.: Антокольская М.В. Семейное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. 336 с.

³ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. URL: https://www.consultant.ru/edu/students/download_books/book/pokrovsky_ia_osnovnye_problemy_grazhdanskogo_prava/ (дата обращения: 05.01.2026).

опеки, отец стал признаваться лишь естественным опекуном своих детей, а его права – лишь средством, необходимым для выполнения лежащих на нем опекунских обязанностей»¹.

Как отмечают исследователи, постреволюционные преобразования в семейной сфере существенно повлияли и на гендерные роли в семье, и на нормативные модели материнства и отцовства². Если раньше деторождение, сексуальность и брак были нормативно закреплены за семьей, то теперь эта связь разрушилась, что изменило паттерны брачного поведения людей и отношение к детям. Фактически после произошедшей в 1917 году Октябрьской социалистической революции наступил новый период реформирования семейного законодательства, заложивший основы советского семейного права, которое больше, чем другие отрасли права вызывало политические разговоры и стало первоочередным предметом судебных реформ³.

Примечательно, что в первых советских Основных законах, а именно в положениях Конституции 1918 года и Конституции СССР 1924 года правовому регламентированию вопросов семьи, материнства, отцовства и детства отдельное внимание не было уделено. Однако в тексте Конституции 1918 года было закреплено юридическое равноправие женщин и мужчин, уравнивавшее их производственно-трудовую роль и, как следствие, семейные роли.

¹ См.: Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. URL:

https://www.consultant.ru/edu/students/download_books/book/pokrovsky_ia_osnovnye_problemy_grazhdanskogo_prava/ (дата обращения: 05.01.2026).

² См.: Воронова Е.А. Представления об отцах и отцовстве в советском обществе. 1950-1960-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук [Место защиты: ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук]. М., 2022. 31 с.

³ См.: Комиссарова Е.Г. Происхождение ребенка и порядок его установления по нормам семейного права: монография. М.: Статут, 2025. 242 с.

В декабре 1917 года ВЦИК и СНК РСФСР были изданы декреты «О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния»¹, «О расторжении брака»², закреплявшие принципиально новые положения, ставшие впоследствии нормативной базой для Кодекса 1918 года. О подобном подходе законодателя свидетельствует советская научная доктрина³.

Так, 22 октября 1918 года был принят первый советский кодекс, получивший название «Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве»⁴, законодательно закрепивший равенство прав обоих родителей.

Некоторые авторы заявляют, что именно в указанном нормативно-правовом акте впервые было провозглашено и установлено равенство прав родителей⁵. Позволим себе не согласиться с указанной позицией в полной мере, поскольку советский законодатель продолжил придерживаться подхода о равенстве прав родителей, сложившегося ранее благодаря известной нормативно-правовой базе дореволюционного права, проанализированной нами ранее. Так, позиции отца и матери в отношении осуществления прав по воспитанию детей, объем их личных неимущественных прав признавался фактически одинаковым, за исключением ряда привилегированных имущественных прав, принадлежавших исключительно отцам.

С введением в действие Кодекса 1918 года произошли изменения, затрагивающие обязанности по содержанию детей. Так, в соответствие со

¹ См.: О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния: декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1917. № 11, ст. 160.

² См.: О расторжении брака: декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 19 декабря 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1917. № 10, ст. 152.

³ См.: Советское семейное право: [Учеб. для вузов по спец. «Правоведение» / Белякова А. М., Рясенцев В. А., Яковлев В. Ф.]; Под ред. В. А. Рясенцева. - Москва : Юрид. лит., 1982. С. 17.

⁴ См.: Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918) // СУ РСФСР. 1918. № 76-77, ст. 818.

⁵ См.: Шумилова Т.А. Обеспечение и защита родительских прав и обязанностей по действующему российскому законодательству. Саратов, 2005. С. 22.

статьей 162 указанного акта теперь обязанность содержания была возложена не только на отца, но в равной мере распространялась на обоих родителей¹.

Как в дореволюционном, так и постреволюционном законодательстве дефиниция понятия «отцовство» не находила закрепления в тексте нормативно-правовых актов. Употребление самого термина «отцовство» в положениях Кодекса 1918 года нашло отражение в статьях 49, 135, 139 и 142. Следует подчеркнуть, что в рамках обозначенных статей отцовство употреблялось в контексте удостоверения установления происхождения ребенка и регистрации такого акта.

«Первые законы о семье в СССР формально дискриминировали мужчин»² – с таким мнением можно столкнуться в исследованиях политологов. Думается, следует согласиться с указанной позицией в части простоты процедуры установления отцовства мужчины (по письменному заявлению матери).

Кроме того, кардинально новым и не менее дискриминирующим следует считать положение, в котором устанавливалась так называемая «коллективная ответственность отцов». По смыслу статьи 144 Кодекса 1918 года в случае, «если суд при рассмотрении вопроса установит, что лицо, указанное в заявлении матери в качестве отца ребенка, в момент зачатия хотя и было в близких отношениях с матерью ребенка, но одновременно с другими лицами, то суд постановляет о привлечении последних в качестве ответчиков и возлагает на всех их обязанность участвовать в расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка»³. В результате принятие вышеобозначенной нормы означало правовую возможность наличия у ребенка фактически нескольких «отцов», несущих расходы по его рождению

¹ См.: Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16 сентября 1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 76-77, ст. 818.

² См.: Скорнякова С.С. История гендерного равенства в России в Советский период // Россия в глобальном мире. № 4 (27). 2014. С. 242-243.

³ См.: Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16 сентября 1918 г.) // СУ РСФСР. 1918. № 76-77, ст. 818.

и содержанию. Помимо правовой составляющей, наличие нескольких предполагаемых отцов у ребенка неблагоприятно влияло на семейные правоотношения в целом и на интересы отцов и детей, в частности.

Очевидно, что подобный подход приводил к большим практическим сложностям. В связи с чем положения о «коллективном отцовстве» нередко становились предметом критики, поскольку в результате действия статьи 144 Кодекса 1918 года могли быть ущемлены права и интересы как мужчин, так и детей. В данной связи нельзя не согласиться с мнением о том, что «следствием такой политики стало исключение отца из процесса воспитания советских граждан, оставив ему по возможности роль кормильца, что не способствовало укреплению института отцовства»¹.

1 января 1927 года вступил в действие новый Кодекс о браке, семье и опеке, продолжавший тенденцию развития равного правового статуса отца и матери. Положительная динамика трансформации законодательства в области правового регулирования отцовства заключалась в том, что в тексте нового кодифицированного акта отсутствовали положения о «коллективном отцовстве». Так, в статье 32 Кодекса 1927 года закреплялось следующее правило: если суд установит факт того, что мать ребенка в период зачатия была в половых сношениях, кроме лица, указанного в качестве отца ребенка, еще и с другими лицами, то суд должен был вынести решение о признании одного из этих лиц отцом ребенка и возложить на него обязанности по материальному содержанию².

Однако существовавшая возможность уравнивания фактических и официально зарегистрированных браков зачастую приводила к злоупотреблениям в вопросах установления отцовства мужчин, фактически не имеющих кровного родства с детьми, что безусловно порождало

¹ См.: Замаева З.П., Новоселов В.М. Особенности трансформации института отцовства в советский период // Теория и практика общественного развития. № 6. 2012. С. 53-56.

² См.: Постановление ВЦИК от 19 ноября 1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» // Собрание узаконений. 1926. № 82, ст. 612.

определенные правовые последствия: наделение мужчины дополнительными правами и обязанностями. Обусловленная законодательной базой невозможность мужчин предоставления эффективной доказательственной базы по поводу отсутствия кровного родства между ним и ребенком могла приводить к нарушению их прав и законных интересов.

Целесообразно согласиться с мнением Л.Н. Завадской, которая отмечает, что «та легкость, с которой женщина могла доказать факт существования фактических брачных отношений со всеми вытекающими отсюда последствиями, делала мужчин совершенно беззащитными перед недобросовестными партнершами, претендовавшими и на площадь, и на часть имущества своего «супруга», требовавшими часто установления отцовства в отношении детей, к которым эти мужчины не имели никакого отношения. Со временем на практике это привело к тому, что мужчины стали вообще остерегаться женщин и бояться вступить с ними в какие бы то ни было интимные отношения»¹.

Проблемам обеспечения правовых гарантий для охраны отцовства уделялось мало внимания со стороны государства на законодательном уровне. Так, во вновь принятой Конституции СССР 1936 года статус отцовства по-прежнему не был предусмотрен, охраняем и обеспечен. Как отмечают исследователи, «роль отца не была предусмотрена идеологией»². В то время, как, в соответствии со статьей 122 Конституции 1936 г., было установлено предоставление «государственной охраны интересов матери и ребенка, государственной помощи многодетным и одиноким матерям»³.

Вследствие осуществленной государственной политики, социально-экономических событий 1920-х-1930-х гг., изменения отношения к отцовству

¹ См.: Завадская Л.Н. Гендерная экспертиза российского законодательства. М., Издательство БЕК, 2001. 272 с.

² См.: Деревянко П. А. Конституционно-правовой институт отцовства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2012. 22 с.

³ См.: Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: утв. Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г. (с последующими изм. и доп.) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 06.12.1936. № 283.

произошел демографический кризис и кризис института семьи, для преодоления которых был принят и введен в действие ряд нормативно-правовых актов.

Издание ЦИК и СНК СССР Постановления от 27 июня 1936 года «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательство о разводах» было призвано способствовать нормализации демографической ситуации в стране. Однако лишь в 1944 году, в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства», проблему удалось отчасти разрешить и предпринять шаги по укреплению отцовства. Так, в статье 19 Указа устанавливалось, что «только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов, предусмотренные кодексами законов о браке, семье и опеке союзных республик»¹. Более того, в статье 20 Указа вовсе была упразднена возможность обращения матери в суд с иском об установлении отцовства и о взыскании алиментов на содержание ребенка, родившегося от лица, с которым она не состояла в зарегистрированном браке.

Принятые нормы, обусловленные демографической ситуацией того времени, на практике породили большое количество негативных последствий, заключающихся в росте уровня безнадзорности несовершеннолетних, росте безотцовщины, снятии ответственности с мужчин-отцов по обеспечению

¹ См.: Указ Президиума ВС СССР от 8 июля 1944 г. (ред. от 7 мая 1986 г.) «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия – звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Собрание актов законодательства СССР. 1944. № 28.

детей, рожденных вне брака. Думается, что обозначенные последствия были предсказуемы для государства, поэтому в Указе 1944 года были предусмотрены дополнительные меры государственной поддержки лишь материнства и детства: увеличение материальной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, поощрения многодетности и усиления охраны материнства и детства, предоставление дополнительных льгот женщинам, учреждение вышеуказанных медалей.

Вместе с тем сама формулировка целей принятия Указа, обозначенная в преамбуле, подтверждает, что «отцовство» как элемент института семьи в государственной поддержке и правовой охране «не нуждается»¹.

Принятые в 1968 году Основы законодательства Союза ССР и Союзных республик о браке и семье продолжили тенденцию «отстранения» от важности и в целом возможности существования охраны отцовства, поскольку статья 5 Основ была посвящена всецело охране материнства и детства: «материнство в СССР окружено всенародным почетом и уважением, охраняется и поощряется государством. Охрана интересов матери и ребенка обеспечивается организацией широкой сети родильных домов, детских яслей и садов, школ-интернатов и других детских учреждений, предоставлением женщине отпуска по беременности и родам с сохранением содержания, установлением льгот беременным женщинам и матерям, охраной труда на производстве, выплатой государственных пособий одиноким и многодетным матерям, а также иной государственной и общественной помощью семье»².

В 1969 году был принят новый Кодекс о браке и семье РСФСР (далее – КоБС РСФСР), с одной стороны, закрепивший положения о равноправии мужчины и женщины в семейных отношениях (статья 4), равенстве прав и обязанностей обоих родителей (статья 54), но с другой – продолживший тенденцию по приоритетной поддержке и охране материнства, поскольку в

¹ См.: Там же.

² См.: Закон СССР от 27 июня 1968 г. № 2834-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» // Ведомости ВС СССР. 1968. № 27, ст. 241.

нем было указано на исключительную «всемерную охрану интересов матери и детей», «охрану и поощрение материнства». Кроме того, в преамбуле КоБС РСФСР особо подчеркивалось, что «советской женщине обеспечиваются необходимые социально-бытовые условия для сочетания счастливого материнства со все более активным и творческим участием в производственной и общественно-политической жизни»¹. Создание условий для сочетания «счастливого отцовства» с производственной и общественной жизнью не предусматривалось. В результате подобная политика поддержки лишь института материнства привела к появлению такого социального явления как «скрытая безотцовщина», что не только не способствовало развитию отцовства, но и ограничивало развитие комплексного института семьи.

В 1977 году Верховным Советом СССР был принят новый Основной закон, установивший необходимость использования специальных мер по охране труда и здоровья женщин, создания условий, позволяющих женщинам сочетать труд с материнством, правовой защиты, материальной и моральной поддержки материнства и детства, включая предоставление других льгот беременным женщинам и матерям². Термин «отцовство» в содержании статей Основного закона не нашел отражения.

Таким образом, анализ законодательных актов, принятых в эпоху существования СССР, позволяет наглядно продемонстрировать правовую, социальную и психологическую трансформацию отцовства, а также изменение отношения к отцовству со стороны общества и государства. Несомненно, причинами изменений выступили: произошедшее уравнение производственной трудовой роли мужчины и женщины, повлиявшее на сам характер устройства семьи, а также преобразование в области правового регулирования семейных отношений, слабое содействие в развитии правового

¹ См.: Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. ВС РСФСР 30 июля 1969 г.) (ред. от 7 марта 1995 г., с изм. от 29 декабря 1995 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32, ст. 1397.

² См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 7 октября 1977 г.) // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41, ст. 617.

статуса отца, уменьшенное внимание к отцовству по сравнению с материнством в части предоставления мер государственной поддержки и социальных привилегий.

Существенные преобразования в политической и общественной жизни конца XX столетия повлекли за собой обновление российского законодательства. Фундаментом отечественного законодательства стал принятый 12 декабря 1993 года Основной закон Российской Федерации, на основе которого формируется современное российское семейно-правовое регулирование.

Конституция РФ 1993 года отчасти переняла положения предшествующих Основных законов в части особой государственной поддержки материнства (статья 38): «материнство и детство, семья находятся под защитой государства»¹. Исходя из приведенных положений, можно прийти к выводу о том, что отцовство как структурный элемент семьи в рамках указанной статьи не имеет текстуального выражения. Предположим, последнее обусловлено гендерным фактором и приоритетной поддержкой материнства и детства.

Вместе с тем, исходя из провозглашенного общего принципа равенства прав мужчины и женщины, а также равенства родительских прав отца и матери, думается, что правовая охрана отцовства не в меньшей степени, чем материнство нуждается в детальной регламентации и правовом регулировании. Цивилисты и конституционалисты обращают особое внимание на то, что проблема отцовства относится к числу практически востребованных, но недостаточно разработанных направлений отечественной юридической науки².

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).

² См.: Мархгейм М.В., Деревянко П.А. Институт отцовства в России: проблемы конституционно-правовой теории и практики: монография. Ростов н/Д: РостИздат, 2012. 150 с.

Следует оговориться, что с учетом повышения внимания к проблемам правового регулирования семейных отношений закрепление в качестве отдельного объекта государственной охраны в Конституции РФ 1993 года отцовство все же получило. Так, в статье 7 Основного закона отцовство выделено самостоятельно, поскольку впервые провозглашена необходимость обеспечения гарантий их государственной поддержки¹.

Принципиально новыми по сравнению с предыдущими основными законами стали положения о совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации защиты семьи, материнства, отцовства и детства². Принятие указанной нормы призвано обеспечить гармонизацию интересов и повышение эффективности защиты прав участников семейных правоотношений, но, с другой стороны, фактически способствует образованию затруднений в области правового регулирования отцовства и принятия мер по его поддержке, приводит к разнородной судебной практике из-за наличия различий в законодательных актах субъектов Российской Федерации, предоставляет неравные меры социальной поддержки отцовства в зависимости от региона.

Исследователи справедливо указывают, что исторический опыт отечественного правового регулирования семейных отношений свидетельствует о различных подходах государства к регулированию правоотношений между родителями и детьми³. Как показывает аналитика нормативно-правовых актов XX века, необходимость в издании стабильных законов привела к принятию нового кодифицированного акта, регламентирующего правовые основы семейных правоотношений. Так, 1 марта 1996 года вступил в силу Семейный кодекс Российской Федерации,

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).

² См.: Там же.

³ См.: Измайлов В.В. Алиментные обязательства как следствие расторжения брака // Право и современные государства. 2013. № 1. С. 70

который по сей день является основным документом, регулирующим семейные правоотношения, нормативно закрепляющим равенство прав и обязанностей родителей в семье¹. Анализируя положения СК РФ, следует заметить, что термины «отцовство» и «отец» употребляются в тексте акта 54 раза. Однако подчеркнем, что такое упоминание носит ограниченный, точечный характер. Употребление термина, как правило, ограничивается лишь констатацией факта установления происхождения ребенка². Все это указывает на фрагментарность правового регулирования. Так, отцовство в действительности редуцировано до фактического уровня – отдельного правового состояния или обстоятельства, которое влечет возникновение других правоотношений, в частности алиментных.

Между тем системное толкование действующих норм, а также учет социальных реалий и тенденций правоприменительной практики позволяют выявить более сложное содержание данного явления. Современное понимание отцовства выходит за пределы исключительно биологической связи и включает устойчивую социальную роль мужчины в жизни ребенка. В правоприменительной практике все чаще учитывается фактическое участие мужчины в воспитании, заботе и формировании личности ребенка, что находит отражение и в научной доктрине, рассматривающей социальное отцовство как значимый элемент семейных отношений³.

Социальное отцовство имеет особое значение, поскольку именно оно обеспечивает реализацию интересов ребенка в тех ситуациях, когда фактическая родительская функция осуществляется лицом, которое не всегда связано с ребенком исключительно биологическим происхождением. В этом

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

² См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

³ См.: Ярычев Н.У. Установление отцовства: гражданско-правовая характеристика // Фундаментальные исследования. 2014. № 12 (ч. 8). С. 1822–1825. URL: <https://fundamental-research.ru/article/view?id=36450> (дата обращения: 13.03.2025).

смысле юридическое признание и нормативное закрепление социальной составляющей отцовской роли способствует укреплению стабильности семейных связей и обеспечивает более полную защиту прав и интересов ребенка. Это соответствует российской ментальности, выраженной в принципе: «не тот отец, кто родил, а тот, кто воспитал»¹. Поэтому представляется, что отцовство целесообразно рассматривать не как юридический факт происхождения ребенка, а как комплексное социально-правовое явление. В частности, в правовом смысле отцовство представляет собой комплекс норм, закрепляющих особый правовой статус отца, включающий личные неимущественные и имущественные права и обязанности, ответственность, а также юридические гарантии устойчивой правовой и фактической связи между отцом и ребенком. В социальном смысле выражает особую форму родительского участия мужчины в жизни ребенка, связанную с его воспитанием, содержанием, заботой, защитой, эмоциональной поддержкой и передачей социального опыта.

В процессе анализа была выявлена устойчивая закономерность развития правового регулирования семейных отношений, выражающаяся в последовательном утверждении принципа равенства родительских прав и обязанностей. Данная тенденция обусловила трансформацию нормативного подхода к пониманию отцовства: от традиционной модели, основанной преимущественно на факте биологического происхождения ребенка, к более сложной конструкции, учитывающей социальное содержание отцовской роли. Иными словами, современное правовое регулирование постепенно смещает акцент от исключительно кровного родства к признанию социального отцовства как юридически значимого явления.

Следует заметить, что на более ранних этапах правового регулирования отцовства главная задача законодателя заключалась в фиксации факта

¹ См.: Ахмедова З.А., Тарикова Б.Р. Проблемные аспекты установления отцовства // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/N/p/problemnye-aspekty-ustanovleniya-otcovstva> (дата обращения: 13.02.2026).

биологического происхождения несовершеннолетнего, а также в создании и обеспечении определенных имущественных последствий установления родства. В современных условиях приоритетной задачей является закрепление «полноценного» правового статуса отца как самостоятельного участника семейных отношений. Это связано с объективным укреплением социальной роли отца в семье и признанием его значимости в процессе воспитания и развития ребенка.

Нельзя не согласиться с мнением М.М. Ковалевского, который отметил: «Результатом многовекового прогресса семьи является замена идеи неограниченной власти и абсолютного права мыслью о договоре и взаимной обязанности. Ограничение отцовского и супружеского произвола, расширение прав жены и охрана детских интересов, отнюдь не служа к гибели семьи, лишь возвысили ее нравственный уровень»¹.

В целом, следует заключить, что правовое регулирование отцовства в России развивалось не линейно, а посредством последовательной смены историко-правовых моделей положения отца в семье. Критерием периодизации выступает изменение юридического содержания статуса отца: от носителя семейной власти и главы семьи к равноправному родителю, чей статус в современных условиях нуждается в самостоятельной правовой охране и обеспечении юридической исполнимости.

Во-вторых, в развитии правового регулирования отцовства целесообразно выделить пять основных этапов:

1. Древнерусский этап, в рамках которого отец воспринимался преимущественно как глава семьи, представитель рода, носитель хозяйственной, воспитательной и нравственной ответственности.

2. Сословно-патриархальный этап, характеризующийся укреплением отцовской власти как элемента семейной дисциплины, религиозно-нравственного порядка и социальной иерархии.

¹ См.: Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. СПб.: Ф. Павленков, 1895. 152 с.

3. Имперский этап юридизации статуса отца, в рамках которого отцовская власть получила более выраженное нормативное оформление и постепенно стала соотноситься не только с властью, но и с обязанностями по содержанию, воспитанию и представительству интересов детей.

4. Советский этап формального равенства родительских прав, основанный на законодательном уравнивании матери и отца, но одновременно характеризующийся отсутствием самостоятельной системы гарантий реализации именно отцовского статуса и фактическим вытеснением отцовства из системы государственной поддержки.

5. Современный конституционно-правовой этап, в рамках которого отцовство получило значение объекта государственной охраны и поддержки, однако отраслевые механизмы его охраны сохраняют фрагментарный характер.

Таким образом, в ходе исторической эволюции было выявлено, что становление и изменение, равно как и регулирование правового статуса отца происходило на различных этапах развития государства. Наблюдается устойчивый переход от патриархально-властной модели, где отец наделялся неограниченной властью главы семьи, к модели естественной опеки с приоритетом интересов ребенка, затем к советской модели формального уравнивания родительских прав при фактическом вытеснении отцовства из системы государственной поддержки и, наконец, к современной конституционно-правовой модели, где отцовство впервые получило закрепление в качестве объекта государственной охраны при сохраняющейся фрагментарности отраслевых механизмов охраны.

1.2 Понятие и содержание правовой охраны отцовства

По справедливому замечанию О.А. Рузаковой, семейные правоотношения имеют определенную специфику, обусловленную их

лично-доверительной природой¹, что, в свою очередь, оказывает влияние на особенности механизма реализации и охраны семейных прав.

Как отмечается в доктрине, на сегодняшний день поддержка, укрепление и защита семьи как одной из традиционных семейных ценностей является приоритетом государственной семейной политики². Кроме того, «в период изменений и трансформаций значимость семьи как ценности возрастает»³. В данной связи вопросы охраны и защиты всех субъектов семейно-правовых отношений являются весьма актуальными и требуют тщательного исследования. При этом важным аспектом становится обеспечение гарантий охраны и защиты семьи. В научной литературе справедливо указывается, что «под гарантиями обеспечения охраны и защиты семьи следует понимать не только правовую обеспеченность (юридические гарантии), закрепленную в международном и российском законодательстве, но и систему экономических, политических, духовных и иных отношений, условий и факторов, четко определенных Конституцией Российской Федерации и способствующих всестороннему развитию семьи, выполнению ей всех своих функций»⁴.

Итак, позволим заметить, что правовая охрана отцовства в Российской Федерации является малоисследованной категорией, гораздо большее количество научных трудов посвящено исследованию проблем и особенностей правовой охраны института семьи, детства и материнства⁵.

¹ См.: Рузакова О.А. Семейное право. М., 2010. С. 8-9.

² См.: Богдан В.В. Защита традиционных семейных ценностей в парадигме трансформации семейных отношений: балансируем на грани // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 71-78.

³ См.: Серебрякова А.А. Традиционные семейные ценности в современном российском обществе // Право и государство: теория и практика. 2019. № 9 (177). С. 57-59.

⁴ См.: Саенко Л.В. Конституционно-правовые основы охраны и защиты семьи в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Саратов. юрид. ин-т МВД РФ. Саратов, 2006. С. 7.

⁵ См., например: Мун В.А. Государственно-правовая охрана материнства и детства в России в середине XIX - начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Место защиты: Саратовская государственная юридическая академия]. Саратов, 2020. 37 с.

Однако в настоящее время подчеркивается высокая необходимость в научных исследованиях отцовства, что было отмечено Председателем комиссии Генерального совета партии «Единая Россия» по защите материнства, детства и поддержке семьи А.Ю. Кузнецовой в рамках круглого стола «Укрепление института семьи через воспитание ответственного отцовства и популяризацию традиционных духовно-нравственных ценностей», прошедшего 17 февраля 2026 года¹.

Благодаря поддержке Президента Российской Федерации сфера охраны отцовства в России выводится на особый федеральный уровень.

При исследовании проблематики правовой охраны отцовства, представляется необходимым предварительно уяснить содержания самой категории «правовая охрана».

В юридической доктрине категория правовой охраны традиционно рассматривается в тесной связи с защитой субъективных прав. Позволим заметить, что существующая в литературе широкая, но недостаточно дифференцированная трактовка «охраны» и «защиты», когда они употребляются как синонимы или взаимозаменяемые понятия, приводит к логической неопределенности.

В российской правовой науке большинство исследователей сходятся во мнении, что правовая охрана представляет собой более широкую и глубокую категорию, чем просто защита, и не сводится исключительно к реакции на уже совершенное правонарушение. Эта позиция обосновывается целым рядом ученых-правоведов.

¹ См.: Материалы круглого стола на тему «Укрепление института семьи через воспитание ответственного отцовства и популяризацию традиционных духовно-нравственных ценностей». URL: <http://duma.gov.ru/multimedia/video/eveNotes/125830/> (дата обращения: 20.02.2026).

Так, Н.А. Баринов в своих работах отмечал, что «охрана представляет собой объективное право, предусматривающее установление прав, правовую регламентацию возникающих отношений и их защиту»¹.

А.П. Сергеев и О.С. Иоффе выделяют охрану как более объемную категорию по сравнению с защитой². По их мнению, в широком смысле правовая охрана включает в себя всю совокупность правовых мер, с помощью которых обеспечивается развитие правоотношений в их нормальном, ненарушенном состоянии (например, закрепление право- и дееспособности, установление обязанностей), а не только восстановление нарушенных прав. О.С. Иоффе подчеркивает, что нормы, обеспечивающие охрану интересов в процессе их нормальной реализации, гораздо более значимы, чем сфера борьбы с уже совершенными правонарушениями. Сама же защита прав понимается ими как «охрана в узком смысле слова», которая задействуется только в случае нарушения или оспаривания.

Н.С. Малеин также считает охрану прав более широким понятием, которое включает в себя все юридические правила по поводу определенного блага³. Под защитой права он понимает лишь конкретные, предусмотренные законом меры в тех случаях, когда право уже было нарушено⁴.

Н.И. Матузов прямо указал на непрерывность процесса охраны в отличие от защиты: права охраняются постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются⁵. Он рассматривает защиту лишь как один из моментов охраны и одну из ее форм. Аналогичного мнения придерживается А.А. Редько,

¹ См.: Баринов Н.А. О порядке и способах защиты гражданских прав (становление и тенденции развития) // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 3(98). С. 12-17.

² См.: Антонова Е.А. Правовая сущность предупреждения причинения вреда // Труды Института государства и права РАН. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/N/pravovaya-suschnost-preduprezhdeniya-prichineniya-vreda> (дата обращения: 12.02.2026).

³ См.: Малеин Н.С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985. 128 с.

⁴ См.: Там же.

⁵ См.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. 214 с.

отмечая, что правовая охрана статична и осуществляется постоянно, тогда как основная функция защиты – восстановление нарушенного права¹.

В.А. Тархов считает, что охрана каждого субъективного права существует постоянно и имеет своей целью обеспечить его осуществление и не допустить нарушения². Необходимость же прибегнуть к защите появляется лишь тогда, когда налицо нарушение, его оспаривание либо реальная угроза нарушения.

Э.П. Гаврилов и С.Н. Кожевников рассматривают правовую охрану как установление общего правового режима, тогда как защиту – как меры, предпринимаемые постфактум, когда права нарушены или оспорены³.

В.А. Тарасова добавляет к этому, что правовая охрана заключается не просто в восстановлении нарушенного, но и в создании таких условий, при которых субъективные права могли бы беспрепятственно удовлетворяться субъектами правоотношений⁴.

Все эти позиции подтверждают, что в правовой доктрине охрана понимается как постоянный и всеобъемлющий процесс, создающий гарантии, режим и условия для правомерного поведения, тогда как защита является частным, более узким механизмом реагирования на факт нарушения закона, входящим в состав более широкой категории охраны.

В свою очередь, охранительная функция права служит своего рода информатором, сигналом для субъектов общественных отношений о том, какие социальные ценности, отношения взяты под государственно-правовую охрану⁵.

¹ См.: Редько А.А. Правозащитная политика и ее место в правовой политике России: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Место защиты: С.-Петербург. юрид. ин-т]. СПб., 2011. 25 с.

² См.: Тархов В.А. Охрана имущественных прав трудящихся по советскому гражданскому законодательству: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1966. С. 18-19.

³ См.: Гаврилов Э.П. Комментарий Закона об авторском праве и смежных правах. М., 1996. 489 с.

⁴ См.: Тарасова В.А. Охрана прав граждан в пенсионном обеспечении. М: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 118 с.

⁵ См.: Глебченко О. А. Формы и методы реализации охранительной функции права // Сибирский юридический вестник. 2009. № 1. URL:

Перенесение указанных общетеоретических положений в сферу правовой охраны отцовства дает возможность полагать, что последняя не может быть сведена исключительно к защите нарушенных прав отца, ее содержание гораздо глубже.

Как отмечает Е.С. Шахова, «охрану родительских правоотношений следует рассматривать как совокупность частноправовых и публично-правовых средств, направленных на создание необходимых условий как для эффективной реализации родительских правоотношений, так и на превенцию возможных нарушений родительских прав как со стороны третьих лиц, так и внутри исследуемых правоотношений. Итак, защита родительства является составной частью охраны прав и возникает в случае их нарушения. Относительно государственной поддержки можно прийти к выводу, что дефиниция «охрана» включает в себя меры государственной поддержки»¹.

Таким образом, исходя из общетеоретических положений, можно прийти к выводу, что правовая охрана отцовства, с одной стороны, опирается на регулятивные нормы семейного законодательства, определяющие содержание родительских прав и обязанностей. С другой, включает охранительные и обеспечительные средства, направленные на поддержание устойчивости статуса отца и предотвращение его фактического вытеснения из сферы семейных отношений.

Охранительные механизмы, в свою очередь, представляют собой совокупность статических правовых норм, направленных на обеспечение беспрепятственной реализации родительских прав в их нормальном, бесконфликтном состоянии². Они носят превентивный характер, опираются на

<https://cyberleninka.ru/article/N/formy-i-metody-realizatsii-ohraNitelNoy-fuNktsii-prava> (дата обращения: 13.03.2026).

¹ См.: Шахова Е.С. К вопросу о реформировании частноправовых и публичных начал защиты и охраны родительства и детства. // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С 25-29.

² См.: Шеленговский П.Г. Понятие и структура правового механизма охраны и защиты прав человека и гражданина в правоприменительной деятельности // Образование и право. 2024. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/N/poNyatie-i-struktura-pravovogo>

принципы автономии и добровольности, находя свое процедурное выражение, например, в заключении соглашений о порядке осуществления родительских прав.

Защитительные же механизмы обладают динамической природой и активируются исключительно в ситуациях правового конфликта, правонарушения или возникновения реальной угрозы интересам несовершеннолетнего, будучи нацеленными на пресечение противоправных действий и реализацию мер семейно-правовой ответственности.

Думается, что дифференциация обозначенных правовых механизмов неразрывно связана с социально-правовой спецификой субъектов и фактической асимметрией распределения родительских ролей на «резидентного» (совместно проживающего) и «нерезидентного» (проживающего отдельно) родителя. Для совместно проживающего родителя, которым на практике чаще является мать, охранительный механизм предстает в виде повседневной рутины по обеспечению жизнедеятельности ребенка и реализации законного представительства без специальных полномочий. В свою очередь, для нерезидентного родителя фокус охранительного механизма смещается в плоскость дистанционного участия и права на получение информации. При этом именно для отдельно проживающего родителя защитительные процедуры (например, судебное устранение препятствий в общении согласно статьи 66 СК РФ) становятся основным алгоритмом реализации презюмируемых прав, поскольку недоверие, конфликт ожиданий и психологические барьеры часто парализуют работу охранительных норм, переводя взаимодействие в защитительную плоскость судебного принуждения.

Такой подход позволяет рассматривать правовую охрану отцовства как относительно самостоятельное направление правового регулирования, ориентированное не только на реакцию на конфликт, но, прежде всего, на

формирование условий для реального и устойчивого осуществления правового статуса отца. Именно в этом контексте последующий анализ проблем правовой охраны отцовства приобретает системный и методологически выверенный характер.

Обращение к проблематике правовой охраны отцовства также требует разграничения смежных, но отнюдь не тождественных категорий, а именно: правового регулирования отцовства, обеспечения прав отца и непосредственно правовой охраны отцовства, по той причине, что отсутствие четкого понятийного разведения указанных конструкций в научной литературе нередко приводит к их смешению, что, в свою очередь, затрудняет формирование целостной теоретической модели охраны отцовства и обуславливает фрагментарность правоприменительных решений.

Под правовым регулированием в науке понимается «осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями»¹. Такие общественные отношения, в свою очередь, выделяются в отдельную категорию предмета правового регулирования².

Заметим, что общественные отношения, складывающиеся по поводу установления происхождения ребенка, реализации родительских прав и обязанностей, участия родителей в воспитании и содержании детей, образуют особую разновидность социально значимых связей, требующих целенаправленного нормативного упорядочения. Именно эти отношения и составляют предмет правового регулирования семейного права.

В данной связи представляется обоснованным выделение правового регулирования отцовства как относительно самостоятельного сегмента

¹ См.: Теория государства и права: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / отв. ред. В.Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2011. 495 с.

² См.: Там же.

семейно-правового регулирования, охватывающего совокупность норм, посредством которых государство:

1. определяет основания возникновения статуса отца;
2. закрепляет содержание его прав и обязанностей;
3. устанавливает пределы осуществления родительских прав;
4. регламентирует формы их защиты и ответственности за нарушение прав отца.

Таким образом, правовое регулирование отцовства представляет собой наиболее широкую категорию и охватывает совокупность норм, посредством которых государство упорядочивает общественные отношения, связанные с происхождением ребенка, возникновением, содержанием и прекращением родительских прав и обязанностей. В рамках данной категории решается вопрос о том, какие права и обязанности принадлежат отцу, при каких условиях они возникают и в каких пределах могут осуществляться. Тем самым правовое регулирование формирует нормативную модель отцовства как элемента семейного правопорядка. Однако, как справедливо отметил П.В. Крашенинников: «семейная сфера правового регулирования требует очень взвешенного и аккуратного регулирования»¹.

При этом следует подчеркнуть, что правовое регулирование отцовства не исчерпывается фиксацией формально-юридических предписаний. Оно включает также установление процедур, юридических фактов и механизмов, обеспечивающих трансформацию социального факта происхождения ребенка в юридически значимый статус отца. Тем самым регулирование охватывает как материально-правовой, так и процессуальный аспекты.

В то же время правовое регулирование отцовства следует отличать от правовой охраны отцовства. Если регулирование ориентировано, прежде всего, на упорядочение и конструирование соответствующих общественных отношений, то охрана направлена на поддержание устойчивости

¹ См.: Крашенинников П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3.

сформированного статуса отца, предупреждение его нивелирования и восстановление нарушенных прав. Таким образом, правовая охрана не подменяет собой правовое регулирование, а функционирует во взаимосвязи с ним, опираясь на созданную нормативную модель.

Указанное разграничение позволяет в дальнейшем рассматривать правовое регулирование отцовства как исходный, базовый уровень правового воздействия, на основе которого формируются специальные охранительные и обеспечительные механизмы, призванные обеспечить эффективность права. Последняя, в свою очередь, часто выступала предметом исследования ученых-правоведов¹.

Кроме того, от указанных выше понятий следует отличать понятие правового обеспечения прав и интересов личности. Как справедливо отмечают исследователи, «...в наш беспокойный век вряд ли можно найти более значимую и, вместе с тем, такую сложную проблему, каковой является правовое обеспечение прав и свобод человека и гражданина»². Под обеспечением прав и свобод личности подразумевается процесс, включающий в себя комплексные закономерности, условия и правовые средства целенаправленного воздействия и регулирования, позволяющие выразить в оптимальном виде результат реализации конституционного права и свободы человека и гражданина с учетом потребностей каждого³.

Обеспечение прав и интересов отца, в отличие от регулирования, ориентировано не столько на конструирование самой модели статуса, сколько на создание условий для ее фактической реализации. В данном контексте речь

¹ См., например: Калмыков Ю.Х. О повышении эффективности норм гражданского законодательства // Правоведение. 1973. № 2. С. 41-47.

² См.: Волкова М.В. Правовые средства обеспечения прав и свобод человека: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук [Место защиты: Кубанский гос. аграр. ун-т]. Краснодар, 2010. 31 с.

³ См.: Гончарова С.Г. К вопросу обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теоретический и проблемный аспекты // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/N/k-voprosu-obespecheNiya-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdaniNa-teoreticheskiy-i-problemNyuy-aspekty> (дата обращения: 28.01.2026).

идет о процессуальных возможностях обращения в суд, доступе к информации о ребенке, деятельности органов опеки, наличии процедур установления и оспаривания отцовства, а также иных юридических и организационных предпосылках, позволяющих отцу реализовывать принадлежащие ему правомочия. Так исследователи в качестве одной из ключевых проблем реализации правового статуса отца выделяют разрыв между формальным закреплением права на общение с ребенком и фактической возможностью его осуществления. В литературе справедливо указывается, что при наличии законодательного закрепления права отдельно проживающего родителя на участие в воспитании ребенка отсутствует эффективный механизм, гарантирующий реализацию права на общение с ребенком¹.

Вместе с тем обеспечение прав носит, по преимуществу, инструментальный характер и не охватывает всего спектра воздействий, необходимых для поддержания устойчивости статуса отца в спорах.

В свою очередь, правовая охрана отцовства занимает самостоятельное место между названными категориями. Она не совпадает с правовым регулированием, так как не сводится к установлению прав и обязанностей, и не тождественна обеспечению, поскольку включает не только условия реализации прав, но и специальные меры предупреждения возникновения препятствий в их реализации и утраты, а также восстановления нарушенного статуса. Тем более правовая охрана не может быть сведена исключительно к юридической ответственности, в силу того последняя представляет собой лишь крайнюю, санкционную форму охранительного воздействия.

Такое понимание позволяет преодолеть узкоохранительный подход, при котором охрана отцовства сводится к реакции государства на уже допущенные нарушения.

Как указывалось ранее, отцовство не может рассматриваться исключительно как биологический факт происхождения ребенка от

¹ См.: Кузнецова О. В. Защита прав отцов по семейному законодательству // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17(372). С. 92.

конкретного мужчины. Это обосновывается тем фактом, что биологическая связь сама по себе не обеспечивает ни включенности отца в семейные правоотношения, ни реализации им родительской функции.

В этой связи целесообразно предположить, что объектом правовой охраны выступает социально-правовой статус отца, включающий совокупность его прав, обязанностей, законных интересов и ответственности, а также признание его роли в развитии и воспитании ребенка как общественно значимой ценности.

Именно в этом аспекте охрана отцовства выходит за рамки частного интереса конкретного лица и приобретает публично-правовое измерение. Государство заинтересовано в сохранении и поддержании отцовской вовлеченности не только как элемента реализации прав мужчины, но и как фактора благополучия ребенка и устойчивости семьи в целом. Тем самым отцовство включается в систему публичных интересов наряду с материнством и детством, охраняемых государством.

Как отмечает О.Ю. Ильина, «современный период развития общества и государства характеризуется неоспоримым усилением публичных начал в регулировании семейных отношений, зачастую воспринимаемых как приватная сфера общения, построенная на чувствах взаимной любви и уважения, предполагающая разрешение внутрисемейных вопросов по взаимному согласию и не допускающая произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи»¹. Исходя из приведенного утверждения, следует констатировать, что правовая охрана отцовства осуществляется на стыке публичных и частных интересов, что обуславливает ее межотраслевой характер. Как справедливо отметила О.М. Родионова, «свой интерес, являясь базисным критерием применения множества положений российского законодательства, необходимо обеспечивать с помощью положений как

¹ См.: Ильина О.Ю. Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации и практики его применения // Lex Russica. 2024. № 12 (217). URL: <https://cyberleninka.ru/article/N%teN%deN%tsii-izmeN%eN%iya-semeyN%ogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-i-praktiki-ego-primeN%eN%iya> (дата обращения: 10.02.2026).

публичного, так и частного права, тем более что нормативные правовые основания для этого содержатся в Конституции РФ»¹.

Обозначенное выше публично-правовое измерение проявляется не только в нормах отраслевого законодательства, которое будет рассмотрено в рамках настоящего параграфа позднее, но также в программно-стратегических документах семейной и демографической политики. Поскольку, позволим заметить, что именно на этом уровне формируются ценностные установки и модели поведения, которые определяют эффективность превентивной охраны отцовства.

В качестве примера может быть использована разработанная Научным советом РАН «Стратегия действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства» (2023)². Под ответственным отцовством в рамках данного документа предлагается понимать вовлеченность мужчин в процесс создания семьи, ориентированной на рождение и воспитание детей, заботу о членах многопоколенной семьи³.

При этом анализ положений Концепции показывает, что указанную дефиницию нельзя считать полной. Кроме того, следует подчеркнуть, что отсутствие законодательного закрепления понятия ответственного отцовства в рамках СК РФ снижает эффективность реализации тождественной концепции ответственного отцовства и ее правового регулирования. В рамках настоящего исследования ответственное отцовство предлагается понимать как синтез:

1. юридически закрепленных обязанностей и прав отца;
2. социальных практик вовлеченности, имеющих правовое значение (в т.ч. при оценке интересов ребенка);

¹ См.: Родионова О.М. Права на свой интерес и свою волю в условиях цифровизации имущественных отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 11(87). С. 134.

² См.: Стратегия действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства. URL: https://cloud.idrras.ru/wp-content/uploads/2023/03/Стратегия-Мужчины-22.-03-2023_ИТОГ-2.pdf (дата обращения: 22.10.25).

³ См.: Там же.

3. государственно стимулируемых моделей поведения, обеспечивающих реализацию правового статуса отца (льготы, просвещение, сервисы).

Тем самым ответственное отцовство выступает содержательным ядром превентивной и обеспечительной охраны отцовства.

Вместе с тем следует констатировать, что программно-стратегическое закрепление приоритета «ответственного отцовства» само по себе не трансформируется автоматически в устойчивые правовые и организационные механизмы вовлечения отца в воспитание ребенка.

В настоящее время осуществляется модернизация поддержки института семьи. Если проследить государственные программы, начиная с послевоенного времени, на всех этапах защиты отцовства и ценности отцовства не присутствовало в государственных программах и в государственной семейной политике в целом. В то же время важно говорить не только о материнстве и защите материнства, поскольку для семьи нужны двое: отец и мать, и для детей нужны и важны оба родителя.

Социологические статистические исследования по вопросу об образе отца в современном обществе демонстрируют важность отцовства. В январе 2026 года Аналитическим центром ВЦИОМ были представлены результаты проведенного им мониторингового опроса, согласно которым на вопрос о том, принимал ли отец активное участие в воспитании, 72% россиян ответили положительно. Также из результатов опроса следует, что 66% опрошенных считают отцовство трудной работой, аналогичным образом о материнстве ранее высказывались 86%¹.

Указанные результаты – следствие различных факторов общественной жизни, в том числе, усилий государства, поскольку в настоящее время осуществляется гармонизация семейной политики. Так, в 2025 году на

¹ См.: Образ отца в современном обществе. URL: <https://wciom.ru/a№alytical-reviews/a№alitieskii-obzor/obraz-otca-v-sovreme№№om-obshchestve> (дата обращения: 20.01.2026).

заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам Президент РФ В.В. Путин указал на необходимость уделять особое внимание разработке и реализации комплекса мер, направленных на формирование вовлеченного и ответственного отцовства, стимулирование активного участие мужчин в создании и планировании семьи, в уходе за детьми, их воспитании, на ведении мужчинами здорового образа жизни¹.

Думается, что такое поручение обусловлено тем фактом, что на уровне государственной семейной политики сохраняется дисбаланс: действующие проектные решения преимущественно ориентированы на поддержку семьи при рождении ребенка, охрану материнства и детства, многодетность, развитие инфраструктуры семейных ценностей и активное долголетие, тогда как специализированная проектная компонента, адресно направленная на институциональное укрепление отцовства в целом (включая правовое просвещение мужчин, поддержку участия в уходе за ребенком, развитие «дружественных семье» (от англ. family-friendly) практик у работодателей) и ответственного отцовства, в частности, выражена недостаточно².

Указанное обстоятельство приобретает особую значимость с учетом того, что одним из целевых ориентиров национального проекта «Семья»³ заявлено повышение суммарного коэффициента рождаемости к 2030 году, что предполагает комплексность мер демографической политики и учет вклада обоих родителей в устойчивость семейных отношений и репродуктивные решения.

В 2025 году Государственная Дума Российской Федерации вместе с профильными ведомствами обсудила паспорта национальных проектов. На

¹ См.: Владимир Путин поручил поддержать роль отцовства в России. URL: <https://www.kp.ru/oNeliNce/News/6711666/> (дата обращения: 20.01.2026).

² См.: Круглый стол на тему «Укрепление института семьи через воспитание ответственного отцовства и популяризацию традиционных духовно-нравственных ценностей». URL: <http://duma.gov.ru/multimedia/video/eveNets/125830/> (дата обращения: 20.02.2026).

³ См.: Национальный проект семья. URL: <https://национальныепроекты.рф/News-projects/semya/> (дата обращения: 15.02.2025).

сегодняшний день они коррелируют с задачами, обозначенными в Указе Президента РФ № 309 «О национальных целях развития России»¹. В соответствии с действующей редакцией паспорта федерального проекта на реализацию мероприятий в период с 2025 г. по 2030 г. предусмотрены средства федерального бюджета в размере 367,23 млрд рублей². Однако в структуре документов стратегического планирования отсутствуют положения об охране и защите ответственного отцовства и ценности отцовства в целом.

В связи с чем видится необходимость выработки комплекса задач, мер по формированию ответственного отцовства, а также плана мероприятий.

Среди задач по повышению ответственного отцовства можно выделить следующие:

- 1) разработка действенных механизмов общественного просвещения о важности отцовского воспитания;
- 2) проведение информационных кампаний, которые будут рассказывать о важности отцовского воспитания и последствиях безотцовщины;
- 3) организация повсеместных школ молодых отцов;
- 4) привлечение общественных организаций и лидеров общественного мнения к популяризации ответственного отцовства и материнства и иных традиционных ценностей;
- 5) исследование категории «отцовства».

В этих условиях представляется обоснованным дополнение действующей архитектуры мер семейной политики специализированным федеральным проектом, условно обозначаемым как «Папа-старт».

Содержательно федеральный проект «Папа-старт» целесообразно ориентировать на создание условий для реального осуществления отцами родительских прав и обязанностей, предупреждение фактического вытеснения

¹ См.: Указ о национальных целях развития России до 2030 года. URL: <http://www.kremli.ru/eveNets/presideNet/News/63728?ref=vc.ru> (дата обращения: 15.02.2025).

² См.: Национальный проект «Семья». URL: <https://национальныепроекты.рф/News-projects/semya/> (дата обращения: 15.02.2025).

отца из семейных отношений, а также на формирование устойчивых моделей ответственного отцовства в ранний период после рождения ребенка. В качестве ключевых направлений проекта могут выступать:

1) правовое и психологическое просвещение будущих и молодых отцов (включая информирование о правовых механизмах установления происхождения ребенка, реализации родительских прав, доступе к информации о ребенке и о процедурах разрешения семейных споров);

2) развитие механизмов дружественной семье занятости (стимулирование работодателей к введению гибких режимов труда и иных организационных решений, облегчающих участие отца в уходе за ребенком);

3) создание межведомственных сервисов сопровождения отцовства (консультационные маршруты в связке «медицина – социальная защита – опека – МФЦ»), позволяющих обеспечить не только декларирование правового статуса отца, но и его фактическую реализуемость.

В методологическом отношении проект «Папа-старт» следует рассматривать не как альтернативу действующим механизмам защиты прав ребенка и матери, а как инструмент укрепления семейной устойчивости и профилактики конфликтного родительства, то есть как программно-организационное продолжение превентивного и обеспечительного уровней правовой охраны отцов.

Кроме того, несмотря на рост студенческих семей, следует признать, что ценностное продвижение отцовства и материнства в вузах отстает. Таким образом, для увеличения доли ответственного отцовства видится необходимым создавать инфраструктуру с пониманием ценности семьи, материнства и отцовства в рамках высших учебных заведений. Поэтому целесообразно предусмотреть возможность интеграции в воспитательную работу в вузах ценностных компонентов, направленных на ответственное отцовство, а также на поддержку семейных ценностей в целом.

Кроме того, правовая охрана отцовства не может рассматриваться изолированно от конституционно-правовых и отраслевых предпосылок ее

формирования. Как отмечено в науке, «несмотря на то, что семейно-правовой статус участников семейных отношений определяется Семейным кодексом РФ, правовая охрана семьи выходит за рамки его норм и основывается на положениях иных отраслей российского права»¹. Таким образом, проблемы фрагментарности охранительных механизмов, дисбаланса между декларативным равенством родителей и фактическими условиями реализации прав отца, а также недостаточной институционализации превентивных и обеспечительных средств требуют обращения к тем системообразующим источникам, которые задают ценностные ориентиры и правовые рамки охраны отцовства в российской правовой системе.

Так, исходные системообразующие начала правовой охраны отцовства заложены, прежде всего, в конституционном праве. Как отмечает С.В. Кабышев, именно Конституция РФ является собой «источник, ценностное, нормативное ядро и одновременно стратегическую модель всей правовой жизни»².

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в Основном законе Российской Федерации отсутствует развернутое правовое регулирование отцовства, однако закрепляется ряд принципов и норм, которые определяют содержание и направленность последующего отраслевого регулирования, прежде всего, в сфере семейного права.

Отметим, что конституционно-правовая охрана отцовства, прежде всего, вытекает из принципа равенства прав мужчины и женщины, а также равенства возможностей для их реализации, закрепленного в части 3 статьи 19 Конституции РФ. Следует подчеркнуть, что данное положение имеет не только антидискриминационный, но и конструктивный характер, поскольку

¹ См.: Косова О.Ю. Защита субъективных семейных прав // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Право. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2010. № 2. С. 181-185.

² См.: Кабышев С. В. Конституция России как гарантия цивилизационной идентичности и суверенного развития российской государственности (к 30-летию) // Вестник Московского Университета. Серия 11: Право. 2023. № 6. С.40-58.

ориентирует законодателя и правоприменителя на формирование таких правовых моделей, в рамках которых родительский статус не может дифференцироваться в зависимости от пола. В контексте отцовства это означает конституционное требование о недопустимости нормативного или фактического приоритета материнского статуса над отцовским при определении объема родительских прав и обязанностей.

Однако при критическом анализе следует отметить, что конституционная формула равенства не содержит прямого указания на равенство родителей как таковых. Равенство отца и матери в семейных отношениях выводится опосредованно, а именно через общее положение о гендерном равенстве. Такая конструкция, с одной стороны, позволяет включить отцовство в общий контекст прав и свобод личности, но с другой – не устраняет риска его вторичного, производного восприятия по сравнению с материнством, которое в конституционном тексте получает более выраженное и самостоятельное закрепление.

В статье 38 Конституции РФ провозглашается, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства¹. Формально можно прийти к выводу о том, что данная норма закрепляет равнозначность указанных ценностей, что позволяет рассматривать отцовство как самостоятельный объект конституционно-правовой охраны в составе элементов института семьи. Отсутствие прямого упоминания отцовства в статье 38 Конституции РФ не обязательно свидетельствует о дискриминации в строгом юридическом смысле, однако объективно снижает текстуальную видимость отцовства как самостоятельной ценности конституционной охраны и может способствовать его доктринальной «вторичности» по отношению к материнству. Так, по мнению Е.С. Шаховой, «отсутствие в статье 38 Конституции упоминания об

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).

отцовстве либо родительстве как объектах защиты государства только усугубляет гендерное неравенство родителей»¹.

Вместе с тем подчеркнем, что характер формулировки статьи 38 Основного закона РФ носят по большому счету рамочный характер. Так, в Конституции РФ не раскрывается содержание охраны отцовства, не определяются ее формы и не устанавливаются специфические гарантии реализации отцовской роли, равно как и не упоминается отцовство в качестве отдельного самостоятельного объекта охраны.

Как отмечается в диссертационном исследовании П.А. Деревянко, отсутствие «норм о статусе отцовства» в Конституции РФ обосновывается тем фактом, что изначально «роль отца не была предусмотрена идеологией»². Проблема состоит в том, что формулировка первой части ключевой статьи 38 Основного закона РФ, как справедливо отмечается, восходит именно к формулировкам советской Конституции 1977 года³.

Также особое значение для конституционных основ охраны отцовства имеет пункт «ж» части 1 статьи 72 Конституции РФ, относящий защиту семьи, материнства, отцовства и детства к предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации⁴. В данном положении указывается на сложную, многоуровневую природу охраны отцовства, предполагающую участие как федерального законодателя, так и региональных органов власти. Вместе с тем отсутствие единой федеральной концепции или стратегии охраны отцовства приводит к тому, что реализация

¹ См.: Шахова Е.С. К вопросу о реформировании частноправовых и публичных начал защиты и охраны родительства и детства // Семейное и жилищное право. 2016. № 4. С 25-29.

² См.: Деревянко П.А. Конституционно-правовой институт отцовства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2012. 22 с.

³ См.: Зыков С.В. Осуществление права отцовства в современной России: правоприменительные и законодательные препятствия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 44-71.

⁴ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).

этого конституционного положения на уровне субъектов РФ носит фрагментарный и неоднородный характер.

Следует также учитывать, что в Конституции РФ закрепляется приоритет прав и свобод человека и гражданина (статья 2), что позволяет рассматривать отцовство не только как социальную функцию, выполняемую мужчиной, но и как форму реализации личных неимущественных и имущественных прав мужчины, связанных с семейной жизнью, воспитанием детей и поддержанием семейных связей. В этом аспекте правовая охрана отцовства приобретает личностное измерение и не может быть сведена исключительно к демографическим или социальным задачам государства.

В то же время критического внимания заслуживает тот факт, что в конституционном дискурсе отцовство, как правило, упоминается в связке с материнством и детством и практически не получает самостоятельной концептуализации. Это обстоятельство оказывает влияние на последующее отраслевое регулирование, в рамках которого охрана отцовства зачастую реализуется опосредованно – через защиту интересов ребенка либо через общие конструкции родительских прав, без учета специфики положения отца в конфликтных семейных отношениях.

Таким образом, анализ Конституции Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что в конституционном праве России сформирован ценностно-нормативный фундамент правовой охраны отцовства. Вместе с тем отсутствие в статье 38 Конституции РФ отцовства как отдельного поименованного объекта также осложняет его доктринальную и нормативную автономизацию, поскольку отцовство в конституционном тексте фактически «растворяется» в более широких категориях семьи, материнства и детства. Такая конструкция, с одной стороны, позволяет рассматривать отцовство как элемент целостного семейного уклада, но, с другой стороны, объективно затрудняет формирование адресных правовых механизмов, ориентированных именно на защиту и поддержку отцовской роли. Также отсутствие развернутых конституционных гарантий и механизмов охраны отцовства

предопределяет необходимость их последующей отраслевой конкретизации. Последнее подтверждает межотраслевой характер правовой охраны отцовства и одновременно указывает на ключевую роль семейного права как системообразующего ядра ее нормативного развития.

Следует заметить, что именно семейное право образует системообразующее ядро охраны отцовства, поскольку в его рамках формируется исходная модель статуса отца и основные способы ее защиты.

В отличие от конституционного права, задающего лишь ценностные ориентиры, семейное право обеспечивает конкретизацию охраны отцовства через систему материальных и процессуальных норм, непосредственно регулирующих родительские правоотношения. Однако, как справедливо отметила О.Ю. Косова, Семейный кодекс РФ «содержит разноотраслевые нормы (семейного, административного, гражданско-процессуального права), которые консолидированы в этом базовом законе» и «продвижение права вглубь семьи требует от законодателя крайней осторожности и взвешенности»¹.

Согласно статье 1 Семейного кодекса Российской Федерации, семейное законодательство основывается, в том числе, на принципах равенства прав супругов в семье, приоритета семейного воспитания детей и ответственности родителей за их воспитание и развитие². Эти положения имеют принципиальное значение для правовой охраны отцовства, поскольку именно они формируют нормативное основание равноправного участия отца в реализации родительских функций, поскольку, думается, что семейное право не только закрепляет формальное равенство родителей, но и задает модель их совместной ответственности за судьбу ребенка.

¹ См.: Косова О.Ю. О концептуальной основе развития российского семейного законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5(78). С. 38-39.

² См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

Ключевым элементом охраны отцовства в семейном праве является институт родительских прав и обязанностей, закрепленный в главе 12 СК РФ¹, особенностью которого является неразрывная связь родительских прав и обязанностей, выражающаяся в их взаимокорреспондирующем характере². Подчеркнем, что, в частности, в статье 61 СК РФ прямо устанавливается равенство прав и обязанностей родителей в отношении детей независимо от факта совместного проживания³. С точки зрения правовой охраны данное положение выполняет не только регулятивную, но и охранительную функцию, поскольку препятствует нормативному обесцениванию отцовского статуса при раздельном проживании родителей.

В то же время анализ судебной практики показывает, что это равенство зачастую носит чисто декларативный характер, а его реализация зависит от последующих процессуальных решений суда, в первую очередь касающихся определения места жительства ребенка и порядка общения с ним⁴. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2019 г. № 18-КГ18-223, в котором Верховный Суд, оценивая правильность подхода судов низших инстанций к разрешению спора, касающегося ребенка, указывает на недопустимость формального решения без надлежащего обоснования, основанного на критериях интересов ребенка и фактических обстоятельствах семейной ситуации.

¹ См.: Там же.

² См.: Асадуллин И.Х., Ахметова А.Т. Правовое регулирование родительских прав и обязанностей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-roditelskih-prav-i-obyazannostey> (дата обращения: 10.02.2026).

³ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

⁴ См., например, Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 18-КГ18-223. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29012019-n-18-kg18-223/> (дата обращения: 10.02.2025).

Особое значение для защиты прав и законных интересов отца имеют положения статей 65 и 66 Семейного кодекса Российской Федерации, регулирующих участие родителей в воспитании ребенка и порядок общения родителя, проживающего отдельно, с ребенком. Именно в рамках этих актуальных положений семейное право наиболее ярко сталкивается с проблемой превращения защиты в формальную фиксацию прав без адекватных гарантий их осуществления.

Как указывает С.В. Зыков, отсутствие эффективных механизмов принудительного исполнения решений о порядке общения фактически снижает охранительный потенциал семейного законодательства в отношении прав отца¹.

Следует согласиться с точкой зрения С.А. Филиппова, согласно которой, «в условиях формирования правового государства недопустимо ущемление основных прав и свобод независимо от того, какими благими намерениями это обуславливается»². В этом смысле семейное право демонстрирует характерный для всей системы охраны отцовства дисбаланс: обязанности отца (прежде всего алиментные) обеспечены более жесткими и действенными механизмами, чем его личные неимущественные права. Подобная асимметрия, думается, способствует воспроизводству модели, при которой правовая охрана отцовской роли подменяется контролем за ее имущественной составляющей. Тем самым происходит редукция родительского статуса к алиментной функции, что и создает ощущение формального равенства родителей при фактической асимметрии их правового положения.

Данная позиция подтверждается и судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации. Так, при рассмотрении споров, связанных с происхождением ребенка, суды нередко разрешают вопрос о взыскании

¹ См.: Зыков С.В. Осуществление права отцовства в современной России: правоприменительные и законодательные препятствия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 44-71.

² См.: Филиппов С.А. Понятие «Семья» по российскому законодательству // Вестник СГЮА. 2016. № 3 (110). С. 102

алиментов одновременно с установлением отцовства, тогда как вопросы порядка общения и участия в воспитании требуют отдельного судебного обращения. В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2015 г. № 2-КГ15-4 подчеркивается необходимость применения обеспечительных мер для сохранения контакта родителя с ребенком на период рассмотрения спора, что косвенно свидетельствует о том, что без специальных процессуальных механизмов личные права родителя оказываются менее защищенными, чем его имущественные обязанности¹.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что принцип равенства родителей в конфликтном родительстве зависит не только от материальных норм СК РФ, но и от процессуальных решений суда (включая временные меры), потому что именно они препятствуют «конфликтной монополизации» ребенка одним родителем на время процесса.

Вместе с тем семейное право не исчерпывает содержание правовой охраны отцовства. Существенную вспомогательную роль в ее реализации играет гражданское право, прежде всего, в части защиты личных неимущественных прав и компенсации вреда. Так, положения статьи 150 ГК РФ, закрепляющие охрану нематериальных благ, позволяют рассматривать право на семейную тайну как самостоятельный объект гражданско-правовой защиты. Думается, что нарушение права отца на общение с ребенком при определенных условиях может квалифицироваться как посягательство на личные неимущественные блага, что открывает возможность использования гражданско-правовых способов защиты, включая компенсацию морального вреда. Однако на практике данный потенциал используется крайне ограниченно, что свидетельствует о слабой интеграции гражданско-правовых механизмов в систему охраны отцовства.

¹ См.: Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2015 г. № 2-КГ15-4. URL: <https://base.garant.ru/71346324/> (дата обращения: 10.02.2025).

Административное право участвует в правовой охране отцовства преимущественно опосредованно, а именно через деятельность органов опеки и попечительства, а также через нормы об административной ответственности. Так, органы опеки, в силу статьи 78 СК РФ, обязаны участвовать в рассмотрении споров, связанных с воспитанием детей, и давать заключения, затрагивающие права отца¹. Вместе с тем в доктрине неоднократно подчеркивалось, что фактическая практика деятельности органов опеки нередко ориентирована на поддержание сложившегося порядка проживания ребенка, и зачастую «не соответствует требованиям эффективной работы», что снижает их нейтральность как элемента охраны прав отца².

Административная ответственность, предусмотренная, например, в статье 5.35 КоАП РФ, формально распространяется на обоих родителей, однако в реальности чаще применяется к лицам, уклоняющимся от содержания ребенка, чем к родителям, препятствующим общению, что вновь указывает на перекос охранительного механизма³.

Наконец, уголовное право выступает крайним, репрессивным элементом правовой охраны отцовства, применяемым в ситуациях грубого и устойчивого нарушения родительских обязанностей либо прав ребенка. Уголовная ответственность по статье 157 УК РФ за злостное уклонение от уплаты алиментов традиционно рассматривается как инструмент защиты интересов ребенка, однако косвенно она затрагивает и статус отца, закрепляя приоритет имущественного аспекта родительства⁴. При этом уголовно-правовые

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

² См.: Ерохина Е.В. Лишение и восстановление родительских прав: учеб. пособие. Оренбург: ГОУ ОГУ, 2010. 138 с.

³ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 9 января 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.

⁴ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20 января 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25, ст. 2954.

средства практически не используются для охраны личных неимущественных прав отца, что подтверждает вывод о подчеркнуто вспомогательной роли данной отрасли в системе охраны отцовства.

В вопросах охраны отцовства ключевую роль играют также гражданский процесс и исполнительное производство, которые более подробно будут рассмотрены в рамках следующей главы диссертационного исследования. Отметим лишь, что специфика охраны отцовства состоит в том, что ключевые риски утраты контакта с ребенком реализуются в динамике процесса: затягивание рассмотрения, отсутствие немедленных временных мер, сложность исполнения. Поэтому в структуре охраны отцовства особое место занимает процессуальный и исполнительный контуры как самостоятельные элементы охранительного механизма.

В совокупности проведенный анализ позволяет утверждать, что правовая охрана отцовства в Российской Федерации носит межотраслевой, но структурно несбалансированный характер. Семейное право формирует ее нормативное ядро, однако без достаточной поддержки со стороны процессуальных, гражданско-правовых и административных механизмов его охранительный потенциал реализуется не в полной мере.

Так, в рамках настоящего параграфа можно сделать следующие выводы. Правовая охрана отцовства – это комплексный межотраслевой институт, включающий систему превентивных, обеспечительных и восстановительных правовых средств, направленных на признание, сохранение и защиту социально и юридически значимой роли отца, а также на обеспечение устойчивости его правового статуса. В отличие от правового регулирования, задающего нормативную модель статуса, и правового обеспечения, создающего условия для реализации прав, правовая охрана охватывает как обеспечение благополучной реализации родительских прав отцом, предупреждение нарушений прав отца, так и восстановление его нарушенного статуса, функционируя на стыке публичных и частных интересов.

В рамках института правовой охраны отцовства обоснована необходимость разграничения охранительных и защитительных механизмов прав отца. Доказано, что охранительные механизмы направлены на поддержание социального статуса отца посредством предоставления, установления гарантий, льгот, пособий и других мер социальной поддержки. Защитительные механизмы направлены на защиту правового статуса отца посредством защиты его прав, установленных в семейном законодательстве.

1.3 Теоретико-правовая модель охраны отцовства

Как было установлено ранее, правовая охрана отцовства сохраняет фрагментарный характер. Несмотря на устойчивое использование законодателем формулы «охрана семьи, материнства, отцовства и детства», реальные механизмы правовой охраны по большей части ориентированы либо на интересы ребенка, либо на охрану материнства, тогда как отцовство зачастую охраняется и защищается лишь опосредованно через общие нормы о правах родителей.

В этой связи представляется обоснованным вывод о необходимости признания правовой охраны отцовства в качестве самостоятельного межотраслевого института права, обладающего собственным предметом, целями и системой средств. Такой подход позволяет выйти за рамки восприятия отцовства как производного элемента охраны материнства и детства и рассматривать его как равнозначный объект правового воздействия, что, в конечном итоге, соответствует как принципу равенства родителей, так и интересам ребенка.

Вместе с тем выявленная фрагментарность правовой охраны отцовства обусловлена не только отраслевой разобщенностью правовых средств, но и отсутствием целостной теоретической модели, позволяющей рассматривать охрану отцовства как системное явление.

Анализ соответствующих норм права и практики их применения показывает, что действующие механизмы охраны отцовства функционируют преимущественно ситуативно, нацелены на разрешение отдельных конфликтных ситуаций, тогда как их общий превентивный и обеспечительный потенциал остается недостаточно реализованным.

В этой связи представляется целесообразным предложить теоретико-правовую функциональную модель правовой охраны отцовства, позволяющую рассматривать ее не как совокупность разрозненных норм различных отраслей права, а как внутренне согласованную систему взаимосвязанных элементов. Построение модели правовой охраны отцовства обусловлено логикой всего диссертационного исследования. Такую модель можно описать, опираясь на деятельностный (праксеологический)¹ и функциональный подходы² к правовой охране, в рамках которых охранительное воздействие государства проявляется на различных стадиях развития семейного правоотношения, от момента возникновения статуса отца до его защиты в случае нарушения.

Методологическую основу для построения модели обеспечивает общетеоретическое понимание моделей в юриспруденции. В.С. Плетников определяет модель в юриспруденции как аналитическое описание, воспроизводящее существенные свойства моделируемого объекта, процесса или явления государственно-правовой жизни, сформированные объективными условиями и субъективными факторами общественного развития³. Таким образом, модель – это не произвольная схема, а способ научного описания правового явления, позволяющий выявить его структуру, функции, связи между элементами и практическое назначение.

¹ См.: Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 269 с.

² См.: Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2-х т. М.: Юрид. лит., 1981. С. 191.

³ См.: Плетников В.С. Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2021. 397 с.

Применительно к настоящему исследованию модель правовой охраны отцовства в общем виде представляет собой аналитическое описание системы правовых средств, субъектов, юридических процедур и функциональных связей, направленных на признание, обеспечение, предупреждение нарушения и восстановление правового статуса отца.

Такая модель не подменяет собой понятие правовой охраны отцовства, а раскрывает механизм ее действия: от нормативного признания отцовства как охраняемой ценности до фактической реализации отцом принадлежащих ему прав и восстановления нарушенной связи с ребенком.

Следовательно, теоретико-правовая функциональная модель правовой охраны отцовства отвечает на несколько взаимосвязанных вопросов.

Во-первых, что именно подлежит охране: отцовство как социально-правовое явление, правовой статус отца, его личные неимущественные и имущественные права, законные интересы, а также фактическая связь отца с ребенком.

Во-вторых, в целях чего осуществляется такая охрана: для обеспечения устойчивого участия отца в воспитании, содержании, заботе и защите ребенка, а также для преодоления разрыва между формальным равенством родителей и фактической возможностью реализации ими родительских прав.

В-третьих, кем осуществляется охрана: самим отцом, другим родителем, органами публичной власти, медиаторами, некоммерческими организациями и иными субъектами.

В-четвертых, посредством каких средств она осуществляется: через нормы материального и процессуального права, договорные конструкции, административные процедуры, судебную защиту, исполнительное производство и меры юридической ответственности.

В-пятых, на каком этапе включаются соответствующие средства: до нарушения права, в процессе его обычной реализации либо после нарушения или оспаривания.

В-шестых, какой результат должна обеспечить модель: равенство юридической исполнимости родительского статуса отца и матери.

В структурном отношении предлагаемая модель включает историко-методологический, сущностный, нормативно-регулятивный, институциональный, функционально-деятельностный и результативный элементы.

Так, историко-методологический элемент отражает генезис правового регулирования отцовства и показывает изменение подхода законодателя к роли отца.

Историческое развитие демонстрирует движение от патриархально-властной модели, в которой отец воспринимался как глава семьи и носитель семейной власти, к современной конституционно-правовой модели, признающей отцовство объектом государственной защиты и поддержки. Значение данного элемента состоит в том, что он позволяет выявить исторические причины современного дисбаланса: формальное признание равенства родителей не всегда сопровождалось созданием равных условий для фактической реализации правового статуса отца.

Сущностный элемент модели раскрывает отцовство как самостоятельное социально-правовое явление. В таком понимании отцовство не исчерпывается биологической связью мужчины с ребенком и не сводится к обязанности по содержанию несовершеннолетнего. Оно включает юридическую, социальную, воспитательную, эмоциональную и ценностную связь отца с ребенком. Поэтому правовая охрана отцовства должна быть направлена не только на подтверждение происхождения ребенка или взыскание алиментов, но и на сохранение реального участия отца в жизни ребенка, его воспитании, защите, содержании, принятии значимых решений и поддержании личного общения.

Нормативно-регулятивный элемент охватывает совокупность норм конституционного, семейного, гражданско-процессуального, административного и исполнительного законодательства, посредством

которых закрепляется, обеспечивается и защищается правовой статус отца. Его значение состоит в выявлении разрыва между конституционным признанием отцовства как объекта охраны и недостаточной отраслевой разработанностью конкретных гарантий реализации прав отца. Именно через этот элемент обнаруживается, что действующее законодательство достаточно эффективно обеспечивает исполнение имущественных обязанностей отца, но менее гарантирует реализацию его личных неимущественных прав, в частности права на воспитание и общение.

Институциональный элемент модели включает субъектов, участвующих в правовой охране отцовства. Центральное место среди них занимает отец как носитель охраняемого правового статуса. Вместе с тем реализация охранительной функции невозможна без участия институциональных субъектов, а именно судов, органов опеки и попечительства, а также правозащитных и общественных организаций, деятельность которых направлена на обеспечение баланса интересов родителей и ребенка¹. Ребенок же выступает самостоятельным субъектом семейного правоотношения, интересы которого являются пределом и критерием реализации прав отца. Мать может выступать как субъектом содействия реализации прав отца, так и субъектом, действия которого препятствуют их осуществлению. Государственные и негосударственные институты обеспечивают различные формы охраны: органы ЗАГС участвуют в юридическом оформлении отцовства; органы опеки и попечительства принимают участие в оценке условий воспитания и урегулировании конфликтов; суд участвует в разрешении споров и установлении юридических фактов; судебные приставы-исполнители – в принудительном исполнении судебных актов; образовательные и медицинские организации – в реализации

¹ См.: Алексеева Н.И. Судебная защита прав несовершеннолетних в России: проблемные аспекты и перспективы развития // Образование и право. 2022. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-zaschita-prav-nesovershennoletnih-v-rossii-problemnyye-aspekty-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 13.02.2026).

информационных гарантий; медиаторы и некоммерческие организации – в предупреждении и снижении конфликтности между родителями.

Центральное место в модели занимает функционально-деятельностный элемент, поскольку именно он показывает движение правовой охраны отцовства от общего признания правового статуса отца к его фактической реализации.

Известно, что категория «функция» в праве имеет фундаментальное значение. Как отметил С.С. Алексеев, «активная роль права выражается в его функциях, т.е. направлениях правового воздействия, выражающих роль права в организации (упорядочивании) общественных отношений»¹. Автор разделил функции права на социально-политические, заключающие в себе единство права и государства, и специально-юридические, в состав которых отнесены регулятивная и охранительная функции. Последняя представляет собой «направление правового воздействия, нацеленное на охрану общественных отношений, их неприкосновенность и сообразно этому вытеснение отношений чуждых данному общественному строю»².

В праксеологии «функция» в коллективе понимается как определенная, повторяющаяся деятельность конкретного участника, имеющая четкое значение для достижения общей цели, объединяющей коллектив³. Модель же первоочередно является категорией гносеологии, т.е. средством (инструментом), с помощью которого происходит познание государственно-правовой жизни⁴.

В контексте правовой охраны отцовства функциональная модель предполагает рассмотрение охраны как организованной системы деятельности, в рамках которой происходит распределение ролей между

¹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: курс в 2-х т. М.: Юрид. лит., 1981. С. 191.

² См.: Там же.

³ См.: Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 269 с.

⁴ См.: Плетников В.С. Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 397 с.

различными субъектами: государственными органами, органами опеки и попечительства, социальными службами, специалистами в области психологии и права. Каждый из указанных субъектов выполняет собственную функцию, направленную на достижение общей цели, а именно обеспечение и защиту прав отца и интересов ребенка. Модель должна демонстрировать, как действия разрозненных субъектов сливаются в единое «сложное действие» (позитивную кооперацию), где каждый участник помогает или облегчает работу другого¹.

Функциональная модель должна рассматриваться как институция. Институция в праксеологии состоит не только из персонала (коллектива взаимодействующих субъектов), но и из «аппаратуры», а именно совокупности материалов, орудий и вспомогательных средств².

Ядро функциональной модели составляют непосредственно функции. Видится, что в содержании функциональной модели правовой охраны отцовства выделяются: превентивная, обеспечительная, восстановительная охрана.

Фундаментом модели выступает превентивная охрана, которая по своей природе является комплексом профилактических (предупредительных) действий. Ее задача состоит в том, чтобы изначально исключить возникновение угрозы правам отца. Речь идет о качественной препарации (подготовке) среды для полноценного отцовства: от норм, устанавливающих происхождение ребенка (статьи 48-49 СК РФ), до утверждения участия отца в воспитании как неоспоримой социальной нормы. Закрепление равенства прав (статья 61 СК РФ) и превентивная работа органов опеки призваны предотвратить переход отношений между родителями в стадию негативной кооперации (конфликта и борьбы). Вместе с тем анализ практики показывает, что профилактический потенциал этих механизмов реализуется не в полной мере. Вместо принципа антиципации (предвидения и упреждения событий)

¹ См.: Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 269 с.

² См.: Там же.

государственное вмешательство носит реактивный характер, активизируясь лишь тогда, когда конфликт уже наступил.

Второй уровень – это обеспечительная охрана, отражающая процесс инструментализации отцовских прав. По справедливому замечанию Е.М. Ворожейкина, «некоторые семейные права могут быть реализованы только путем действий»¹. В данной связи декларируемые права остаются фикцией без надлежащей аппаратуры, под которой понимается система процессуальных и информационных гарантий, выступающих в качестве реальных средств и орудий действия². К этой группе относятся право на судебную защиту, участие органов опеки (статья 78 СК РФ) и важнейшая функция уведомления и информации, а именно доступ к сведениям о ребенке (статья 63 СК РФ), без которых невозможна координация любого сложного социального действия. Именно здесь наиболее отчетливо проявляется дискоординация между нормативным признанием прав и условиями их реализации. Как отмечает О.Ю. Ильина, усиление публичных начал в современном семейном праве объективно расширяет сферу государственного участия³, но не всегда сопровождается созданием эффективной «процедурной аппаратуры». В результате отец часто лишен реальной ситуационной возможности для осуществления своих правомочий.

Третий уровень – восстановительная охрана, реализуемая в условиях острой принудительной ситуации. В терминах праксеологии судебная защита и исполнительное производство (в частности, по спорам о месте жительства и порядке общения – статьи 65-66 СК РФ) представляют собой специфическую форму консервационного действия второго рода, направленного на возврат нарушенных прав к исходному, желательному состоянию (*status quo ante*)⁴.

¹ См.: Белякова А.М., Ворожейкин Е.М. Советское семейное право: учебник. М., 1974. С. 304.

² См.: Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 269 с.

³ См.: Ильина О.Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Ин-т государства и права РАН. М., 2006. 42 с.

⁴ См.: Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 269 с.

Именно на этой стадии выявляются следующие пробелы механизма: судебным решениям не хватает объективной надежности и оперативности. Они зачастую требуют новых итераций судебного вмешательства и вязнут в проблемах исполнительного производства. Сбои на стадии ремонта служат главным индикатором низкой общей исправности всей системы правовой охраны отцовства, требуя ее глубокой процессуальной интеграции.

Следует предположить, что на практике наиболее уязвимым звеном выступает обеспечительный уровень. Так, при формальном наличии прав отсутствуют оперативные процедуры их реализации, что приводит к тому, что восстановительная охрана действует с запозданием, а превентивная – не предотвращает вытеснение отца из родительских отношений. Тем самым обеспечительная охрана является «узким местом» всей системы. Его укрепление посредством внедрения немедленных временных графиков общения способно радикально изменить процессуальную динамику, препятствуя «конфликтной монополизации» ребенка одним из родителей и выравнивая баланс сил в судебном споре.

При дальнейшем анализе обеспечительного уровня правовой охраны отцовства представляется необходимым провести более детальную дифференциацию его внутренней структуры. Исследование нормативного материала и практики его применения позволяет выделить в составе обеспечительного механизма три взаимосвязанных, но функционально самостоятельных элемента: процедурный, информационный и мониторинговый.

Процедурный элемент с позиций праксеологии выполняет роль процессуальной аппаратуры и инструментализации¹. Он представляет собой строго регламентированный метод – то есть планомерный, систематически применяемый способ осуществления сложного действия. Декларируемое

¹ См.: Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 269 с.

правомочие отца (например, право на участие в воспитании¹) останется фикцией без надлежащей оперативной подготовки – препарации. Процедурный элемент конструирует полосовую последовательность действий (обращение в органы опеки, порядок судебного разбирательства, исполнительное производство), которая исключает организационный хаос («балаган», возникающий из-за неупорядоченности) и предоставляет отцу реальную ситуационную возможность действовать с наименьшими издержками². При этом процедурные нормы не должны страдать излишней жесткостью, так как лишение плана действий необходимой гибкости (пластичности) парализует способность системы разумно реагировать на непредвиденные обстоятельства конкретного семейного спора.

Информационный элемент выступает базовым условием, без которого невозможна координация любого сложного многосубъектного взаимодействия, что важно, поскольку «осуществление гражданами семейных прав объективно обосновывает необходимость возникновения организационных правоотношений»³. В теории эффективной организации деятельности прямо указывается, что для согласования действий различных субъектов (в контексте семейного права отдельно проживающих родителей, образовательных, медицинских учреждений и органов опеки) критически необходима бесперебойная функция уведомления и информации⁴. Качество этого элемента определяется прагматическими достоинствами информационной службы: быстротой, достоверностью, детальностью и доступностью. Искусственное утаивание или несвоевременное предоставление отцу сведений о ребенке неизбежно влечет за собой

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

² См.: Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 269 с.

³ См.: Левушкин А.Н. Теоретическая модель построения системы семейного законодательства Российской Федерации и других государств-участников Содружества Независимых Государств: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 18

⁴ См.: Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 269 с.

дискоординацию действий, делает невозможным реалистичное планирование воспитательного процесса и лишает отцовские решения объективной надежности.

Так, российское семейное законодательство закрепляет право родителей получать информацию о ребенке из образовательных, медицинских и иных организаций, участвующих в его воспитании и развитии¹.

Однако фактическая реализация данного права нередко сталкивается с институциональными барьерами, связанными с практикой ограничительного толкования соответствующих норм либо с отсутствием единых процедур предоставления информации.

В результате формируется ситуация, при которой формально признанное право на получение сведений о ребенке не всегда сопровождается реальными возможностями его осуществления. В свою очередь, в определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 3 марта 2025 г. № 1-КГ24-14-К3, Верховный Суд напомнил об установленном Семейным кодексом праве родителя на такую информацию и о недопустимости необоснованных отказов².

Кроме того, решением Ногинского городского суда Московской области по делу № 2-2605/2023 от 19 мая 2023 г. суд сформулировал важную правовую позицию относительно прав родителя, проживающего отдельно от ребенка, на получение информации о ребенке из образовательных и медицинских организаций, а также из организаций социального обслуживания и иных аналогичных учреждений³. При этом суд указал, что отказ в предоставлении

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

² См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2025 г. № 1-КГ24-14-К3 (УИД 29RS0005-01-2023-000609-13). URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-03032025-n-1-kg24-14-k3-uid-29rs0005-01-2023-000609-13/> (дата обращения: 20.11.2025).

³ См.: Решение по делу № 2-2605/2023 от 19 мая 2023 г. Об определении места жительства ребенка, взыскании алиментов. Ногинский городской суд (Московская

такой информации возможен только при наличии реальной угрозы жизни и здоровью ребенка со стороны родителя, а любой отказ может быть оспорен в судебном порядке. Эта позиция подчеркивает самостоятельное право родителя на доступ к значимой информации о жизни ребенка независимо от позиции другого родителя и служит ориентиром при разрешении споров о реализации родительских прав.

В этом смысле информационный элемент правовой охраны приобретает самостоятельное значение, поскольку именно через него обеспечивается возможность поддержания устойчивой связи родителя с ребенком вне зависимости от характера отношений между родителями.

Мониторинговый элемент замыкает структуру обеспечительного механизма, воплощая в себе праксеологический принцип инвигилиации (наблюдения) и контроля¹. Эффективная правовая модель не должна строиться на постоянном, избыточном вмешательстве (интервенции) государства в частную жизнь. Мониторинг предполагает реализацию принципа чистой инвигилиации: уполномоченные органы (или сам отец с помощью правовых механизмов) осуществляют наблюдение за развитием ситуации, не вмешиваясь в нее до тех пор, пока права реализуются нормально, но находятся в состоянии постоянной готовности к действию.

В случае отклонения от нормы (например, систематического воспрепятствования общению со стороны матери) мониторинговый элемент обеспечивает своевременную интервенцию, позволяя устранить нарушение на ранней стадии, не доводя конфликт до критической принудительной ситуации, когда потребуются уже тяжеловесная восстановительная охрана². Целесообразно отнести к этому уровню следующие мероприятия: контроль исполнения судебных решений, наблюдение за соблюдением установленного

область). URL: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-2bd88692-9d11-5628-9812-37340b5e6259> (дата обращения: 20.11.2025).

¹ См.: Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975. 269 с.

² См.: Там же.

порядка общения с ребенком, а также оценку фактического влияния принятых мер на психологическое состояние ребенка.

Видится, что наличие подобного элемента позволяет рассматривать правовую охрану отцовства не как одноразовый акт правового реагирования, а как продолжающийся процесс сопровождения семейного правоотношения. Именно на стадии мониторинга становится возможным выявление повторных нарушений, требующих дополнительного правового вмешательства, а также корректировка ранее принятых решений с учетом изменившихся обстоятельств.

Представляется, что недостаточная институционализация указанных элементов во многом и обуславливает выявленную ранее уязвимость обеспечительного уровня правовой охраны отцовства. При отсутствии четко разграниченных процедурных, информационных и мониторинговых механизмов судебная защита нередко приобретает запоздалый характер, а достигнутые правовые результаты оказываются нестабильными. В этой связи совершенствование правовой охраны отцовства должно быть ориентировано не только на развитие судебных средств защиты, но и на формирование комплексной системы процедурного доступа к праву, информационной прозрачности и последующего контроля за реализацией родительских прав.

Интеграция этих трех элементов превращает обеспечительный уровень из набора статичных норм в исправно функционирующий комплекс, где каждое звено взаимно поддерживает и страхует другое, создавая объективные условия для реализации прав и обязанностей отца, а также их охраны и защиты отцовства.

Особое внимание следует обратить на содержательную структуру модели, которая выражается в системе правовых средств, посредством которых осуществляется правовая охрана отцовства. Эти средства образуют взаимосвязанную систему мер превентивного и восстановительного характера.

Исходя из анализа доктрины, можно прийти к выводу, что превентивные меры направлены на предупреждение нарушения родительских прав и формирование условий для их нормальной реализации¹. К ним можно отнести нормы, закрепляющие равенство родителей, процедуры установления происхождения ребенка, участие органов опеки в предупреждении семейных конфликтов, а также правовые механизмы добровольного урегулирования споров между родителями.

В свою очередь, восстановительные средства реализуются в случае нарушения прав отца и включают судебную защиту, применение обеспечительных мер, а также механизмы принудительного исполнения судебных решений².

Рассматриваемая функциональная модель предполагает определенную процессуальную структуру реализации прав отца. На первоначальном этапе формируется правовая стратегия поведения субъекта, которая может включать как досудебные способы урегулирования конфликта между родителями, так и обращение за судебной защитой. Выбор соответствующего способа безоговорочно зависит от характера возникшего спора, степени конфликта между родителями и возможности достижения соглашения, отвечающего интересам ребенка.

Следующим элементом выступает ресурсное обеспечение реализации прав. Оно предполагает доступ субъекта к юридической помощи, сбору доказательственной базы, а также, при необходимости, к экспертной поддержке специалистов в области психологии, педагогики или медицины. Наличие таких ресурсов существенно влияет на возможность эффективной

¹ См.: Майстренко Г.А. Понятие и сущность предупреждения правонарушений // Право и государство: теория и практика. 2019. № 4 (172). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-preduprezhdeniya-pravonarusheniy> (дата обращения: 13.02.2026).

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. Август. № 8.

реализации родительских прав и на качество судебного разрешения семейного спора.

Не менее значимым элементом модели является координация действий различных участников охранительного механизма. Реализация прав отца нередко требует взаимодействия с государственными и общественными институтами, такими как суд, органы опеки и попечительства, образовательные организации, а также структуры, осуществляющие правозащитную деятельность. Эффективность правовой охраны отцовства во многом определяется согласованностью действий указанных субъектов и их ориентированностью на обеспечение интересов ребенка.

Завершающим элементом функционирования модели выступает постюрисдикционный мониторинг, связанный с оценкой эффективности достигнутого правового результата. Он включает контроль исполнения судебных решений, анализ устойчивости достигнутых договоренностей между родителями, а также при необходимости психологическое сопровождение ребенка и членов семьи.

Критериями эффективности в данном случае могут служить фактическое восстановление нарушенного права, предотвращение повторных конфликтов между родителями и минимизация психологического вреда для ребенка, а также уравнивание асимметрии при реализации правовых статусов отца и матери.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что предлагаемая теоретическая модель правовой охраны отцовства позволит рассмотреть правовую охрану отцовства в качестве целостного процесса, который включает в себя как реагирование на уже существующий конфликт, так и определенную систему мер, направленных на повышение эффективности обеспечения реализации родительских прав.

Кроме того, с помощью рассматриваемой модели становится возможным проследить, что эффективность правовой охраны отцовства

может быть определена не объемом закрепленных прав, а степенью согласованности различных функций (уровней) модели.

Таким образом, теоретико-правовая функциональная модель правовой охраны отцовства позволяет рассматривать охрану отцовства не как совокупность разрозненных мер, а как целостный межотраслевой механизм. Ее назначение состоит в переводе конституционного признания отцовства из декларативной плоскости в плоскость реальной юридической исполнимости. Данная модель обеспечивает внутреннюю связь последующих разделов диссертационного исследования: генезис правового регулирования отцовства раскрывает историко-методологический элемент; понятие и содержание правовой охраны отцовства – сущностный и нормативно-регулятивный элементы; анализ правового статуса отца – обеспечительный уровень модели; внесудебные формы защиты – превентивный и обеспечительный уровни; судебная защита в исковом и особом производстве раскрывает восстановительный уровень, а также механизмы последующего обеспечения исполнимости прав отца.

ГЛАВА 2. МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ОХРАНЫ ОТЦОВСТВА

2.1. Правовой статус отца по российскому законодательству

В рамках первой главы диссертационного исследования были сформулированы теоретико-правовые основания охраны отцовства и обоснована ее функциональная модель. Настоящая глава направлена на раскрытие материально-правового контура данной модели. На этом уровне правовая охрана отцовства проявляется, прежде всего, через содержание правового статуса отца, систему гарантий его реализации, а также через внесудебные формы защиты нарушенных субъективных прав.

Итак, категория правового статуса, будучи одной из фундаментальных в современной отечественной юриспруденции, обрела свою концептуальную автономию и доктринальное звучание в рамках общей теории права относительно недавно. В период, предшествующий 60-м годам прошлого столетия, в доктрине наблюдалась устойчивая тенденция к отождествлению правового статуса с правоспособностью, что препятствовало формированию самостоятельного научного конструкта правового статуса. Качественный сдвиг в разработке данной проблематики произошел в 70–80-е годы прошлого столетия, когда категория правового статуса стала предметом широкой и системной научной рефлексии.

На текущем этапе научные изыскания, сфокусированные на проблематике правового статуса личности, являются самостоятельным и значимым направлением научного знания не только в общей теории государства и права, но и в системе отраслевых юридических дисциплин.

Научный интерес к исследованию правового статуса отца обусловлен многообразием социальных изменений, происходящих в современном российском обществе, влияющих на традиционные модели поведения в семейной среде. Имеющиеся исследования ученых позволяют констатировать необходимость комплексного анализа правовой природы отцовства в

современных условиях¹, поскольку связь права и отцовства наиболее полно может быть охарактеризована через понятие правового статуса отца.

В теории права отмечается, что правовой статус охватывает все основные стороны юридического бытия индивида: его интересы, потребности, взаимоотношения с государством, трудовую и общественно-политическую деятельность, социальные притязания и их удовлетворение. В связи с этим можно заключить, что правовой статус – это многоаспектная, собирательная, аккумулятивная категория². Вместе с тем проблематика определения содержания и структуры правового статуса выступает одним из наиболее дискуссионных направлений в отечественной юриспруденции. Как справедливо отмечает Н.В. Летова, «правовой статус является сложной, комплексной правовой категорией, в рамках которой существует система разнообразных социальных связей»³. Несмотря на признание этой категории центральной в правовой науке, среди исследователей до сих пор не сложилось единого подхода к определению ее компонентного состава⁴.

В доктрине сформировались различные взгляды на объем данного понятия, которые условно можно определить в рамках узкого и широкого подходов. Представители узкого подхода традиционно сводят конструкцию правового статуса исключительно к системе субъективных прав и юридических обязанностей. Такая позиция прослеживается, например, в трудах Е.А. Лукашевой и В.П. Грибанова⁵. В рамках этой концепции субъективное право определяют как меру возможного, а субъективную

¹ См., например, Нуруллина Э.Р. Анализ тенденций трансформации института отцовства в современных социально-экономических условиях. URL: <https://www.vestnykeys.ru/0419/46.pdf> (дата обращения: 22.10.2024).

² См.: Теория государства и права: учебник / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. 5-е изд. М.: Дело, 2021-2022. 526 с.

³ См.: Летова Н.В. Правовой статус ребенка // Государство и право. 2010. № 11. С. 77-86.

⁴ См.: Верин А.Ю. К вопросу о структуре правового статуса личности // ВЭПС. 2012. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-strukture-pravovogo-statusa-lichnosti> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵ См.: Грибанов В.П. Основные проблемы осуществления и защиты гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1970. С. 5-6.

обязанность как меру должного поведения, которые выступают естественным внутренним ограничителем прав субъекта и понимаются очень широко¹. Так, дееспособность определяется в качестве субъективного права, способы защиты – его правомочия, а ответственность – субъективной обязанности.

Вместе с тем подобное понимание не позволяет в полной мере охватить иные юридические характеристики субъекта, прежде всего, правоспособность и дееспособность. Их нельзя механически отождествлять с субъективными правами. Правоспособность выступает как объективная предпосылка и условие, без которого формирование статуса было бы невозможно. Она является статичной категорией и обеспечивает внутреннюю «наполняемость» статуса. В отличие от нее дееспособность не может считаться структурным элементом самого правового статуса, поскольку она зависит от определенных формальных условий и не обладает качеством всеобщности. Функциональное назначение дееспособности заключается в обеспечении динамики статуса: она влияет на формирование качественной составляющей прав и отражает специфику правового положения отца в конкретных, в том числе семейных, правоотношениях. Отраслевая принадлежность прав обуславливает специфику семейной дееспособности отца, которая проявляется в процессе реализации его родительских прав и исполнения обязанностей.

Так, С.В. Третьяков, анализируя категорию субъективного частного права, подчеркивает, что гражданская правоспособность не может рассматриваться в качестве субъективного права, поскольку она не приобретает субъектом частного права по собственному усмотрению, а является следствием наделения лица соответствующим юридическим качеством со стороны правопорядка, кроме того, она не является так называемым «распоряжаемым активом»². Субъективное частное право, по мнению автора – это распорядительная власть, обеспечивающая

¹ См.: Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. Т. 1. С. 90-93.

² См.: Третьяков С.В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. 495 с.

управомоченному субъекту значительную меру контроля за юридической судьбой поведенческой возможности и юридического императива (юридической обязанности или связанности), которая выступает ее коррелятом¹.

Следовательно, правоспособность выступает не субъективным правом, а предпосылкой участия лица в гражданском обороте и основанием для последующего приобретения конкретных субъективных прав и обязанностей.

Большинство ученых склоняется к более широкому пониманию, обосновывая необходимость включения в правовой статус дополнительных элементов. Так, А.И. Лепешкин, наряду с правами и обязанностями, считал, что в содержание правового статуса входят правовые гарантии², которые подчеркивают социальную ценность права³. Л.Д. Воеводин расширял этот перечень за счет правоспособности и базовых принципов правового положения⁴, а Б.В. Щетинин интегрировал в структуру категорию гражданства⁵. Н.И. Матузов настаивал на включении в статус общей (статутной) ответственности гражданина перед государством⁶. Н.В. Витрук, в свою очередь, предлагал рассматривать законные интересы как самостоятельный элемент правового положения, дифференцируя при этом статус в узком и широком смысле⁷.

Встречаются и более сложные иерархические модели правового статуса. В.М. Горшенев выстраивал строгую субординационную связь элементов:

¹ См.: Там же

² См.: Лепешкин А.И. Правовое положение советских граждан. М.: Мысль, 1966. 56 с.

³ См.: Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 211.

⁴ См.: Воеводин Л.Д. Содержание правового положения личности в науке советского государственного права // Советское государство и право. 1965. № 2. С. 42-50.

⁵ См.: Щетинин Б.В. Гражданин и социалистическое государство // Советское государство и право. 1975. № 2. С. 3-10.

⁶ См.: Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. 292 с.

⁷ См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. 448 с.

юридические обязанности, субъективные права, свободы и юридическая ответственность¹. М. Авдеенкова и Ю. Дмитриев предлагали рассматривать статус через призму порядка его приобретения и утраты, прав, обязанностей, гарантий соблюдения свобод и правовых состояний². В.А. Патюлин считал составными элементами правового статуса гражданство, общую правоспособность, основные права и обязанности, дополняя их конституционным принципом равноправия³.

Анализ столь широкой палитры научных мнений позволяет сделать вывод, что такие компоненты, как гражданство, правосубъектность, законные интересы, общие принципы, безусловно, важны. Однако они выступают скорее предпосылками или дополнительными условиями функционирования правового статуса, которые трансформируют общий статус в специальный или индивидуальный.

Учитывая многоаспектный характер категории, теоретически обоснованным является выделение нескольких видов правового статуса: общего, специального и индивидуального.

1. Общий статус отца воплощает в себе то, что присуще каждому гражданину-родителю, объединяя одинаковые для всех категорий отцов права и обязанности (как личные неимущественные, так и имущественные) без учета их индивидуальных признаков.
2. Специальный статус возникает при наличии дополнительных юридических фактов (например, наличие у отца двойного гражданства, статус многодетного отца или одинокого родителя), что формирует

¹ См.: Горшенев В.М. Структура правового статуса гражданина в свете Конституции СССР 1977 года // Правопорядок и правовой статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года (Вопросы теории государства и права, государственного и административного права): сб. науч. тр. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1980. С. 51-58.

² См.: Авдеенкова М., Дмитриев Ю. Понятие основ правового статуса человека и гражданина. URL: <http://www.law-n-life.ru/arch/n66.aspx> (дата обращения: 17.04.2025).

³ См.: Патюлин В.А. Государство и личность в СССР (правовые аспекты взаимоотношений). М.: Наука, 1974. 246 с.

сложную структуру прав и обязанностей как соотношение общего и частного.

3. Индивидуальный правовой статус отца следует определять как уникальную, динамично развивающуюся совокупность конкретных субъективных прав и юридических обязанностей, которыми обладает конкретный родитель в строго определенный момент времени. В механизме правового регулирования именно эта категория выступает ключевым средством индивидуализации личности. Индивидуальный статус базируется на фундаменте общего статуса, преломляется через призму специального (например, статус отца, проживающего отдельно от ребенка, или усыновителя), но в конечном итоге конструируется под воздействием неповторимого комплекса юридических фактов.

Следовательно, правовой статус отца следует определить как статус мужчины, возникающий на основании юридически удостоверенной связи с ребенком и включающий субъективные родительские права, юридические обязанности, законные интересы, а также гарантии их реализации и охраны. Такое определение позволяет рассматривать отца не только как обязанное лицо, прежде всего в имущественной сфере, но и как самостоятельного управомоченного субъекта семейных правоотношений.

Если же вычленить функциональное, содержательное ядро правового статуса, то становится очевидным, что его основу образуют: права, обязанности, юридические гарантии, поскольку, как установлено Декларацией прав человека и гражданина 1789 года, «каждое общество, в котором не обеспечены гарантии прав и не установлено разделение властей, не имеет конституции»¹.

Различные виды гарантий исследовались отечественными учеными. Зачастую объектом исследования становились общие, специальные гарантии

¹ См.: Декларация прав человека и гражданина 1789 г. // Французская Республика: Конституция и законодательные акты / пер. с фр.; под ред. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1989. С. 26-29.

прав, гарантии реализации и иные¹. Как справедливо отмечается в юридической литературе, без системы гарантий, закрепленных в законодательстве средств и способов охраны, любые задекларированные права носят лишь формальный характер². Именно гарантии выступают тем самым связующим звеном, которое соединяет нормативные права с их фактическим воплощением в объективной действительности.

Подобное понимание правового статуса, где фундамент составляют не просто права и обязанности как таковые, но и неотделимые от них гарантии их осуществления, открывает необходимые методологические перспективы для диссертационного исследования. Признание гарантий стержневым элементом правового статуса позволяет предметно и глубоко рассмотреть правовой статус отца в семейных правоотношениях, основанием возникновения которого может выступать подтвержденный в установленном законом порядке факт происхождения ребенка от конкретного мужчины, установление отцовства в добровольном и судебном порядках, установление факта признания отцовства, а также на основании факта усыновления.

В отечественной теории государства и права под гарантиями понимается система социально-экономических, политических, нравственных, юридических, организационных предпосылок, условий, средств и способов, создающих равные возможности личности для осуществления своих прав, свобод и законных интересов³. Из этого следует, что гарантии являются многоаспектной системой, содержание которой весьма динамично.

¹ См., например: Максименко Т.С. Принципы реализации гражданских прав и обязанностей // Проблемы применения Основ гражданского законодательства и основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик: сб. материалов. Саратов, 1971. С. 39.

² См.: Шмидт А.В. Критерии разграничения общего и специального правовых статусов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-razgranicheniya-obschego-i-spetsialnogo-pravovyh-statusov> (дата обращения: 11.02.2026).

³ См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 215.

Применительно к гарантиям прав и обязанностей отца целесообразно представить следующую классификацию гарантий:

- общие;
- специальные (юридические; организационные).

Среди общих гарантий прав отца, элементами которых являются материальные, политические и духовные, можно выделить совокупность условий, обеспечивающих фактическую возможность мужчины реализовывать родительский статус не де-юре, а де-факто. Материальные гарантии выражаются в наличии социально-экономических предпосылок для участия отца в содержании, воспитании, образовании и развитии ребенка: устойчивого дохода, возможности совмещения трудовой и семейной функций, доступа к мерам социальной поддержки, жилищным и иным условиям, позволяющим исполнять родительские обязанности. В этом смысле материальные гарантии прав отца одновременно выступают гарантиями прав ребенка, поскольку способность отца реализовывать свои права неразрывно связана с возможностью надлежащего исполнения им обязанностей по заботе, содержанию и воспитанию.

Политические гарантии прав и обязанностей отца проявляются в признании государством семьи, материнства, отцовства и детства социально значимыми ценностями, а также в формировании такой семейной политики, которая исходит не из вторичности фигуры отца, а из равной значимости обоих родителей для развития ребенка. К числу данных гарантий следует отнести законодательное закрепление принципа равенства родителей, недопустимость дискриминации по признаку пола при разрешении вопросов воспитания ребенка, возможность участия граждан и общественных объединений в обсуждении направлений семейной политики, а также публичный контроль за деятельностью органов и должностных лиц, принимающих решения, затрагивающие родительские права.

Духовные гарантии прав отца связаны с уровнем правовой культуры общества, состоянием общественного сознания и преодолением устойчивых

социальных стереотипов, в силу которых мать воспринимается как «естественный» и преимущественный субъект воспитания, а отец как вспомогательный участник семейных отношений. В данной связи гарантированность прав отца предполагает не только наличие формально равных норм, но и формирование ценностного представления об ответственном отцовстве как самостоятельной социальной и правовой категории. Следовательно, духовные гарантии охватывают правовое просвещение родителей, подготовку специалистов, работающих в сфере семейных отношений, распространение представлений о равной родительской ответственности и признание личного участия отца в воспитании ребенка самостоятельным благом, подлежащим правовой охране.

Вместе с тем применительно к правовому статусу отца общих гарантий недостаточно. Их универсальный характер позволяет закрепить равенство родителей на нормативном уровне, однако не устраняет тех различий, которые возникают при фактическом осуществлении родительских прав. Поэтому в системе гарантий реализации прав и обязанностей отца особое значение приобретают специальные гарантии, под которыми понимается система социально-экономических, политических и юридических факторов и условий, способствующих охране и защите определенных категорий граждан¹.

В частности, важность юридических гарантий отмечал О.С. Иоффе: права и обязанности «должны быть снабжены особыми юридическими гарантиями, обеспечивающими не вообще принудительное, а такое именно их осуществление, которое способно удовлетворить материальные потребности управомоченного»². В свою очередь, юридические гарантии, представленные двумя категориями: гарантии реализации и гарантии охраны, представляют для настоящего исследования наибольший интерес.

¹ См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 215.

² См.: Иоффе О.С. Советское гражданское право. М.: Юрид. лит., 1976. С. 27.

Как утверждается в теории права, под самой реализацией права следует понимать способ осуществления им своей изначальной миссии: служить основным цивилизованным, государственно-властным, а потому и наиболее эффективным регулятором общественных отношений, выполнять присущие данному институту функции, оправдывать свое социальное назначение, ибо одних только моральных и иных негосударственных регуляторов сегодня недостаточно для упорядочивания общественной жизни¹. Процесс реализации права протекает под влиянием целого ряда факторов: социально-экономических, политических, культурных, нравственных, психологических, организационных и других². Важную роль, как отмечают теоретики, здесь играют и финансовые возможности, материальные стимулы, государственные гарантии. Задача заключается в том, чтобы создавать наиболее благоприятные условия, среду для нормального правового регулирования, а стало быть, и успешного проведения реформ.

Теоретики права к гарантиям реализации относят пределы прав и свобод, их конкретизацию в текущем законодательстве, юридические факты, процессуальные формы реализации, меры поощрения и льготы, стимулирующие правомерную и инициативную реализацию прав³.

К числу гарантий реализации прав отца следует отнести: нормативное закрепление содержания родительских прав и обязанностей; определение юридических фактов, с которыми связывается возникновение, изменение или прекращение родительских правоотношений, процессуальные формы осуществления и защиты родительских прав; а также меры правового стимулирования ответственного и инициативного поведения отца.

Применительно к отцу юридические факты имеют особое значение, поскольку именно они переводят биологическую, социальную или

¹ См.: Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. 5-е изд. М.: Дело, 2021-2022. С. 526.

² См.: Там же.

³ См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 215.

фактическую связь с ребенком в юридически значимое состояние. Такими фактами выступают установление происхождения ребенка, усыновление, заключение соглашения между родителями, вынесение судебного решения о порядке осуществления родительских прав, а также иные обстоятельства, с которыми закон связывает возникновение или конкретизацию прав и обязанностей отца. Следовательно, гарантированность прав отца невозможна без ясного механизма юридического признания его статуса и без процессуальных форм, позволяющих этому статусу получить практическое выражение.

Процессуальные гарантии реализации прав отца выражаются в возможности обращения в компетентные органы за определением порядка участия в воспитании ребенка, устранением препятствий в общении, разрешением споров между родителями, установлением или оспариванием отцовства, а также в праве на рассмотрение дела с учетом интересов ребенка и равенства прав и обязанностей родителей. Их значение состоит в том, что именно процедура превращает абстрактное право отца на участие в воспитании ребенка в конкретную юридическую возможность: видеть ребенка, общаться с ним, участвовать в принятии решений, получать информацию о его развитии, образовании и состоянии здоровья, а также исполнять обязанности по содержанию и воспитанию.

Гарантии охраны прав отца включают судебную защиту, возможность обжалования незаконных решений и действий, меры ответственности за воспрепятствование осуществлению родительских прав, меры принудительного исполнения судебных актов, а также иные средства восстановления нарушенного или оспариваемого права.

Однако применительно к исследуемой проблематике важно подчеркнуть, что охрана не должна подменять реализацию. Если отец получает возможность защитить право только после его нарушения, это свидетельствует о недостаточной эффективности гарантий реализации. Поэтому правовой статус отца должен оцениваться не только по наличию

средств судебной защиты, но и по тому, насколько действующий правовой механизм предупреждает вытеснение отца из сферы воспитания ребенка еще до возникновения спора.

К числу организационных гарантий в теории права относят контрольные, процедурные и организационно-технические гарантии¹. Контрольные гарантии применительно к отцу предполагают надзор и проверку законности деятельности органов и должностных лиц, участвующих в разрешении семейных споров, включая оценку того, соблюдается ли принцип равенства родителей и не воспроизводится ли фактическое предпочтение одного родителя другому без достаточных правовых оснований.

Процурные гарантии выражаются в установлении четкого порядка рассмотрения обращений отца, сроков, правил доказывания, порядка участия органов опеки, возможности быть выслушанным и представить доказательства устойчивой психоэмоциональной связи с ребенком и участия в его жизни.

Организационно-технические гарантии включают информационные ресурсы, реестры, средства связи, электронные сервисы, межведомственный обмен сведениями, позволяющие отцу получать информацию, подавать обращения, фиксировать исполнение соглашений и судебных решений, а также поддерживать связь с ребенком в случаях раздельного проживания.

Формально-юридически (на уровне декларации) права и обязанности родителей признаются равными, однако их реальное содержание, объем и эффективность раскрываются исключительно через механизм гарантированности. Следовательно, концептуализация правового статуса отца требует смещения исследовательского фокуса с простого перечисления прав на анализ специфики и существенных различий именно в юридических гарантиях осуществления этих прав по сравнению с аналогичными гарантиями, предоставляемыми матери.

¹ См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2001. С. 215.

Следует еще раз подчеркнуть, что российский законодатель исходит из нормативного паритета родителей, а в правовой системе выстроена иерархия норм, гарантирующих абсолютное равенство правовых статусов отца и матери. Базисом выступает Конституция Российской Федерации, в статье 38 которой установлено, что забота о детях и их воспитание – это равное право и обязанность обоих родителей¹. Данное положение неразрывно связано со статьей 19 Конституции, гарантирующей равенство прав независимо от пола².

Правовой статус отца основан и на иных положениях Основного закона. В пункте ж части 1 статьи 72 Конституции Российской Федерации, установлено, что защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. К сожалению, несмотря на важность и значимость отцовства на всех уровнях, следует констатировать, что в настоящее время отсутствует единая федеральная стратегия по укреплению роли отца в семье.

Кроме того, в статье 61 СК РФ прямо закреплено, что родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении детей, а в статье 63 СК РФ возлагается на обоих родителей равная обязанность по воспитанию, развитию и заботе о ребенке³. Дополнительным базисом является Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года, в которой постулируется принцип общей и равной ответственности отца и матери⁴. Учеными также отмечается, что

¹ См.: Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 14 марта 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.09.2024).

² См.: Там же.

³ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г, с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

⁴ См.: Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLV. 1993.

принцип равноправия родителей в теории семейного права имеет высокое социальное значение¹.

Таким образом, согласно закону ни один из родителей не имеет априорного преимущества в решении судьбы ребенка в силу своей биологической роли или пола.

Однако формально-юридическое равенство не означает тождества условий реализации родительского статуса. При переходе от уровня нормативного закрепления к уровню практического осуществления обнаруживается устойчивая асимметрия гарантий, затрагивающая, прежде всего, положение отца. Переход от анализа содержания правового статуса отца к исследованию асимметрий его реализации имеет принципиальное значение для всей модели правовой охраны отцовства. Именно здесь обнаруживается, что формальное равенство родителей не устраняет различий в фактической возможности приобрести, осуществить и защитить родительский статус.

Поэтому выявление асимметрий является не самостоятельным отклонением от темы, а способом проверки обеспечительного уровня модели: насколько действующее законодательство действительно позволяет отцу реализовать принадлежащие ему права наравне с матерью.

Рассматриваемая асимметрия выражается не в прямом нормативном отрицании равенства родителей, а в различии юридических, социальных и процессуальных условий, при которых мать и отец приобретают, реализуют и защищают свой родительский статус.

Во-первых, такая асимметрия проявляется в порядке установления происхождения ребенка.

Так, в ряде случаев для матери презумпция родительства носит автоматический характер и не требует дополнительных доказательств, тогда как отцовство нередко нуждается в юридическом подтверждении либо через

¹ См.: Асланов Х.Г. Обеспечение интересов отца в родительских правоотношениях по семейному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 28 с.

процедуру установления отцовства, либо посредством соответствующих регистрационных действий¹. Думается, что указанное обстоятельство уже на начальном этапе формирует различия в исходных условиях реализации родительских прав. Анализ судебных решений показывает, что при рассмотрении дел об установлении отцовства суды, как правило, ограничиваются разрешением вопроса о биологическом происхождении ребенка и взыскании алиментов, оставляя за пределами судебного контроля вопросы последующей реализации личных неимущественных прав отца².

Позиции Верховного Суда Российской Федерации в целом направлены на преодоление подобного подхода. Так, в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации подчеркивается, что установление происхождения ребенка в судебном порядке влечет возникновение у отца всех родительских прав и обязанностей, предусмотренных семейным законодательством, и не может служить основанием для их ограничения по сравнению с правами матери³. Одновременно указывается, что при разрешении любых споров, связанных с воспитанием детей, суды обязаны исходить из приоритета интересов ребенка и принципа равенства родителей⁴. Вместе с тем данные разъяснения не сопровождаются детализированными ориентирами относительно того, каким образом суды должны обеспечивать реализацию личных неимущественных прав отца сразу после установления отцовства.

Проблема усугубляется тем, что судебное установление отцовства и споры о порядке общения с ребенком, как правило, рассматриваются в разных

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г, с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

² См., например, решение Камбарского районного суда Удмуртской Республики по делу №2-146/2011 от 19 апреля 2011 г. URL: <https://адвокат-ижевска.рф/ustanovlenie-otcovstva-vzyskanie-alimentov> (дата обращения: 19.01.2025).

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей».

⁴ См.: Там же.

процессуальных форматах и в разное время. Это приводит к ситуации, при которой отец, признанный родителем в судебном порядке, вынужден повторно обращаться в суд для защиты своих личных прав, фактически заново доказывая свою значимость для ребенка. Подобная фрагментация судебной защиты снижает эффективность правового статуса отца и объективно ставит его в менее благоприятное положение по сравнению с матерью, которая, как правило, реализует родительские права непосредственно в силу факта проживания с ребенком.

В рамках заявленной проблемы рассмотрим подробнее институт установления и оспаривания отцовства, который представляет собой юридический фундамент правового статуса отца, поскольку без установленного происхождения ребенка родительские права и обязанности не возникают (либо возникают в ограниченном режиме, если речь идет о фактическом воспитании без юридического оформления). Следует оговориться, что установление отцовства в его строгом, специально-юридическом значении представляет собой юридический состав, влекущий возникновение правоотношений между отцом и ребенком. Этот состав носит комплексный характер и может включать как добровольное волеизъявление отца (совместное заявление родителей в органах ЗАГС по правилам статьи 48 СК РФ), так и судебную процедуру (статья 49 СК РФ)¹. В отличие от этого, установление факта признания отцовства является более узким понятием и в процессуальном смысле часто относится к особому производству (глава 28 ГПК РФ), когда требуется подтвердить уже существовавшую, но документально не оформленную связь, например, после смерти предполагаемого отца.

При этом, как утверждают антропологи, если материнство канонический и светский закон всегда ставит на сторону биологии, то отцовство должно

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г, с изм. от 30 октября 2025 г.) // Сборник законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

находиться на стороне культуры. Последнее согласуется с древней максимой, согласно которой «женщина становится матерью, потому что рождает, а отцы – потому что установлены»¹.

Указанное положение объясняет отсутствие симметричности по отношению к фигурам и ролям отца и матери. Как справедливо отмечает доктор юридических наук, профессор Е. Г. Комиссарова, «...в случае с отцом вопрос стоит о сближении ребенка с личностью отца, а в случае с материнством речь идет об отделении ребенка от тела матери»². Следует заметить, что подобное различие между мужчиной и женщиной, отцом и матерью прочно «вписано» не только в их физиологию, но и в порядок установления родительского происхождения ребенка.

Заметим, что неявность отцовства не компенсируется действиями по установлению фактов кровного родства. При отсутствии судебной процедуры установления отцовства признание родительской связи базируется не на судебном установлении фактов, а на особых правовых презумпциях, санкционированных законодателем. Данные презумпции, будучи закрепленными в законе (в частности, в статье 48 СК РФ), создают легитимную юридическую фикцию, определяющую происхождение ребенка. Презумпцию в праве, по мнению В.К. Бабаева, можно определить как закрепленные в праве предположения о наличии или отсутствии юридических фактов³. Следовательно, презумпция по своей природе является не субъективным правом и не юридической обязанностью, а средством юридического установления факта.

¹ См.: Комиссарова Е.Г. Презумпции в нормах об установлении отцовского происхождения ребенка // Lex Russica. 2025. № 3 (220). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prezumpcii-v-normah-ob-ustanovlenii-ottsovskogo-proishozhdeniya-rebenka> (дата обращения: 17.12.2025).

² См.: Комиссарова Е.Г. Происхождение ребенка и порядок его установления по нормам семейного права: монография. М.: Статут, 2025. 242 с.

³ См.: Бабаев В.К. Презумпции в советском праве. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1974. 124 с.

Особенность отцовства состоит в том, что в отличие от материнства оно не всегда является очевидным и нередко устанавливается посредством презумпций. В научной литературе справедливо отмечается, что если материнство связано с фактом рождения, то отцовство во многих случаях требует юридического установления. Именно поэтому отцовские презумпции играют не только техническую, но и статусообразующую роль.

Начинать исследование презумпций следует с презумпции отцовства супруга матери ребенка (статья 48 СК РФ), которая состоит в том, что отцом ребенка признается действующий супруг матери или бывший супруг матери в течение трехсот дней с момента расторжения брака, признания его недействительным, или с момента смерти супруга матери ребенка, что по сути своей является юридической фикцией, основанной на высокой вероятности биологического родства в браке¹.

Исторически сложившаяся правовая презумпция отцовства мужа (*pater is est*) была призвана восполнить объективную невозможность достоверного установления биологического происхождения ребенка от конкретного лица. Сформировавшись в юридической доктрине Нового времени как обоснованная социальная и правовая фикция закона (*fictio legis*), данная презумпция приобрела характер нормативного императива, нарушение которого, по мысли законодателей и философов той эпохи, ставило бы под сомнение сами устои семьи и, как следствие, стабильность общественного порядка².

Современная правовая сила данной презумпции заключается в ее способности приравнивать юридическую возможность к фактической действительности: состояние в браке само по себе конституирует отцовство как правовой факт. В этом проявляется ее императивный и неоспоримый

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г, с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

² См.: Комиссарова Е.Г. Происхождение ребенка и порядок его установления по нормам семейного права: монография. М.: Статут, 2025. 242 с.

характер (*praesumptio iuris et de iure*): законность происхождения ребенка от супруга матери не подлежит оспариванию кем бы то ни было, включая самих участников правоотношений на момент регистрации рождения. Данный принцип, будучи поддерживаемым законодательной нормой о равенстве прав супругов в решении вопросов семейной жизни (часть 2 статьи 31 СК РФ), находит свое прямое и безусловное нормативное выражение в пункте 1 статьи 51 СК РФ, в котором установлено исчерпывающее основание для записи родителей: отцом ребенка автоматически признается супруг матери.

Следует подчеркнуть, что действие обозначенной выше презумпции, как отмечено в науке, может сопровождаться некоторыми нюансами, обусловленными как непосредственно отношениями между мужчиной и женщиной, так и необходимостью применения норм действующего законодательства¹.

Проблема возникает тогда, когда презумптивный отец, биологический отец и социальный отец не совпадают. В таких ситуациях правопорядок сталкивается с конкуренцией биологической истины, стабильности семейных отношений и интересов ребенка. До успешного оспаривания отцовства в судебном порядке в правовом поле могут сосуществовать конфликтующие статусы: юридический отец и биологический отец. Это создает неопределенность не только для взрослых участников, но и для ребенка.

Так, в рамках действующего семейного законодательства возникает правовая коллизия, когда биологический отец ребенка претендует на официальное признание своего отцовства, притом, что мать ребенка состоит в зарегистрированном браке с иным лицом.

Смысловым центром разрешения данной дилеммы выступает положение пункта 3 статьи 48 СК РФ, допускающее установление происхождения ребенка от конкретного лица, «не состоящего в браке с матерью ребенка». Буквальное толкование данной нормы позволяет

¹ См.: Гринева А.В. Отцовство и материнство вне родительства: нюансы правового регулирования // Семейное и жилищное право. 2025. № 4. С. 5-8.

утверждать, что сам по себе факт нахождения матери в браке с третьим лицом не создает непреодолимого препятствия для установления юридического отцовства биологического родителя. Однако ключевой проблемой становится столкновение двух правовых механизмов: непререкаемой презумпции отцовства супруга матери (пункт 2 статьи 48 СК РФ) и волеизъявления фактических родителей, направленного на государственную регистрацию кровной связи.

Даже обращение к фундаментальному принципу приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетнего (статья 1 СК РФ) не дает однозначного ответа. С одной стороны, интересы ребенка могут связываться с установлением истинного биологического происхождения. С другой – стабильность сложившихся семейных отношений, где социальным отцом является супруг матери, также охраняется законом, поскольку во всем мире получает распространение теория, в соответствии с которой родительские отношения рассматриваются не только как биологические, но и как социальные¹.

Таким образом, юридическая фикция отцовства супруга матери, не основанная на кровном родстве, порождает полноценное родительское правоотношение со всеми вытекающими правами и обязанностями. Эта искусственная правовая связь приобретает устойчивый характер в силу прямого указания закона (пункт 2 статьи 52 СК РФ), который, по справедливому замечанию О.Ю. Ильиной, фактически лишает «добросовестного супруга», изначально осведомленного об отсутствии родства, возможности впоследствии оспорить отцовство².

В результате, до момента успешного оспаривания в судебном порядке, в правовом поле продолжают сосуществовать конфликтующие статусы:

¹ См.: Антокольская М.В. Семейное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. 336 с.

² См.: Ильина О.Ю. Права отцов: де-юре и де-факто: монография. М.: Городец, 2007. С. 17.

юридический (презюптивный) отец и отец биологический, что создает значительную правовую неопределенность.

В контексте действия презюпции отцовства возникает любопытный казус, детально иллюстрирующий дихотомию биологического и юридического статуса. В качестве релевантного примера уместно обратиться к судебному делу, анализируемому в работах О.Ю. Ильиной¹, которое с методологической точки зрения служит наглядным основанием для разграничения категорий «отцовство» в смысле кровного родства и «родительство» как правовой связи.

Суть спора заключалась в требовании матери двоих детей об оспаривании ранее зарегистрированного отцовства и установлении нового. Из установленных судом обстоятельств следовало, что К.Е.Е., формально пребывая в браке с К.Н.И., фактически вела семейную жизнь с Ю.А.В. От последнего она родила 14 августа 2013 года двоих детей. Поскольку расторжение брака с К.Н.И. состоялось лишь в апреле 2013 года, в силу прямого действия пункта 2 статьи 48 СК РФ отцом новорожденных был зарегистрирован ее бывший супруг.

Назначенная судом молекулярно-генетическая экспертиза дала неоднозначный результат, который в решении признан достоверным, несмотря на попытки стороны оспорить методику. Выяснилось, что отцом одного из детей является действительно Ю.А.В., в то время как биологическим отцом второго ребенка не оказался ни бывший муж, ни фактический сожитель матери. Суд, руководствуясь данным заключением, вынес дифференцированное решение: в отношении первого ребенка запись об отце была изменена, тогда как в отношении второго – сохранена за бывшим супругом, поскольку формальных оснований для оспаривания его отцовства в рамках данного процесса не возникло.

¹ См.: Ильина О.Ю. Права отцов: де-юре и де-факто: монография. М.: Городец, 2007. С. 17.

Таким образом, данный прецедент обнажает ситуацию, при которой презумпция отцовства способна породить правовую связь, полностью оторванную не только от биологического родства, но и от волеизъявления всех вовлеченных лиц, создавая уникальную юридическую конструкцию родительства.

Кроме того, в рамках рассматриваемого вопроса возникает проблема обеспечения гарантий мужчины, который изначально зная, что между ним и ребенком отсутствует кровная связь, добровольно записывает себя в качестве отца несовершеннолетнего, при этом выполняя в полной объеме свои родительские обязанности, впоследствии потенциально может быть лишен статуса отца при оспаривании отцовства данного мужчины лицами, которые имеют на это право.

Из сказанного следует, что в отечественном семейном праве содержится глубокое внутреннее противоречие, касающееся правового статуса мужчины, добровольно признавшего ребенка своим. Если закон императивно ограничивает попытки самого социального отца отказаться от отцовства при изначальной осведомленности об отсутствии генетической связи, то в отношении матери ребенка действует принципиально иная логика. Используя положения пункта 1 статьи 52 СК РФ, мать вправе в любой момент инициировать процедуру оспаривания отцовства¹. При отрицательном результате генетической экспертизы суд, опираясь на приоритет биологической истины, аннулирует актовую запись.

В этот момент происходит «юридическое обнуление» социального отца, а именно: мужчина, вложивший годы эмоциональных и материальных ресурсов в воспитание, мгновенно превращается для ребенка в постороннего гражданина, полностью лишаясь права на общение, участие в воспитании и представительство интересов несовершеннолетнего. Биологическая истина

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г, с изм. от 30 октября 2025 г.) // Сборник законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

становится инструментом манипуляции и злоупотребления правом со стороны матери, а закон не предоставляет бывшему отцу никаких компенсирующих социальных или правовых гарантий. Для настоящего исследования данный пробел означает необходимость выработки новаторских механизмов, которые должны базироваться на доктрине трансформации статуса (от юридического родителя к фактическому), а не на его полном лишении.

Фундаментальной гарантией охраны мужчины должен стать запрет на недобросовестное поведение матери. Под добросовестностью в цивилистической науке Ю.Ф. Беспалов предлагает понимать, прежде всего, нравственно-правовую категорию, при помощи которой возможно определить «правомерность или неправомерность поведения членов семьи, выявить степень социальной, правовой и нравственной зрелости и осознания ответственности каждого члена семьи друг перед другом, а также обществом и государством»¹. Такие предложения рассматриваются в германской доктрине и законотворческой практике. В последних проектах реформирования Гражданского уложения Германии (BGB) прямо предлагается ввести правило, согласно которому оспаривание отцовства матерью исключается, если в момент дачи согласия на признание отцовства она знала, что ребенок не происходит от признающего его мужчины².

Думается, что интеграция подобного эстоппеля в статье 52 СК РФ может повлиять на изменение вектора судебной практики. Если мать изначально пошла на социальный контракт, согласившись на регистрацию небиологического отца, она должна лишаться права использовать отсутствие кровного родства как повод для исключения мужчины из жизни ребенка при ухудшении их личных отношений.

Если оспаривание отцовства все же происходит (например, в интересах биологического отца, желающего воспитывать ребенка), правовая связь

¹ См.: Беспалов Ю.Ф. О добросовестности в семейном праве Российской Федерации // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. С. 42-44.

² См.: Gesetzentwurf der Bundesregierung. URL: <https://dserver.bundestag.de/brd/2025/0642-25.pdf> (дата обращения: 11.02.2025).

социального отца не должна бесследно исчезать. Здесь применима североамериканская концепция «фактического родителя» (De Facto Parent), закрепленная в Uniform Parentage Act (2017)¹. Она позволяет лицу, сформировавшему зависимые, родительские по своей природе отношения с ребенком при поддержке другого законного родителя (матери), сохранить свой статус и права даже при установлении биологического родительства иного лица.

В российской доктрине аналогом «фактического родителя» выступает институт фактического воспитателя, который требует модернизации. В настоящий момент в статье 96 СК РФ фактический воспитатель рассматривается лишь ретроспективно: как лицо, имеющее право в старости требовать алименты со своего взрослого воспитанника при условии его содержания не менее пяти лет. Закон не наделяет такого воспитателя активными правами в настоящем времени.

Необходимо наделить мужчину, лишённого юридического отцовства по иску матери, специальным статусом «социального родителя» (фактического воспитателя), который гарантировал бы ему:

1. Право на получение информации о ребенке из образовательных и медицинских учреждений.
2. Законодательно защищенное право на общение.

Кроме того, согласно действующей редакции статьи 67 СК РФ, право на общение с ребенком имеют дедушки, бабушки, братья, сестры и «другие родственники». Бывший социальный отец, лишённый записи в ЗАГСе, де-юре родственником больше не является. Для обеспечения социальных гарантий предлагается расширить диспозицию статьи 67 СК РФ, включив в нее «лиц, ранее записанных в качестве родителей ребенка и осуществлявших его фактическое воспитание». Это обяжет органы опеки и суды императивно

¹ См.: Comparable Pursuits of Hold Out and De Facto Parentage: Tweaking the 2017 Uniform Parentage Act. URL: https://www.aaml.org/wp-content/uploads/MAT104_14-1.pdf (дата обращения: 11.02.2025).

защищать право такого мужчины на регулярные встречи с ребенком, защищая как психоэмоциональное здоровье самого мужчины, так и право ребенка на сохранение значимых привязанностей.

Самостоятельным способом установления отцовства является добровольное признание в административном порядке. Его правовая природа основана на согласованном волеизъявлении родителей и позволяет мужчине, не состоящему в браке с матерью ребенка, принять на себя правовой статус отца без судебного вмешательства и без доказывания биологического родства. Тем самым законодатель поддерживает идею ответственного отцовства как добровольно принятой социальной и правовой ответственности.

Вместе с тем действующая модель добровольного признания отцовства обнаруживает существенный процедурный перекос: реализация права внебрачного отца зависит от согласия матери. Формально это объясняется необходимостью защиты интересов ребенка и предотвращения фиктивных актов признания. Однако в конфликтной семейной ситуации согласие матери может использоваться как средство блокирования участия отца в жизни ребенка, вынуждая его обращаться к более сложной и длительной судебной процедуре.

Приведем пример из судебной практики. Суть одного из дел, рассмотренных Октябрьским районным судом г. Саратова¹, состояла в том, что гражданин К. и гражданка С. состояли в фактических семейных отношениях без государственной регистрации брака. В период указанных отношений у сторон родился ребенок М. После рождения ребенка гражданка С. покинула медицинскую организацию, в которой проходили роды, не оформив документы, связанные с дальнейшим совместным проживанием с ребенком. В связи с отсутствием родительского ухода ребенок М. был помещен в специализированное государственное учреждение для детей раннего возраста (дом ребенка).

¹ См.: Решение Октябрьского районного суда г. Саратова № 2-3164/2021 от 16 декабря 2021 г. //Архив Октябрьского районного суда г. Саратова.

Совместное заявление родителей об установлении отцовства в органы записи актов гражданского состояния подано не было. В актовой записи о рождении ребенка сведения об отце отсутствовали. Добровольный порядок установления отцовства, предусмотренный частью 3 статьи 48 Семейного кодекса Российской Федерации, реализован не был в силу отсутствия согласованного волеизъявления родителей.

Гражданин К., считая себя биологическим отцом ребенка М., выразил намерение принять на себя родительские права и обязанности, включая участие в воспитании ребенка и обеспечение его содержания. Ввиду невозможности внесудебного оформления отцовства он обратился в суд с иском об установлении отцовства, внесении соответствующих изменений в актовую запись о рождении и разрешении вопроса о передаче ребенка на воспитание отцу.

В ходе судебного разбирательства судом была назначена молекулярно-генетическая экспертиза, по результатам которой была установлена биологическая связь между гражданином К. и ребенком М. с высокой степенью вероятности. Указанное заключение эксперта было оценено судом в совокупности с иными доказательствами по делу.

Установив происхождение ребенка от гражданина К., суд удовлетворил исковые требования, признал гражданина К. отцом ребенка М., обязал орган записи актов гражданского состояния внести соответствующие сведения в актовую запись о рождении и разрешил вопрос о передаче ребенка на воспитание истцу. В части передачи ребенка на воспитание решение суда было обращено к немедленному исполнению с учетом приоритета интересов ребенка.

Рассмотренный пример наглядно демонстрирует, что добровольное установление отцовства в органах ЗАГС, предусмотренное частью 3 статьи 48 Семейного кодекса Российской Федерации, при действующей модели правового регулирования оказывается недоступным в ситуациях отсутствия активного волеизъявления матери ребенка, даже когда речь идет о

новорожденном, фактически оставшемся без родительского попечения и помещенном в государственное учреждение.

В таких условиях предполагаемый отец, заинтересованный в немедленном принятии на себя правового статуса родителя и защите интересов ребенка, вынужден инициировать судебную процедуру установления отцовства. Суд в данном случае выступает обязательным формально-юридическим инструментом, компенсирующим отсутствие внесудебных процедурных гарантий реализации намерения отца.

Таким образом, приведенный кейс подтверждает вывод о том, что институт добровольного установления отцовства обладает самостоятельной социальной ценностью, однако его практическая эффективность существенно ограничена моделью реализации, основанной на обязательном согласии матери и не предусматривающей альтернативных процедур в интересах ребенка и добросовестного внебрачного отца.

Подводя итог рассмотрению презумпций отцовства, следует отметить, что в науке семейного права до настоящего времени недостаточно разработан вопрос о ценностном измерении брачных и отцовских презумпций. Как правило, данные конструкции анализируются с формально-юридических позиций – как технические средства упрощения процедуры установления происхождения ребенка и снижения процессуальной нагрузки на суды и органы регистрации актов гражданского состояния. Между тем подобный подход не позволяет в полной мере осмыслить их социально-нормативную роль и идеологическую функцию в системе семейного права.

Презумпции отцовства выполняют не только инструментальную, но и нормативно-ценностную задачу, поскольку они институционально поддерживают модель гетеросексуального брака как предпочтительную форму организации родительства и воспроизводства. Приоритет предполагаемого кровно-биологического родства, закрепленный в презумпции отцовства супруга матери, формирует устойчивый стимул к вступлению в брак либо к поведению, функционально приближенному к

брачному, как способу юридической легитимации родительского статуса. В этом смысле презумпции выступают не нейтральными юридическими фикциями, а нормативными ориентирами, направляющими социальное поведение субъектов семейных отношений.

Именно данное обстоятельство, как справедливо отмечено в науке, позволяет рассматривать брачные и отцовские презумпции в качестве своеобразных «культурных посредников», которые не столько конструируют новые социальные модели, сколько отражают и транслируют доминирующие представления о приоритете биологического происхождения и брачно-родительской связи¹. Их функция заключается не в поиске оптимальных форм родительства, а в воспроизведении уже закрепленных политико-правовых стратегий регулирования семьи, демографических процессов и человеческого воспроизводства в целом.

Во-вторых, асимметрия оказывается тесно связана с мерами социальной поддержки семьи. Несмотря на конституционное признание охраны семьи, материнства, отцовства и детства, значительная часть мер государственной поддержки исторически и нормативно ориентирована преимущественно на материнство².

Следует подчеркнуть, что при этом отец зачастую получает соответствующие меры не как самостоятельный и равный носитель родительского статуса, а при наличии дополнительных условий, связанных с отсутствием матери, прекращением ее права либо особым статусом единственного усыновителя. Последнее свидетельствует о том, что отечественная модель поддержки семьи, к сожалению, не всегда исходит из самостоятельной ценности отцовства.

Так, например, мать является первичным и основным получателем материнского (семейного) капитала. Роль отца в этой системе вторична, а его

¹ См.: Gornu G. Droit civil. Famille. Paris: L.G.D.J., 2016. P. 277.

² См., например: Рябова О. С. Меры государственной поддержки семьи, материнства и детства в Российской Федерации // Вестник науки. 2019. № 10 (19). С. 55-59.

право на капитал носит исключительно субсидиарный (производный) характер. Мужчина может претендовать на получение сертификата лишь в тех случаях, когда право матери полностью прекращается в силу экстраординарных, трагических или криминальных обстоятельств. К таким жестко регламентированным законом ситуациям относятся:

1. смерть женщины или вынесение судебного решения об объявлении ее умершей;
2. лишение матери родительских прав в отношении того ребенка, с рождением которого возникло право на капитал;
3. совершение матерью умышленного преступления против личности в отношении своего ребенка или детей, повлекшее лишение или ограничение родительских прав;
4. отмена усыновления ребенка женщиной, в связи с которым возникло право на поддержку¹.

При наступлении любого из этих событий право распоряжаться средствами переходит к отцу или усыновителю, причем независимо от того, является ли мужчина гражданином России. Однако законодатель предусмотрел ряд заградительных условий даже для этих случаев. Капитал не достанется мужчине, если он является отчимом предыдущего ребенка (очередность рождения которого учитывалась при возникновении права у матери), либо если после смерти матери ребенок был в законном порядке признан оставшимся без попечения родителей². В таких ситуациях право на капитал переходит уже непосредственно к самим детям.

Единственная ситуация, когда мужчина выступает первичным получателем материнского капитала – это приобретение статуса единственного усыновителя. Если мужчина единолично усыновил первого

¹ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2026 г.) //Собрание законодательства РФ. 01.01.2007. № 1 (1 ч.), ст. 19.

² См.: Там же.

ребенка (по решению суда, начиная с 1 января 2020 года) или второго и последующих детей (с 1 января 2007 года) и ранее не пользовался мерами господдержки, он получает сертификат напрямую. Системные пробелы в таких правах отцов иногда приходится устранять высшим инстанциям. Так, лишь в 2021 году Конституционный Суд Российской Федерации признал право на капитал за мужчинами, чьи дети были рождены суррогатной матерью и впоследствии усыновлены их супругами¹.

Асимметрия реализации прав проявляется не только в порядке получения, но и в вариантах расходования средств. Став законным владельцем сертификата, отец имеет право направить деньги на улучшение жилищных условий, социальную адаптацию детей-инвалидов или их образование, однако он прямо лишен права направить эти средства на формирование накопительной части своей пенсии, поскольку эта целевая опция сохранена в законе исключительно для женщин².

В-третьих, асимметрию можно обнаружить в правоприменительной практике по спорам о детях. Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) неоднократно подчеркивал, что родительские права и обязанности имеют социально обусловленный характер и вытекают из конституционной обязанности государства по охране семьи, материнства, отцовства и детства³.

Кроме того, в своих решениях КС РФ исходит из того, что родительство выступает не только формой реализации частных интересов родителей, но и

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // Собрание законодательства РФ. 12.07.2021. № 28 (часть II), ст. 5629.

² См.: Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.2007. № 1 (1 ч.), ст. 19.

³ См.: Правовые позиции КС РФ по отдельным вопросам. Защита материнства, отцовства и детства. URL: <https://legalacts.ru/sud/pravovye-pozitsii-ks-rf-po-otdelnym-voprosam-zashchita-materinstva-ottsovstva-i-detstva/> (дата обращения: 11.11.2025).

инструментом обеспечения конституционно значимых ценностей, прежде всего, достойного развития и воспитания ребенка.

При формальном признании равенства родителей суды ориентируются на категорию интересов ребенка, которая имеет оценочный характер и не всегда наполнена устойчивыми объективными критериями. В результате при определении места жительства ребенка или порядка участия отдельно проживающего родителя в воспитании нередко сохраняется уже сложившийся фактический порядок.

Как отмечают исследователи, при «раздельном проживании родителей неравенство становится очевидным, и в частности, законодателем, предпринимаются всяческие попытки «уравнять» их в правах и обязанностях. Однако равенство может быть реализовано только тогда, когда такая модель отношений была заложена во время совместного проживания родителей, стала его фундаментом: проводилось равномерное распределение обязанностей и, соответственно, прав; родитель, впоследствии проживающий отдельно, ассоциировал себя с субъектом, действительно несущим обязанности по воспитанию наравне с другим родителем, а также воспринимался ребенком не как «еще один человек, проживающий в квартире», а наставник, воспитатель и помощник»¹.

Кроме того, анализ судебной практики по спорам, возникающим по воспитанию детей, демонстрирует, что декларируемое равенство полов часто нивелируется устоявшимися стереотипами. Так, несмотря на Определение ВС РФ, согласно которому российские суды обязаны придерживаться принципа равенства отца и матери при определении места жительства детей после развода², правоприменительная практика по спорам об определении места

¹ См.: Актуальные проблемы защиты неимущественных прав детей (материальные и процессуальные аспекты): сб. науч.-практ. ст. / под общ. ред. А.Е. Тарасовой, О.Г. Зубаревой. М.: ИНФРА-М, 2023. 232 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1895176> (дата обращения: 17.02.2026).

² См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 г.) (ред. от 27 ноября 2024 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. Июль. № 7.

жительства ребенка, порядка общения с ним и участия в его воспитании демонстрирует устойчивую тенденцию приоритизации материнского участия, что фактически влияет на объем возможностей отца реализовывать принадлежащие ему родительские права.

Такой вывод следует из анализа статистических данных: в большинстве случаев при расторжении брака и рассмотрении вопроса об определении места жительства ребенка (детей) суд определяет место жительства несовершеннолетнего ребенка с матерью¹.

Как отмечалось ранее, на практике это обуславливается применением оценочной категории «интересы несовершеннолетнего». Как справедливо отметили Т.И. Хмелева и О.И. Цыбулевская, «в ряду оценочных категорий функциональная роль нравственно-правовых конструкций приобретает особое значение, поскольку понятия добросовестности, разумности, справедливости способны при помощи нормативной регламентации разрешить самые разные жизненные коллизии, предвидеть направления развития правоотношений в обозримом будущем»². Кроме того, С.В. Зыков отмечает, что при разрешении споров, связанных с воспитанием детей, категория «интересы ребенка» нередко используется судами формально, без выявления и анализа ее содержательного наполнения³, вследствие чего она фактически подменяется оценкой удобства сохранения уже сложившегося порядка проживания несовершеннолетнего. В результате приоритет отдается краткосрочной стабильности, тогда как вопросы, связанные с формированием личности ребенка, его правом на воспитание обоими родителями и сохранение значимых эмоциональных связей, остаются на периферии судебного усмотрения.

¹ См.: Фиошин, А.В. О непоименованных оценочных понятиях семейного права // Правосудие / Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 113-127.

² См.: Хмелева Т.И. Толкование оценочных категорий в правоприменительной практике // Вестник Поволжского института управления. 2025. Т. 25, № 3. С. 92.

³ См.: Зыков С.В. Осуществление права отцовства в современной России: правоприменительные и законодательные препятствия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. С. 44-71.

При таком подходе участие отца в жизни ребенка рассматривается скорее как факультативное, а не как необходимый элемент гармоничного развития несовершеннолетнего.

Однако, если в раннем возрасте ребенка подобная ориентация на материнскую фигуру может объясняться объективными биологическими обстоятельствами – прежде всего, необходимостью грудного вскармливания и физиологической зависимостью младенца, – то по мере взросления ребенка столь выраженное смещение правоприменительной практики в сторону интересов матери выглядит уже не столь очевидным и вызывает обоснованные вопросы.

В судебных актах по данной категории споров нередко можно встретить ссылки на Принцип 6 Декларации прав ребенка, согласно которому разлучение малолетнего с матерью допускается лишь в исключительных случаях¹. Однако в современной научной дискуссии подобная аргументация подвергается критическому переосмыслению. Обращается внимание на то, что нормативные ориентиры, заложенные в Декларации, во многом отражают устаревшее представление о распределении родительских ролей. На смену им пришел иной подход, закрепленный в Конвенции о правах ребенка, где акцент сделан на равенстве родительских прав и необходимости разрешения спора исходя не из презумпции материнского приоритета, а из принципа наилучшего обеспечения интересов самого ребенка.

Для минимизации судебного усмотрения целесообразно закрепить комплекс критериев оценки интересов ребенка. К ним следует отнести: фактическую вовлеченность каждого родителя в воспитание; устойчивость и качество эмоциональной связи ребенка с каждым из родителей; долгосрочные последствия ограничения участия одного из родителей в жизни ребенка;

¹ См.: Декларация прав ребенка. Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 11.03.2025).

способность родителя обеспечивать право ребенка на общение с другим родителем; осознанность и стабильность мнения ребенка; недопустимость автоматического приоритета фактического проживания.

Критерий фактической вовлеченности предполагает оценку реального участия каждого родителя в заботе о здоровье, образовании, досуге и эмоциональной поддержке ребенка. Критерий эмоциональной связи требует анализа степени привязанности и последствий возможного разрыва контактов. Критерий долгосрочных интересов ориентирует суд не только на текущую стабильность, но и на перспективы развития ребенка, сохранение семейных связей и формирование представлений о роли обоих родителей.

Критерий способности родителя содействовать общению ребенка с другим родителем позволяет учитывать готовность каждого из родителей избегать конфликтного поведения и манипулирования ребенком. Систематическое препятствование контактам должно оцениваться как фактор, противоречащий интересам ребенка. Мнение ребенка, в свою очередь, должно оцениваться с учетом его самостоятельности, стабильности и отсутствия давления. Наконец, само проживание ребенка с одним из родителей на момент рассмотрения спора не должно автоматически рассматриваться как презумпция соответствия его интересам.

Такой подход позволяет выйти за рамки формального равенства и перейти к анализу реальных условий осуществления отцовских прав.

Дополнительный аспект проблемы связан с законодательными решениями, позволяющими женщине единолично принимать ряд репродуктивных решений. В доктрине указывается, что это может противоречить принципу равноправия родителей и затрагивать интересы мужчины-отца¹. Тем самым интересы отца приобретают не только семейно-правовой, но и межотраслевой характер, что влияет на их восприятие как факультативного элемента правового статуса.

¹ См.: Фиошин А.В. О непоименованных оценочных понятиях семейного права // Правосудие / Justice. 2025. Т. 7, № 2. С. 113-127.

В-четвертых, асимметрия связана с различной эффективностью механизмов гарантирования имущественных обязанностей и личных неимущественных прав отца. Имущественные обязанности, прежде всего алиментные, обеспечены относительно развитым механизмом принудительного исполнения. Напротив, личные неимущественные права отца, такие как право на общение, участие в воспитании, получение информации о ребенке и участие в решении вопросов его развития, требуют самостоятельной защиты и во многом зависят от добросовестности другого родителя.

В результате отец оказывается более эффективно обеспечен правовыми механизмами как обязанное лицо, чем как управомоченный субъект родительского правоотношения. Именно это обстоятельство показывает, что проблема заключается не только в объеме прав, но и в различной степени их юридической исполнимости.

Таким образом, выявленные асимметрии позволяют перейти от формулы равенства прав родителей к более точной конструкции – равенству юридической исполнимости родительского статуса. Под таким равенством следует понимать не только совпадение формального объема прав и обязанностей матери и отца, но и сопоставимую обеспеченность каждого из родителей процессуальными, информационными, организационными и исполнительными гарантиями.

Для практического наполнения равенства юридической исполнимости требуется выделение специальных гарантий, адресованных тем ситуациям, в которых отец формально обладает равными правами, но фактически сталкивается с более сложным порядком их осуществления. Такие гарантии не изменяют содержание родительских прав и не создают преимущества отца перед матерью. Назначение последних состоит в том, чтобы обеспечить сопоставимую возможность приобретения, реализации и защиты родительского статуса.

В рамках исследуемой проблематики к числу таких гарантий целесообразно отнести статусно-регистрационную, процессуальную, информационную, исполнительную гарантии.

Статусно-регистрационная гарантия связана с обеспечением юридически беспрепятственного признания отцовства. Ее содержание заключается в том, чтобы мужчина, добросовестно заявляющий о намерении принять на себя родительский статус, не был поставлен исключительно в зависимость от волеизъявления другого родителя. В случаях, когда добровольное установление отцовства в органах записи актов гражданского состояния невозможно вследствие отсутствия совместного-заявления родителей, такая гарантия должна выражаться в наличии ускоренного процессуально определенного порядка подтверждения происхождения ребенка с последующим решением вопроса о первичных формах участия отца в его жизни. Иными словами, юридическое признание отца не должно завершаться только внесением записи об отцовстве, поскольку само по себе установление происхождения ребенка еще не обеспечивает реального осуществления личных неимущественных прав.

Процессуальная гарантия предполагает преодоление фрагментарности судебной защиты. Наиболее уязвимой является ситуация, при которой отец сначала вынужден обращаться в суд за установлением отцовства, а затем повторно инициировать самостоятельный спор о порядке общения, участии в воспитании или получении информации о ребенке. Такой порядок объективно отодвигает реализацию личных прав отца во времени и усиливает зависимость от фактического поведения матери. Поэтому в делах об установлении отцовства должна быть предусмотрена возможность одновременного разрешения связанных требований, если это отвечает интересам ребенка: о порядке участия отца в воспитании, об устранении препятствий в общении, о получении информации о ребенке и другие.

Информационная гарантия направлена на обеспечение доступа отца к сведениям о ребенке. В семейных конфликтах лишение информации о

состоянии здоровья, обучении, месте пребывания и развитии ребенка нередко становится самостоятельным способом фактического вытеснения отца из родительских отношений. Поэтому отдельно проживающий отец, неограниченный и не лишенный родительских прав, должен иметь самостоятельную возможность получать сведения из образовательных, медицинских и иных организаций, участвующих в обеспечении интересов ребенка. Отказ в предоставлении такой информации допустим лишь при наличии специального правового основания, связанного с защитой ребенка, а не по мотиву несогласия другого родителя. В этом смысле информационная гарантия выступает не вспомогательным, а базовым условием реализации права на участие в воспитании.

Исполнительная гарантия необходима для придания реального характера судебным актам и соглашениям, регулирующим участие отца в жизни ребенка. В настоящее время алиментные обязанности обеспечены более определенными средствами принуждения, тогда как исполнение решений о порядке общения с ребенком во многом зависит от добросовестности родителя, с которым ребенок проживает. Специальная исполнительная гарантия должна включать четкий порядок фиксации воспрепятствования общению, участие органов опеки и попечительства при исполнении судебных актов, оперативное реагирование судебного пристава-исполнителя, возможность применения мер ответственности за систематическое уклонение от исполнения решения, а также использование дистанционных форм связи в случаях, когда непосредственное общение временно затруднено.

И, наконец, оценочно-критериальная гарантия связана с необходимостью конкретизации категории «интересы ребенка» при разрешении споров между родителями. Отсутствие устойчивых критериев ее применения создает риск сохранения сложившегося фактического порядка как наиболее удобного для правоприменителя. В целях устранения такого риска суду следует оценивать не только бытовые условия и текущую стабильность проживания ребенка, но и фактическую вовлеченность каждого родителя в

воспитание, качество эмоциональной связи, готовность содействовать общению ребенка с другим родителем, долгосрочные последствия ограничения участия отца, а также самостоятельность и устойчивость мнения ребенка. Такая гарантия не ограничивает судебное усмотрение механически, но задает ему проверяемые ориентиры и снижает вероятность автоматического воспроизводства материнского приоритета.

Таким образом, в научно-теоретическом плане рассмотренные выше асимметрии позволяют говорить о необходимости перехода от формулы равенства прав родителей к более точной конструкции – равенству юридической исполнимости родительского статуса.

Было выявлено, что асимметрия проявляется в нескольких аспектах: в порядке установления происхождения ребенка (презумпция отцовства супруга матери, зависимость добровольного признания от согласия матери); в системе социальной поддержки (ориентация мер государственной помощи преимущественно на материнство, субсидиарный характер участия отца в материнском капитале); в правоприменительной практике (приоритет матери при определении места жительства ребенка, оценочный характер категории «интересы ребенка», используемый для консервации сложившегося порядка); в механизмах гарантирования (имущественные обязанности отца обеспечены эффективными средствами принуждения, тогда как личные неимущественные права требуют повторного судебного обращения и зависят от добросовестности другого родителя). Выявленная асимметрия не имеет нормативного основания, но воспроизводится через правовые презумпции, социальные стереотипы и процессуальную фрагментарность защиты прав отца.

2.2. Внесудебные формы и способы защиты прав отца

По справедливому замечанию А.В. Алейниковой, «каждый семейно-правовой конфликт является исключительным и заслуживает

индивидуального разрешения. Не случайно в романе «Анна Каренина» Л.Н. Толстой подчеркивает, что «все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»¹.

Проблемы нарушения и последующей защиты субъективных прав отца продолжают оставаться весьма острыми, несмотря на то, что защита прав в цивилистике опирается на обширный правовой фундамент².

Несмотря на конституционное закрепление принципа равенства родителей и наличие механизмов защиты прав матери и отца в отношении ребенка, на практике сохраняется дисбаланс в инструментах реализации этих прав. Он обусловлен не только недостатками нормативного регулирования, но и особенностями правоприменительной среды, а также устойчивыми социальными представлениями о распределении родительских ролей. Вследствие этого права отца в семейных правоотношениях нередко оказываются затрудненными в осуществлении либо нарушенными. Поэтому анализ внесудебных форм и способов защиты субъективных прав отца имеет значение как для оперативного реагирования на нарушение, так и для предупреждения эскалации семейного конфликта и сохранения конструктивного взаимодействия родителей в интересах ребенка.

Думается, что в системе теоретико-правовой модели охраны отцовства внесудебные формы защиты выполняют двойную функцию. С одной стороны, они относятся к превентивному уровню, поскольку позволяют предупредить перерастание разногласий между родителями в устойчивый семейно-правовой конфликт. С другой стороны, они образуют обеспечительный уровень модели, так как создают организационные, информационные и коммуникативные

¹ См.: Современное гражданское и семейное право: перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики: монография / под ред. Е.В. Вавилина, О.М. Родионовой. М.: Статут, 2024. 318 с. // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART. URL: <https://www.iprbookshop.ru/147852.html> (дата обращения: 26.02.2026).

² См.: Цыбуленко З.И. Судебные формы защиты гражданских прав в России // Вестник СГЮА. № 85. 2012. С. 115.

условия для реализации отцом его родительских прав без немедленного обращения к юрисдикционной форме защиты, в частности судебной.

В целом, не менее важно подчеркнуть то, что под формами защиты нарушенных прав в теории понимается совокупность согласованных и установленных законом мер, призванных защитить субъективные права и интересы участников правоотношений¹.

Традиционно формы защиты субъективных прав целесообразно разделять на юрисдикционные и неюрисдикционные². При этом предлагается использовать дихотомический подход к классификации форм защиты прав отца, согласно которому юрисдикционными формами защиты являются судебная и административная, а в качестве неюрисдикционной формы необходимо рассматривать самозащиту.

Основания применения способов защиты прав отца необходимо определять через характер нарушения либо затруднения реализации его родительского статуса. К таким основаниям относятся нарушение субъективного права отца, воспрепятствование его осуществлению, непризнание либо оспаривание правового статуса отца, угроза нарушения права, неисполнение соглашения или акта компетентного органа, а также злоупотребление родительскими правами другим родителем.

Особое значение для данного исследования имеет злоупотребление родительскими правами. Отсутствие в семейном законодательстве легального определения данной категории порождает трудности правоприменения, поскольку недобросовестное поведение одного родителя может внешне сохранять вид осуществления права, но фактически блокировать реализацию прав другого родителя и нарушать интересы ребенка.

¹ См.: Феоктистов А.В. Защита семейных прав в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2013. № 4 (4). С. 137.

² См.: Кобзева Н.С. Формы защиты гражданских прав // Вестник магистратуры. 2016. №10-1 (61). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-zaschity-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 25.02.2026).

В доктрине частного права отмечается, что «злоупотребление правом есть особый тип правонарушения, совершаемого уполномоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения»¹. Базируясь на классической цивилистической концепции В.П. Грибанова, а также учитывая специфику семейных правоотношений, необходимо расширить традиционное понимание данного института.

В юридической доктрине справедливо отмечается, что злоупотребление родительскими правами представляет собой их использование вопреки истинному назначению – в ущерб интересам детей, такие действия лишь внешне напоминают осуществление права, но фактически выходят за пределы целей воспитания и носят противоправный характер². Кроме того, современные правовые реалии требуют защиты не только несовершеннолетнего, но и второго родителя: злоупотребление нередко выражается в поведении, умышленно нарушающем принцип равенства родительских прав и создающем невозможность реализации правомочий другим родителем (например, через родительское отчуждение, психологическое индуцирование ребенка или сокрытие его местонахождения).

Таким образом, под злоупотреблением родительскими правами следует понимать виновное (умышленное) осуществление родителем принадлежащих ему субъективных семейных прав в формальном соответствии с их правовым содержанием, но в прямом противоречии с их истинным целевым назначением, выражающееся в причинении вреда приоритетным интересам несовершеннолетнего ребенка (включая его физическое, психическое и

¹ См.: Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. 3-е изд., испр. М.: Статут, 2022. 414 с. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1955935> (дата обращения: 28.02.2025).

² См.: Фруслов И.Г. Некоторые аспекты злоупотребления родительскими правами // Вестник экономики и права. 2024. № 96. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-zloupotrebleniya-roditelskimi-pravami> (дата обращения: 28.02.2025).

нравственное развитие), а равно в целенаправленном нарушении принципа равенства прав родителей путем ущемления или полного блокирования законных родительских правомочий второго родителя как полноправного участника семейных правоотношений.

Предложенная дефиниция восполняет существующий законодательный пробел и позволяет рассматривать злоупотребление не только в узком контексте отношений «родитель – ребенок», но и с учетом сложного состава родительского правоотношения, охватывающего горизонтальные связи между самими родителями. Внедрение данного определения в правовую доктрину позволит судам и органам опеки более эффективно квалифицировать скрытые формы психологического насилия (например, синдром родительского отчуждения) как полноценное злоупотребление правом и применять соответствующие меры семейно-правовой ответственности вплоть до ограничения или лишения родительских прав.

При этом стратегическая значимость неюрисдикционной формы защиты в системе семейного права предопределена присущим этой отрасли лично-доверительным характером регулируемых отношений¹. Последнее обуславливает тот факт, что для отца как субъекта семейных отношений сохранение социального мира и стабильности внутрисемейной коммуникации зачастую является более весомым результатом, чем формальное восстановление права посредством государственного принуждения.

Следует заметить, что неюрисдикционная форма защиты представляет собой реализацию правоохранительных возможностей субъекта без обращения к компетентным государственным институтам. В контексте защиты прав отца – это наиболее оперативный способ реагирования на угрозу или факт нарушения права, способствующий сохранению устойчивости родительских отношений.

¹ См.: Павлова О.Г., Моисеева О.В. Проблемы компенсации морального вреда в семейном праве Российской Федерации // Вестник КГУ. 2024. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kompensatsii-moralnogo-vreda-v-semeynom-prave-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 25.02.2026).

Однако нельзя не согласиться с мнением Э.Н. Яфизовой, которая отмечает, что «неюрисдикционные формы частноправовой защиты семейных прав не имеют столь подробной законодательной регламентации, они во многом применяются на основе закрепленных базовых принципов защиты прав в частноправовых отношениях»¹.

Анализируя механизмы обеспечения гендерного равенства в сфере семейных правоотношений, представляется необходимым структурировать сложившуюся систему органов внесудебной защиты отцовства, включающую в себя как публичные, так и непубличные институты. Высший уровень данного механизма представлен Президентом Российской Федерации, который выступает гарантом бесперебойного функционирования государственной системы и посредством издания указов (в частности, Указа от 14 мая 1996 г. № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики») закладывает базис для распространения на отцов льгот в связи с воспитанием детей, традиционно предоставляемых женщине-матери². Законодательное обеспечение государственной поддержки и защиты отцовства отнесено к компетенции палат Федерального Собрания (прежде всего, Комитета по социальной политике и здравоохранению), в то время как Правительство Российской Федерации осуществляет точечное нормативное регулирование смежных отношений, в том числе в сфере опеки и попечительства.

Ведущую роль в практической реализации функционала социальной защиты играют специализированные органы исполнительной власти, к числу которых относятся профильные департаменты Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Важным звеном в системе правозащитных институтов выступает Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, в фокусе внимания которого

¹ См.: Яфизова Э.Н. Частноправовая защита семейных прав по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020. С. 25.

² См.: Кузнецова О.В. Защита прав отцов по семейному законодательству // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 17(372). С. 89-94.

проблема ущемления прав отцов нередко артикулируется сквозь призму международных споров о детях, равно как и профильные уполномоченные по правам ребенка, способствующие рецепции позитивного зарубежного опыта в сфере медиации родительских конфликтов.

Как отметила Л.Ю. Михеева, непосредственная государственная забота в семейной сфере должна иметь субсидиарный характер и включаться при невозможности получения ребенком или иным нуждающимся лицом надлежащей семейной заботы¹. В этой логике органы опеки и попечительства выступают не альтернативой семье, а особым публичным механизмом охраны семейных прав. Непосредственное же разрешение конфликтов, возникающих между родителями по поводу воспитания ребенка, возложено на органы опеки и попечительства, а также органы внутренних дел (полицию), однако эмпирические данные свидетельствуют о том, что обращения отцов в указанные инстанции с целью обеспечения гарантированного права на общение с детьми зачастую не приводят к эффективному восстановлению нарушенных интересов.

Тенденцией современного этапа развития семейных правоотношений является институционализация механизмов самозащиты, реализуемой через деятельность специализированных отцовских организаций. В 1990 году была учреждена общероссийская независимая общественная организация «Отцы и дети», которая масштабировалась до уровня крупных объединений (Межрегиональный отцовский комитет, Общероссийский комитет по защите прав отцов и детей)². Функционирование негосударственных центров помощи и общественных комитетов отражает объективную социальную потребность в консолидации усилий тех родителей, которые лишены возможности беспрепятственного участия в воспитании ребенка, и формирует дополнительный, непубличный контур защиты конституционных прав отцов.

¹ См.: Михеева Л.Ю. Опека и попечительство: теория и практика. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 10.

² См.: Кузнецова О.В. Защита прав отцов по семейному законодательству // Вестник ЧелГУ. 2015. № 17 (372). С. 90.

Особо следует отметить, что в рамках неюрисдикционной формы защиты самозащита прав отца занимает важное место, поскольку, как отмечено в доктрине, «самозащита прав позволяет предупредить и/или пресечь нарушение права в целом»¹.

В соответствии со статьей 14 Гражданского кодекса РФ самозащита прав традиционно рассматривается как мера фактического характера, предпринимаемая самим правообладателем для пресечения нарушения², как исключительный способ, применяемый лишь в случае невозможности обращения к иным способам семейно-правовой защиты³.

На основе доктринального анализа⁴ можно прийти к выводу о том, что самозащита субъективных прав отца определяется как правомерные односторонние, самостоятельные и личные действия, направленные на защиту принадлежащих ему прав и интересов без обращения в юрисдикционные органы.

Правомерность самозащиты детерминирована критериями соразмерности и соответствия закону. Самостоятельность действий отца в данном случае исключает наличие юрисдикционного посредника, что требует от субъекта четкого понимания границ дозволенного поведения.

Можно выделить ключевые признаки самозащиты в семейном праве при защите прав отца:

1. Исключительность, которая предполагает возможность применения лишь при невозможности или неэффективности задействования иных механизмов защиты.

¹ См.: Витрянский В.В. Судебная защита гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996. 55 с.

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г., с изм. от 25 ноября 2025 г.) // Российская газета. № 238-239. 08.12.1994.

³ См.: Яфизова Э.Н. Частноправовая защита семейных прав по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2020. С. 25.

⁴ См.: Яфизова Э. Н. Частноправовая защита семейных прав: науч.-практ. пособие. М.: Проспект, 2021. 160 с.

2. Независимость, под которой целесообразно понимать реализацию защитных правомочий отцом по собственной инициативе и личными силами.
3. Отсутствие юрисдикционного посредника. Последнее подразумевает, что правовой эффект достигается без участия суда, органов опеки или полиции.
4. Личный характер действий, направленных на защиту субъективных прав, непосредственно принадлежащих отцу.

В рамках семейных споров самозащита не может выражаться в физическом воздействии или действиях, угрожающих психическому состоянию ребенка, однако она видится вполне допустимой в форме «административного присутствия» родителя в институциональной среде жизни несовершеннолетнего. Развивая данное положение, представляется возможным выделить виды самозащиты прав отца, исходя из наиболее типичных правонарушений, возникающих в сфере осуществления родительских прав, а также с учетом пределов допустимого поведения, вытекающих из принципов семейного права.

Во-первых, следует выделить возможность применения информационно-коммуникативной самозащиты, осуществляемой при нарушении права отца на участие в воспитании и общении с ребенком. В реальности подобные нарушения выражаются в умышленном уклонении другого родителя от согласования времени общения, игнорировании обращений отца, одностороннем изменении договоренностей. В таких случаях правомерной формой самозащиты может выступать фиксация попыток взаимодействия (письменные уведомления, электронная переписка, аудиовизуальная фиксация передачи информации), а также направление мотивированных предложений о порядке общения. Данный вид самозащиты носит превентивный характер и направлен на формирование доказательственной базы без обращения к юрисдикционным органам.

В целях совершенствования законодательства целесообразно нормативно закрепить допустимость и юридическую значимость подобных действий отца, в том числе путем включения в Семейный кодекс РФ положения о презумпции добросовестности родителя, документально подтверждающего инициативу в поддержании контакта с ребенком.

Во-вторых, видится допустимым применение организационной самозащиты прав отца, реализуемой при фактическом воспрепятствовании реализации его родительских прав, например, при самовольном изменении места проживания ребенка без уведомления отца. В подобных ситуациях самозащита может выражаться в самостоятельном обеспечении участия отца в значимых аспектах жизни ребенка (обращение в образовательные и медицинские организации с уведомлением о наличии родительских прав, получение информации о состоянии здоровья и обучении ребенка).

Однако отсутствие четкого нормативного регулирования зачастую приводит к отказам со стороны соответствующих организаций и проблемам в правоприменительной практике. В определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 3 марта 2025 г. № 1-КГ24-14-К3 Верховный Суд напомнил об установленном Семейным кодексом праве родителя на такую информацию и о недопустимости необоснованных отказов¹.

Также решением Ногинского городского суда Московской области по делу № 2-2605/2023 от 19 мая 2023 г. суд сформулировал важную правовую позицию относительно прав родителя, проживающего отдельно от ребенка, на получение информации о ребенке из образовательных и медицинских организаций, а также из организаций социального обслуживания и иных аналогичных учреждений². При этом суд указал, что отказ в предоставлении

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2025 г. № 1-КГ24-14-К3 (УИД 29RS0005-01-2023-000609-13). URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-03032025-n-1-kg24-14-k3-uid-29rs0005-01-2023-000609-13/> (дата обращения: 20.11.2025).

² См.: Решение по делу № 2-2605/2023 от 19 мая 2023 г. «Об определении места жительства ребенка, взыскании алиментов». Ногинский городской суд (Московская

такой информации возможен только при наличии реальной угрозы жизни и здоровью ребенка со стороны родителя, а любой отказ может быть оспорен в судебном порядке. Данная позиция подчеркивает самостоятельное право родителя на доступ к соответствующей информации о жизни своего ребенка, независимо от позиции другого родителя, и служит руководящим принципом при разрешении споров об осуществлении родительских прав.

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным предложить внести изменения в отраслевое законодательство, направленные на закрепление безусловного права каждого родителя на получение обязательного уведомления в случае смены места жительства несовершеннолетнего, проживающего отдельно.

Таким образом, в ситуациях, когда мать меняет место жительства ребенка без согласия отца, последнему, руководствуясь принципом равных родительских прав (статья 61 Семейного кодекса РФ), должно быть предоставлено право самостоятельно предпринимать шаги по установлению контакта с социальными службами и учреждениями по новому месту нахождения ребенка. Это включает в себя официальное уведомление организаций о наличии родительских прав, запрос о включении контактной информации отца в информационные системы учреждения, а также запрос информации о здоровье или успеваемости ребенка.

В-третьих, возможно выделение имущественно-компенсационной самозащиты прав отца, возникающей при нарушении договорных или фактически сложившихся обязательств, связанных с содержанием ребенка. Речь идет о случаях, когда отец, исполняя обязанность по содержанию ребенка, сталкивается с недобросовестным использованием денежных средств другим родителем либо с односторонним навязыванием дополнительных расходов.

Целесообразно отметить, что в рамках самозащиты допустимым является переход к альтернативным формам исполнения обязанности (приобретение вещей, оплата услуг напрямую), если это не противоречит интересам ребенка. Вместе с тем действующее законодательство не содержит четких ориентиров допустимости таких действий, что создает риск признания их неправомерными.

Таким образом, в целях устранения правовой неопределенности целесообразно нормативно закрепить возможность альтернативного исполнения обязанности по содержанию ребенка при наличии признаков злоупотребления правом со стороны другого родителя.

В-четвертых, следует обратить внимание на возможность использования такого вида самозащиты, как психолого-воспитательная самозащита, применяемая в ситуациях, когда имеет место манипулирование ребенком, формирование негативного образа отца либо ограничение его воспитательной функции. В таких случаях самозащита может выражаться в самостоятельном обращении отца к специалистам (психологам, медиаторам), участии в программах родительской компетентности, а также в фиксации фактов психологического давления на ребенка.

Представляется, что несмотря на отсутствие прямого правового воздействия, данные действия обладают значительным превентивным потенциалом. В связи с чем целесообразно законодательно признать участие родителей в медиативных и психолого-консультативных процедурах в качестве допустимой формы самозащиты, а также предусмотреть их учет при последующей юрисдикционной оценке поведения родителей.

Перспективным направлением совершенствования правового регулирования также может выступать развитие механизмов превентивного урегулирования семейных конфликтов, в частности, посредством закрепления на законодательном уровне требования о составлении и утверждении «плана воспитания ребенка при раздельном проживании родителей». Такой план должен разрабатываться самими родителями как носителями равных

родительских прав и обязанностей. При наличии конфликта либо затруднений в согласовании отдельных условий его подготовка может осуществляться с участием медиатора, психолога, специалиста органа опеки и попечительства либо специализированной некоммерческой организации, оказывающей помощь семьям в ситуации развода.

Ценность плана состоит в том, что последний мог бы рассматриваться судом как приоритетный инструмент регулирования отношений между родителями после расторжения брака и использоваться в качестве альтернативы длительным судебным спорам о порядке общения с ребенком. Думается, включение подобного требования в семейное законодательство способствовало бы снижению конфликтности бракоразводных процессов и обеспечению более стабильной среды для развития ребенка.

Таким образом, самозащита прав отца в семейном праве представляет собой многоаспектный правовой феномен, включающий в себя различные формы правомерного поведения, обусловленные спецификой конкретного правонарушения. Выявление и юридическое признание этих форм самозащиты не только повысят эффективность защиты прав отцов внесудебными средствами, но и заложат основу для снижения конфликтности в семейных правоотношениях, что в конечном итоге будет способствовать реализации приоритета наилучших интересов ребенка как ключевого руководящего принципа семейного права.

Представляется целесообразным также рассмотреть возможность договорной защиты прав отцов в форме соглашений, которые служат эффективным механизмом превентивной защиты, позволяя отцу стабилизировать свой правовой статус и имущественные права до возникновения острого конфликта, без необходимости обращения в компетентные органы.

Договорная модель защиты прав отцов имеет не только теоретическое, но и явное практическое значение, что подтверждается повседневной юридической практикой. Так, в ситуациях распада семьи именно

неопределенность в отношении имущественных обязательств и обязательств по воспитанию детей зачастую становится катализатором эскалации конфликта. Заключение соглашения о выплате алиментов до обращения в суд позволяет отцу сохранить свой статус ответственного родителя и избежать репутационных и финансовых последствий.

В практике нотариальных палат имеются случаи, когда стороны фиксируют не только размер алиментов, но и вклад отца в покрытие дополнительных расходов, связанных с содержанием ребенка (таких как оплата внешкольных занятий, медицинских услуг и образовательных программ).

Соглашение об осуществлении родительских прав, в свою очередь, приобретает особое значение, когда родители живут отдельно. Реальные жизненные ситуации показывают, что отсутствие заранее согласованного графика посещений часто приводит к фактическому ограничению контактов отца с ребенком под предлогом «наилучших интересов несовершеннолетнего». Установление в договоре графика посещений, участия в школьных и внешкольных мероприятиях, а также механизмов удаленного общения (видеозвонки, мессенджеры) помогает обеспечить стабильность отношений между родителями и ребенком и минимизирует субъективное влияние другого родителя. В некоторых случаях такие соглашения служат основанием для суда отклонить ходатайства об ограничении посещений, поскольку демонстрируют ответственное и активное участие отца.

Еще одним перспективным механизмом может стать соглашение о совместном принятии решений по ключевым вопросам, затрагивающим ребенка, включая порядок согласования вопросов, связанных с образованием, медицинским обслуживанием и сменой места жительства.

На практике такие соглашения позволяют отцу сохранять значимую роль в жизни ребенка даже в тех случаях, когда ребенок формально проживает с матерью, что соответствует принципу равенства родительских прав и обязанностей.

Таким образом, договорные формы защиты прав отцов служат не дополнительным, а самостоятельным инструментом самозащиты прав отца, направленным на предотвращение конфликтов и поддержание баланса интересов всех участников семейных правоотношений. Их развитие и адаптация к конкретным жизненным ситуациям представляются перспективным направлением совершенствования правового механизма защиты родительских прав.

Кроме того, в контексте модернизации российского семейного законодательства особое значение приобретает деятельность некоммерческих организаций (НКО). В целом, участие органов опеки, медиаторов и некоммерческих организаций раскрывает институциональный элемент модели правовой охраны отцовства. Эти субъекты способны выполнять не только вспомогательную, но и координирующую функцию, обеспечивая коммуникацию между родителями, предупреждение злоупотреблений и сохранение устойчивой связи ребенка с отцом.

Как справедливо отметила кандидат юридических наук Л.В. Саенко, «на этом направлении сложно переоценить роль представителей современного гражданского общества – некоммерческих организаций¹».

Анализ правоприменительной практики и социальных стандартов выявляет лауну в государственной системе поддержки: в частности, действующие национальные стандарты социального обслуживания (например, ГОСТ Р 52885-2007 и ГОСТ Р 52886-2007) регламентируют услуги семье, женщинам и детям, однако профильные стандарты услуг исключительно для мужчин-отцов отсутствуют². Данный «гендерный

¹ См.: Саенко Л.В. О роли социально ориентированных некоммерческих организаций в защите прав детей: по итогам проекта «Состояние и проблемы развития со НКО в сфере социального обслуживания населения Саратовской области» // Гражданское право и гражданское судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики: Материалы VIII Всерос. науч.-практич. конф., Хабаровск, 28 апреля 2023 г. / Отв. за выпуск Н.В. Корнилова, И.В. Орлова. – Хабаровск: Хабаровский государственный университет экономики и права, 2023. С. 41-46.

² См.: Еремин Н.Н. Обзор практик социальной работы с отцами. Социальное обслуживание семей и детей: науч.-метод. сб. Спб. 2017. С. 30-45.

парадокс» приводит к тому, что в государственной социальной сфере отцы зачастую не рассматриваются как самостоятельные субъекты, нуждающиеся в помощи¹. В связи с этим именно НКО берут на себя функцию восполнения правовых и социальных пробелов в рамках межсекторного взаимодействия².

Правозащитный потенциал НКО реализуется, во-первых, в нормотворческой сфере и осуществлении общественного контроля. Профильные общественные объединения активно инициируют изменения в федеральном законодательстве, направленные на обеспечение подлинного равноправия родителей. В частности, межрегиональная общественная организация «Отцы рядом» выступила с инициативой внесения изменений в федеральное законодательство, направив в Государственную Думу Российской Федерации проект поправок, предполагающих закрепление в статье 38 Конституции России государственной защиты отцовства³. Данный проект направлен на гармонизацию баланса интересов в решениях судов при определении места жительства ребенка, введение статуса «отец-герой», а также предоставление равного права на использование «семейного капитала», исключаящего дискриминацию по половому признаку.

В свою очередь, межрегиональное движение «Отцовский Комитет» осуществляет общественный контроль за соблюдением норм Семейного кодекса РФ, защищая право ребенка на воспитание обоими родителями и выступая субъектом внесения предложений по изменению правоприменительной практики⁴. Аналогичную деятельность на федеральном уровне, направленную на укрепление отцовства, ведет «Союз отцов»⁵.

¹ См.: Там же.

² См.: Малюченко Г.Н. Комплексная поддержка кризисных семей: принципы и технологии: учеб.-метод. пособие для сотрудников социально-ориентированных некоммерческих организаций и социозащитных учреждений про-семейной направленности. Балашов, Саратов : Саратовский источник, 2017. 126 с.

³ См.: «Отцы рядом» требуют конституционной защиты отцовства в Российской Федерации. URL: <https://отцы-рядом.рф/tpost/d3dcyea5j1-ottsi-ryadom-trebuyut-konstitutsionnoi-z> (дата обращения: 11.02.2026).

⁴ См.: Еремин Н.Н. Обзор практик социальной работы с отцами. Социальное обслуживание семей и детей: науч.-метод. сб. Спб. 2017. С. 30-45.

⁵ См.: Там же.

Во-вторых, НКО формируют субсидиарную систему непосредственной социально-правовой защиты отцов в бракоразводных и постбракоразводных конфликтах. Фонды и центры предоставляют адресную бесплатную юридическую помощь отцам по вопросам реализации прав на общение с детьми после расторжения брака. Подобные услуги оказывают благотворительные фонды «Дорога к дому» и «Папа рядом», специализирующиеся на правовой и психологической медиации конфликтов. Деятельность таких организаций направлена на профилактику такого негативного явления как «отчуждение родителя»¹. При участии специалистов некоммерческого и государственного сектора активно внедряются технологии медиации и внесудебного урегулирования споров – в частности, разработка и подписание юридически значимого документа «План воспитания ребенка при раздельном проживании родителей», фиксирующего порядок общения и взаимные обязательства².

В-третьих, значимую роль играют профильные кризисные центры, реализующие превентивный и комплексный подходы. Среди них выделяется практический опыт краевого кризисного центра для мужчин на Алтае (проект «Под отцовским крылом») и Санкт-Петербургской общественной организации «Центр РАДОМИРА», осуществляющих консультирование отцов в ситуации острого конфликта или развода³. НКО также осуществляют правовое и социальное сопровождение уязвимых категорий: одиноких отцов, самостоятельно воспитывающих несовершеннолетних детей, а также отцов,

¹ См.: Практика применения процедуры медиации при урегулировании семейных споров с участием детей в городе Москве / «Центр медиации и социально-правовой помощи» ГБУ города Москвы Центр «Содействие». URL: https://pedagog13.edurm.ru/images/2525/практика_проведения_процедуры_медиации_при_урегулировании_семейных_споров_с_участием_детей.pdf (дата обращения: 11.02.2026).

² См.: Там же.

³ См.: Годовой отчет за 2017 год. Санкт-Петербургская общественная организация по гармоничному развитию семьи и личности «Центр «Радомира». URL: <https://www.radomira.ru/wp-content/uploads/2021/04/radomira-godovoj-otchet-za-2017-god.pdf> (дата обращения: 11.02.2026).

воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья¹. Для формирования правовой грамотности и ответственного отношения к родительству общественными организациями активно тиражируется практика создания «Папа-школ».

Таким образом, институционализация участия НКО в защите прав отцов в Российской Федерации характеризуется переходом от фрагментарной, локализованной помощи к систематической правозащитной деятельности. Некоммерческий сектор не только компенсирует отсутствие специализированных государственных механизмов и правовых норм поддержки, но и выступает полноценным двигателем совершенствования правовых гарантий отцовства, способствуя формированию модели паритета в осуществлении родительских прав.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть возможность институционального закрепления участия некоммерческих организаций в системе государственной политики поддержки семьи и родительства. На данном этапе их деятельность носит преимущественно инициативный и проектный характер, что не всегда обеспечивает устойчивость оказываемой помощи. Потенциальным направлением развития семейного законодательства могло бы стать формирование нормативной модели партнерства между государством и гражданским обществом в сфере защиты прав отцов. Это могло бы включать создание специального механизма аккредитации специализированных НКО, оказывающих юридическую, психологическую и посредническую помощь родителям в бракоразводных спорах, с последующим включением таких организаций в систему государственных социальных контрактов.

Анализ эффективности механизмов внесудебной защиты показал, что проблема заключается не столько в пробелах в нормативно-правовой базе, сколько в специфике правоприменительной среды, где укоренившиеся

¹ См.: Еремин Н.Н. Обзор практик социальной работы с отцами. Социальное обслуживание семей и детей: науч.-метод. сб. СПб. 2017. С. 30-45.

социальные представления определяют доминирующее положение матери, в то время как права отца систематически затрудняются в осуществлении.

Таким образом, в настоящее время существует необходимость в модернизации механизма внесудебной защиты субъективных прав отца с целью преодоления фактического дисбаланса в правовом статусе родителей в правоприменительной среде посредством формирования системы специальных гарантийно-обеспечительных мер, направленных на повышение эффективности внесудебной защиты прав отца.

При этом предлагаемые меры не подменяют собой способы защиты прав отца, а выступают гарантийно-обеспечительным инструментарием, направленным на повышение их эффективности, доступности и фактической исполнимости.

Если способы защиты выражают конкретные юридически значимые действия отца по восстановлению или предупреждению нарушения его прав, то вспомогательные меры определяют нормативные и организационные условия, при которых такие способы могут быть реализованы не формально, а реально.

К системе специальных гарантийно-обеспечительных мер внесудебной защиты прав отца следует отнести презумпцию добросовестности отца, иницирующего контакт с ребенком; нормативное определение пределов реализации родительских прав, исключая злоупотребление; информационные гарантии отдельно проживающего родителя; механизм уведомления обоих родителей о значимых событиях в жизни ребенка; развитие медиативных и договорных процедур; а также институциональное участие специализированных некоммерческих организаций в сопровождении семейных конфликтов.

Таким образом, внесудебные формы защиты прав отца образуют самостоятельный межотраслевой правовой механизм, объединяющий нормы семейного, гражданского, административного и процессуального характера, включающий самозащиту, договорные конструкции, а также деятельность

некоммерческих организаций, органов опеки и попечительства, медиативные процедуры, направленные на обеспечение и восстановление правового статуса отца. В отличие от судебной защиты, ориентированной на разрешение уже возникшего конфликта, внесудебные механизмы выполняют превентивную и оперативную функции, позволяя минимизировать эскалацию спора и сохранить конструктивное взаимодействие родителей в интересах ребенка.

Тем самым внесудебные формы защиты занимают промежуточное положение между нормальным осуществлением родительских прав и судебной защитой. Их значение состоит в том, что они позволяют реализовать модель правовой охраны отцовства до наступления необратимых последствий семейного конфликта. Чем эффективнее работают договорные, медиативные, информационные и организационные механизмы, тем реже восстановительный уровень модели должен проявляться в форме судебного спора.

ГЛАВА 3. ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ И СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ОТЦА

3.1. Особенности судебной защиты прав отца в исковом производстве

Настоящая глава диссертационного исследования раскрывает процессуальный контур теоретико-правовой модели охраны отцовства. Если материально-правовые средства определяют содержание статуса отца и условия его нормальной реализации, то процессуальные средства показывают, каким образом данный статус защищается, подтверждается, восстанавливается и приводится к фактической исполнимости при возникновении конфликта.

В этой связи судебная защита прав отца рассматривается как восстановительный уровень модели, однако ее эффективность зависит не только от вынесения судебного акта, но и от способности суда обеспечить сохранение или восстановление реальной связи отца с ребенком.

По справедливому замечанию профессора Н.В. Летовой, «судебный порядок защиты семейных прав является наиболее эффективным, <...> поскольку судья является профессионалом в области права, независим в принятии решения и не связан какими-либо предварительными выводами несудебных органов относительно фактов, имеющих значение для дела»¹.

Судебная власть выступает гарантом соблюдения баланса между частными потребностями отца и публичными интересами государства. Конституционная основа защиты отцовства (статьи 7, 38 Конституции РФ) обязывает суд не просто разрешать спор, но и обеспечивать сохранность семьи как фундаментальной социальной ценности государства².

¹ См.: Летова Н.В. Особенности защиты прав в сфере семейных отношений: состояние и перспективы // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 3. С. 76-82.

² См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).

В соответствии со статьей 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод¹, что в семейно-правовой сфере находит развитие в положениях статьи 8 Семейного кодекса РФ, закрепляющей право граждан на защиту семейных прав в судебном порядке². В науке отмечается, что на сегодняшний день перед судьями поставлена довольно сложная задача: в условиях определенности норм разрешить возникшие конфликты с учетом множества факторов, которые находятся вне правовой регламентации³.

При исследовании проблематики защиты семейных прав в цивилистике определяют следующий перечень способов защиты нарушенных прав, реализуемых посредством судебной власти:

- пресечение действия, нарушающего права других членов семьи или создающих угрозу их нарушения (лишение, ограничение родительских прав);
- признание права, предусмотренного семейным законодательством (установление отцовства по суду);
- восстановление утраченного ранее права (восстановление родительских прав, отмена ограничения родительских прав);
- определение доли совместно нажитого супругами имущества;
- принуждение к исполнению обязанности (платить алименты);
- расторжение договора, в частности, брачного договора;

¹ См.: Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.).

² См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

³ См.: Современное гражданское и семейное право: перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики: монография / Е.В. Вавилин, Л.Ю. Василевская, Е.В. Вавилин [и др.]. М. Статут, 2024. 318 с. // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/147852.html> (дата обращения: 26.02.2026).

– признание недействительным акта, совершенного с нарушением положений СК РФ (заключение брака без соблюдения условий, определенных семейным законодательством)¹.

Как отмечает Т.В. Шершень, содержание защиты семейных прав раскрывается через механизм защиты, включающий формы и способы, правовые средства защиты семейных прав. Сложности продолжают возникать в решении вопроса о допустимости применения способов защиты, предусмотренных в статье 12 Гражданского кодекса РФ, при защите прав участников семейных отношений², поскольку, как справедливо отмечает О.Ю. Ситкова, Семейный кодекс РФ не содержит общего перечня способов защиты, в связи с чем правоприменитель наделен выбором либо воспользоваться тем или иным способом, указанным в соответствующей норме СК РФ, либо применить статью 12 ГК РФ³.

Профессор В.А. Тархов, в свою очередь, отметил, что «...семейные отношения не сходны с ... отношениями, регулируемые гражданским правом»⁴. Кроме того, профессор также обращал внимание на дискуссионность подхода к разграничению сферы действия гражданского и семейного права и возможность субсидиарного применения к семейным отношениям норм гражданского законодательства⁵.

Так, с одной стороны, семейные правоотношения по своей юридической природе относятся к сфере частного права и предполагают возможность применения общих механизмов защиты гражданских прав. С другой стороны,

¹ См.: Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации /отв. ред. А.М. Нечаева. М.: Юрайт-Издат, 2009. С. 47.

² См.: Шершень Т.В. Проблемы применения гражданского законодательства России к семейным отношениям: теория, законодательство и правоприменительная практика // *Ex jure*. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-grazhdanskogo-zakonodatelstva-rossii-k-semeynym-otnosheniyam-teoriya-zakonodatelstvo-i-pravoprimeritel'naya> (дата обращения: 16.03.2025).

³ См.: Ситкова О.Ю. Способы защиты семейных прав // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Право. 2014. № 2(17). С. 107.

⁴ См.: Тархов В.А. *Гражданское право. Общая часть: курс лекций*. Чебоксары, 1997. С. 62

⁵ См.: Там же. С. 63.

они обладают выраженной личной и социально значимой направленностью, что предопределяет необходимость учета императивных начал семейного законодательства, а также приоритета интересов ребенка как самостоятельного участника соответствующих правоотношений.

Обоснованно указывается, что применение гражданско-правовых способов защиты в семейных правоотношениях возможно лишь постольку, поскольку это не противоречит их сущности и целям семейно-правового регулирования¹. Иными словами, использование механизмов, закрепленных в статье 12 Гражданского кодекса Российской Федерации, допускается при условии их адаптации к особенностям семейных правоотношений и с учетом принципов, закрепленных в семейном законодательстве, прежде всего принципа приоритета интересов ребенка, обеспечения его прав на воспитание в семье и поддержание юридической связи с обоими родителями.

Особую значимость указанные положения приобретают применительно к институту установления и защиты отцовства. Судебная защита в данной сфере направлена не только на подтверждение или оспаривание юридического факта происхождения ребенка от конкретного лица, но и на формирование устойчивой правовой связи между ребенком и родителем, которая влечет возникновение комплекса взаимных личных неимущественных и имущественных прав и обязанностей.

Следует отметить, что судебный порядок защиты в рассматриваемой сфере выступает основным и наиболее эффективным механизмом защиты прав отца. Именно судебное разбирательство обеспечивает всестороннее исследование юридически значимых обстоятельств, связанных с происхождением ребенка, оценку представленных доказательств, включая результаты молекулярно-генетических исследований, а также принятие

¹ См.: Некрасова Е.В. Способы защиты семейных прав: условия применения и особенности использования // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2015. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-zaschity-semeynyh-prav-usloviya-primeneniya-i-osobennosti-ispolzovaniya> (дата обращения: 16.03.2025).

правоприменительного акта, способного породить соответствующие семейно-правовые последствия.

В процессуальном аспекте защита отцовства реализуется преимущественно в рамках искового производства.

В структуре функциональной модели охраны отцовства исковое производство представляет собой основу восстановительного уровня. Его назначение состоит в защите нарушенного или оспариваемого права отца, восстановлении его личной связи с ребенком, устранении препятствий в осуществлении родительских прав и придании юридической определенности конфликтному семейному правоотношению.

В материально-правовом плане учеными-правоведами иск рассматривается как «прежде всего то, по поводу чего выносится решение, на что дается ответ в судебном решении»¹. Законодателем во многих случаях иском обозначается материально-правовое требования истца к ответчику².

Следует заметить, что в процессуальном смысле определение понятия иска является дискуссионным. Так, некоторые советские исследователи выделяют иск как самостоятельный институт процессуального права, традиционно представляющий собой совокупность норм, регулирующих отношения, складывающиеся в процессе искового судопроизводства³. Другие – как процессуальное действие, «обращение к суду путем подачи искового заявления, как юридический факт, порождающий охранительное правоотношение»⁴.

¹ См.: Добровольский А.А. Некоторые вопросы исковой формы защиты права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1966. С. 8, 13.

² См.: Исаенкова О.В., Демичев А.А., Соловьева Т.В., Ткачева Н.Н. Иск в гражданском судопроизводстве: сборник. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 18.

³ См.: Логинов П.В. Сущность иска и признаки индивидуализации хозяйственного спора в арбитражном процессе // Вопросы теории и практики гражданского процесса. Саратов, 1976. Вып. 1. С. 64.

⁴ См.: Машутина Ж.Н. Судебная защита и соотношение материального и процессуального: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1972. С. 8.

Следующие представители саратовской школы цивилистики, в частности, М.А. Викут, рассматривали иски как «средство защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов»¹.

Таким образом, можно констатировать, что целью подачи исков отцами выступает получение судебного решения и вступление его в законную силу для устранения правовой неопределенности, восстановления положения существовавшего до нарушения права и т.д.

В современной доктрине иск рассматривается как универсальный способ защиты нарушенных субъективных прав². В контексте семейных правоотношений иск позволяет разрешить конфликт через обращение к независимому, беспристрастному органу – суду.

Исходя из анализа доктрины, иски отцов можно классифицировать на три процессуальные группы:

1. Иски о признании (декларативные). Направлены на констатацию факта или пресечение нарушения. К ним относятся иски об установлении/оспаривании отцовства, а также об устранении препятствий к общению, где суд официально признает действия матери незаконными.
2. Иски о присуждении (исполнительные). Требуют принудительного исполнения обязанности. Сюда входят алиментные иски отца и иски об отобрании (возврате) ребенка по статье 68 СК РФ. Последний тип иска обладает чертами семейно-правовой виндикации – истребования ребенка из чужого незаконного удержания.
3. Преобразовательные иски. Направлены на изменение текущего правового статуса. Это иски об определении места жительства

¹ См.: Викут М.А. Иск как средство реализации права на судебную защиту // XXVI съезд КПСС и проблемы гражданского и трудового права, гражданского процесса. М., 1982. С. 226.

² См.: Деханов С. А. Иск как универсальное средство защиты гражданских прав // Евразийская адвокатура. 2013. № 6 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/isk-kak-universalnoe-sredstvo-zaschity-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 02.03.2025).

(изменение фактического статус-кво) и иски о восстановлении в родительских правах (прекращение действия ранее наложенных санкций).

Данная классификация позволяет более точно определить процессуальную природу соответствующих требований и выявить особенности судебной защиты прав отца в зависимости от характера заявленного интереса. В этой связи судебная защита в исковом производстве выступает центральной процессуальной формой реализации и восстановления субъективных семейных прав отца в условиях наличия спора о праве. Именно в рамках искового производства достигается не только формальное разрешение конфликта, но и обеспечивается юридическое оформление либо трансформация родительского статуса, а также создаются механизмы принудительного исполнения возникающих обязанностей.

Тем самым систематизация исков по их процессуальной направленности демонстрирует, что защита прав отца носит комплексный характер и охватывает как установление юридических фактов, так и понуждение к определенному поведению либо изменение правового положения участников семейного правоотношения.

В силу статьи 131 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) защита нарушенного или оспариваемого права осуществляется путем предъявления иска, что обуславливает состязательный характер разбирательства и равенство процессуальных возможностей сторон (статья 12 ГПК РФ)¹.

Как было отмечено ранее, де-юре правовое положение отца и матери как родителей является равным, что прямо закреплено в статье 61 СК РФ, устанавливающей принцип равенства прав и обязанностей родителей в

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 22.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ, 18.11.2002, № 46, ст. 4532

отношении своих детей¹. Однако специфика судебной защиты прав отца проявляется не столько в нормативной регламентации, сколько в особенностях правоприменительной практики и характере предмета доказывания.

Следует согласиться с мнением М.В. Ульяновой относительно того, что несмотря на гарантии юридического равенства сторон в семейных правоотношениях, на сегодняшний день действительность отражает возможность отступления от принципа юридического равенства². Дополняя вышесказанное, отметим, что подобное отклонение проявляется в случаях, когда «одна из сторон правоотношения является заведомо слабой в материальном, организационном или ином правоотношении и нуждается в специальной правовой защите»³.

Как отмечают исследователи, в настоящее время в правоприменительной практике часто умаляются права (и без того исходно ограниченные) отдельно проживающего родителя, которым чаще всего выступает отец: нередко его интересы игнорируются при определении порядка общения с ребенком; неэффективны механизмы привлечения к ответственности лица, создающего для родителя препятствия в общении с ребенком⁴. Кроме того, по справедливому замечанию М.В. Антокольской, отдельно проживающий родитель де-юре сохраняет практически все свои правомочия, однако, если совместно проживающий родитель активно препятствует реализации прав второго родителя, его права остаются только на

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

² См.: Ульянова М.В. Принципы осуществления семейных прав и исполнения обязанностей: монография. М.: Российский государственный университет правосудия, 2024. С. 195.

³ См.: Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. С. 309-310.

⁴ См.: Зыков С.В. Российское отцовство: «поражение в правах» // Журнал российского права. 2022. № 9. С. 47-60.

бумаге¹. В данной связи исследование проблем судебной защиты прав отца в рамках искового производства приобретает все большую значимость.

Существующее многообразие способов защиты прав отцов обуславливает существование различных видов исков и возникновение конкуренции при защите его нарушенных прав. На данном этапе видится целесообразным рассмотреть категории споров, в которых реализуется защита прав отца, используемые виды исков при защите нарушенных прав отца, а также процессуальные особенности рассмотрения исков отца.

Анализируя правоприменительную практику, можно прийти к выводу о том, что судебная практика по делам с участием отцов структурируется вокруг ключевых категорий, где предметом выступает легитимация статуса либо реализация родительских функций.

Однако, нам видится, что в рамках рассматриваемого вопроса можно выделить особенность предмета защиты по рассматриваемым категориям дел, в качестве которой может выступать интерес ребенка посредством восстановления фактического равенства возможностей реализации родительских прав, поскольку категория интересов ребенка красной нитью, как критерий для оценки, проходит сквозь судебное разбирательство целиком². Как отмечают исследователи, являясь оценочным понятием, интерес ребенка детерминируется множеством объективных и субъективных факторов, пределы толкования которых в сфере личных неимущественных отношений чрезвычайно широки³.

В этом контексте интерес ребенка перестает быть лишь декларативным ориентиром и приобретает содержательное значение критерия, через который суд оценивает как правомерность притязаний сторон, так и допустимые

¹ См.: Антокольская М.В. Семейное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. С. 272.

² См.: Обобщение о практике рассмотрения районными судами Ростовской области гражданских дел, связанных с воспитанием несовершеннолетних детей. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/9885038/> (дата обращения: 20.02.2026).

³ См.: Фиошин А.В. К вопросу об «интересе ребенка» // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2022. № 3 (71). С.26-32.

пределы вмешательства в семейные отношения. Речь идет не о формальном уравнивании правомочий родителей, а о создании условий, при которых каждый из них способен реализовать свою воспитательную, эмоциональную и социальную функции без неоправданных ограничений. Тем самым предмет спора трансформируется: с разрешения конфликта между родителями – к обеспечению устойчивой среды развития ребенка.

Подобный подход позволяет по-новому интерпретировать традиционные категории семейного права. Установление порядка общения, определение места жительства ребенка или оспаривание ограничений родительских прав в таких условиях следует рассматривать не как изолированные требования, а как элементы единой конструкции, направленной на достижение баланса между автономией семьи и публичным интересом в защите детства. При этом восстановление фактического равенства возможностей не означает нивелирования индивидуальных обстоятельств дела, а напротив – предполагает их детализированную оценку с учетом психологических, социальных и поведенческих факторов.

На практике можно выделить следующие категории споров, в которых реализуется защита прав отца:

1. споры об определении места жительства ребенка;
2. споры об определении порядка общения с ребенком;
3. споры об устранении препятствий в общении;
4. споры об установлении и оспаривании материнства/отцовства;
5. споры о лишении и ограничении родительских прав;
6. споры о восстановлении в родительских правах;
7. взыскание алиментов в пользу отца (при проживании ребенка с отцом);
8. споры о возврате ребенка от третьих лиц.

Перейдем к исследованию первой категории споров, а именно споров об определении места жительства ребенка при расторжении брака между родителями. Решения судов в большинстве случаев не формируют новую реальность, а лишь юридически закрепляют уже сложившийся порядок, при

котором основная ответственность за повседневное воспитание ложится на женщину.

Вместе с тем судебная система демонстрирует и примеры взвешенного подхода, при котором приоритет отдается не формальному статусу родителя, а реальным интересам ребенка и сохранению стабильности его жизненной среды. Так, в решении по делу № 2-12/2025 суд отказал в удовлетворении требований об определении нового места жительства несовершеннолетнего, указав, что сложившийся круг общения, образовательная среда и повседневная жизнь ребенка устойчиво связаны с отцом¹. Суд подчеркнул, что изменение привычного уклада при отсутствии уважительных причин противоречило бы принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка. Данный пример свидетельствует о наличии положительной практики, в которой суд исходит из приоритета фактической привязанности и стабильности, а не из гендерных предпосылок.

Для объективного анализа судебной статистики необходимо понимать демографический ландшафт, в котором функционирует российское правосудие. Распределение типов семей в Российской Федерации создает фундамент для формирования судебных прецедентов, где подавляющее большинство неполных семей изначально возглавляется женщинами.

Следует признать, что действующая статистика, к сожалению, весьма разобщенная и не дает понимания причинно-следственной связи, однако, исходя из имеющихся данных за последние 20 лет, известно, что число неполных семей в России выросло на 83%². Почти 5 000 000 детей в России растут без отца, в итоге примерно каждый 3 ребенок в стране из неполной

¹ См.: Решение № 2-12611/2024 2-1818/2025 2-1818/2025(2-12611/2024;)-М-10197/2024 М-10197/2024 от 6 апреля 2025 г. по делу № 2-12611/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dfindlYQqEdX/> (дата обращения: 02.02.2026).

² См.: Круглый стол на тему «Укрепление института семьи через воспитание ответственного отцовства и популяризацию традиционных духовно-нравственных ценностей». URL: <http://duma.gov.ru/multimedia/video/events/125830/> (дата обращения: 20.02.2026).

семьи¹. Перепись населения по состоянию на 2020 год демонстрирует, что количество неполных семей с одной мамой составляет 31%, с отцом – 7 %².

Согласно актуальным данным на 2024 год, структура семей с детьми в России выглядит следующим образом³.

Таблица 1 – Структура семей с детьми в России по данным за 2024 год

Тип семьи	Количество семей, млн	Доля в общей структуре, %
Полные семьи (оба родителя)	9,55	61,5
Одинокие матери с детьми	4,85	31,3
Одинокие отцы с детьми	1,13	7,3

Представленные данные указывают на то, что в структуре одинокого родительства матери преобладают над отцами в соотношении более, чем 4 к 1. Эта статистическая реальность во многом предопределяет и результаты судебных споров: суды зачастую стремятся закрепить уже сложившееся положение дел. В 31,3% случаев дети уже проживают с матерью к моменту возникновения или официального оформления спора, что создает эффект инерции в правоприменительной практике.

В последние десять лет также наблюдается изменение отношения к самому институту брака, что влияет на частоту возникновения споров о детях. По данным социологических исследований, до 70% мужчин выражают нежелание вступать в официальный брак, в то время как среди женщин этот показатель составляет 64%⁴. Это приводит к росту числа детей, рожденных вне брака, где определение места жительства с матерью часто происходит «по

¹ См.: Там же

² См.: Там же

³ См.: Сколько в России одиноких матерей и отцов. URL: https://t-j.ru/single-parents/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 20.02.2026).

⁴ См.: Разводы в России 2025. URL: <https://www.b17.ru/article/716018/> (дата обращения: 20.02.2026).

умолчанию» при регистрации рождения, если отец не предпринимает активных юридических действий по оспариванию или установлению иного порядка.

Следует заметить, что правовое регулирование споров о месте жительства детей за последние 10 лет опирается на стабильный каркас Семейного кодекса РФ, однако интерпретация его норм высшими судебными инстанциями стала более детализированной. В основе процесса лежит статья 78 СК РФ¹ и статья 47 ГПК РФ², в которых установлено обязательное участие органов опеки и попечительства в таких делах.

Как показывает судебная практика, органы опеки и попечительства не всегда соблюдают требования пункта 2 статьи 78 Семейного кодекса РФ, обязывающего данный орган провести обследование условий жизни ребенка и лица, претендующего на его воспитание, и представить суду акт обследования, а также основанное на нем заключение по существу спора. Так, Определением Верховного Суда РФ от 18 февраля 2020 г. № 41-КГ19-50 были отменены состоявшиеся по делу решения нижестоящих судов, и дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции ввиду отсутствия в деле мотивированного заключения органа опеки и попечительства, которое содержало бы позицию о порядке участия второго родителя в воспитании несовершеннолетнего ребенка³.

Аналогичная позиция Верховного Суда РФ содержится в Определении от 18 июня 2019 г. № 18-КГ19-25, которым установлен факт отсутствия в деле

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

² См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 г., с изм. от 22 декабря 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46, ст. 4532.

³ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 февраля 2020 г. № 41-КГ19-50. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18022020-n-41-kg19-50/> (дата обращения: 20.02.2026).

письменного мотивированного заключения органов опеки и попечительства¹. По требованиям родителей об определении места жительства ребенка и порядка общения с ним необходимо устанавливать такие юридически значимые обстоятельства, как режим дня малолетнего ребенка, удаленность места жительства отца от места жительства ребенка, режим его работы и возможность оставаться с малолетним ребенком на указанное время, круг близких родственников, а также выяснять мнение органов опеки и попечительства по этому вопросу. Поскольку все эти обстоятельства остались без внимания и не получили правовой оценки судов первой и второй инстанций, Определением Верховного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 18-КГ18-223 решения нижестоящих судов были отменены².

При этом существуют обязательные критерии для судебного анализа в рассматриваемой категории дел. Так, суд, разрешая спор между родителями, обязан руководствоваться интересами ребенка³. При этом в законодательстве и правоприменительной практике последних лет выделяют следующие ключевые факторы, учитываемые при вынесении решения:

1. Возраст ребенка и его эмоциональная привязанность к каждому из родителей.
2. Личные качества родителей (моральный облик, наличие вредных привычек).
3. Отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком.
4. Возможность создания условий для воспитания и развития (род деятельности, режим работы, материальное и семейное положение).

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 июня 2019 г. № 18-КГ19-25. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=588494#Po33nCVavYXrxtz81> (дата обращения: 20.02.2026).

² См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 18-КГ18-223. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=570976#h9J3nCVGinQVfgjY2> (дата обращения: 20.02.2026).

³ См.: Обобщение о практике рассмотрения районными судами Ростовской области гражданских дел, связанных с воспитанием несовершеннолетних детей. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/9885038/> (дата обращения: 20.02.2026).

Необходимо отметить, что преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей не является безусловным основанием для передачи ему ребенка¹. Это положение стало особенно актуальным в последние 10 лет, когда суды начали чаще указывать, что отец, обладающий большими финансовыми ресурсами, может и должен обеспечивать ребенка через механизм алиментов, в то время как повседневное воспитание может более эффективно осуществляться матерью.

Как отмечается в науке в полноценной семье, где у ребенка есть мать и отец, складываются наиболее благоприятные условия для развития и становления его личности². Однако, к сожалению, статистический анализ деятельности судов показывает устойчивый рост количества споров, связанных с расторжением брака и споров, связанных с воспитанием детей, что, в свою очередь, свидетельствует об усилении правовой конфликтности внутри общества³.

Таблица 2. Количество дел

Категория спора	2022 год (количество дел)	2023 год (количество дел)	2024 год (количество дел)	Прирост (%)
Споры, связанные с воспитанием детей	20193	21598	22408	≈ 10,97 %

Несмотря на формальное стремление к равенству, фактические показатели проживания детей после расторжения брака в России демонстрируют колоссальный разрыв между матерями и отцами. Низкий

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 (ред. от 26 декабря 2017 г.) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.

² См.: Ахмедханова, А.М. Установление отцовства в административном и судебном порядке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2003. 30 с.

³ См.: Гражданское судопроизводство. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/gr/t/22/s/2> (дата обращения: 20.02.2026).

показатель случаев, когда ребенок остается с отцом, подтверждает глубокую укорененность традиционных представлений о роли матери в российском правосознании¹.

Думается, что доминирование матерей в судебной практике обусловлено рядом устоявшихся правовых и психологических факторов:

1. В 90% случаев органы опеки и попечительства (ООП) выдают заключения, поддерживающие сохранение места жительства ребенка с тем родителем, с которым он физически находится на момент проверки. Поскольку при фактическом распаде семьи дети чаще всего остаются в привычной обстановке с матерью, заключения ООП также способствуют приоритетному оставлению несовершеннолетних с матерью, так как суды стремятся обеспечить стабильность среды и минимизировать стресс от переезда.
2. Верховный Суд РФ неоднократно подчеркивал, что преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей не является безусловным основанием для удовлетворения его иска. Однако в судебной практике сложился подход, согласно которому материальное обеспечение ребенка возлагается приоритетно на отца.
3. Судебная система по-прежнему в значительной степени опирается на концепцию особой привязанности ребенка к матери. Судебно-психологические экспертизы чаще фиксируют более высокий уровень материнского участия в медицинских и образовательных процессах, что и служит основой для судебных решений. Однако важно подчеркнуть, что экспертная оценка является чрезвычайно важным доказательственным инструментом, особенно в отношении детей младше 10 лет. Эксперту задаются вопросы о степени привязанности к отцу, скрытых психологических факторах и мотивах родителей. Важнейшей задачей современной экспертной оценки в делах, связанных

¹ См.: Разводы в России 2025. URL: <https://www.b17.ru/article/716018/> (дата обращения: 20.02.2026).

с исками отца, является выявление «синдрома родительской отчужденности», то есть состояния, при котором под влиянием матери (родителя) ребенок начинает необоснованно отвергать отца (мать). Доказательства наличия такого синдрома, полученные в ходе экспертной оценки, могут рассматриваться как важные процессуальные доказательства.

4. При достижении 10-летнего возраста учет мнения несовершеннолетнего становится для суда обязательным. Дети, длительное время проживающие с матерью до суда, как правило, изъявляют желание остаться с ней. И хотя в последние годы суды стали активнее выявлять факты «индуцированного мнения» (настраивания ребенка против второго родителя), пойти против прямого желания подростка суду крайне сложно.
5. Как в органах опеки, так и в судебном корпусе все еще силен стереотип «воскресного папы». Отцу крайне сложно доказать, что его условия не просто лучше, а что оставление ребенка с матерью, ведущей социально приемлемый образ жизни, нанесет несовершеннолетнему вред.

Показательным для целей настоящего исследования является пример из судебной практики, поскольку он иллюстрирует проблему формального предпочтения проживания ребенка с матерью и показывает значение мотивированного учета мнения ребенка, заключения органа опеки и результатов судебно-психологической экспертизы при определении места жительства несовершеннолетнего.

Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ рассмотрела жалобу по следующему делу: бывшие супруги из Ростовской области обратились в суд, чтобы определить, с кем будет жить их несовершеннолетний сын. Суд первой инстанции пришел к выводу, что ребенку лучше проживать с отцом, и закрепил это решение официально.

Однако апелляционный суд занял иную позицию: прежний вердикт был отменен, а сына постановили вернуть матери. В своем решении апелляция

указала, что отсутствуют исключительные основания для разлучения ребенка с матерью. При этом мнение самого мальчика во внимание принято не было – суд посчитал, что высказанная им позиция не отвечает его интересам. Кассационная инстанция согласилась с таким подходом.

Не согласившись с решением по делу, отец подал жалобу в Верховный Суд Российской Федерации. Он отметил, что в апелляции не были приведены аргументы в пользу того, почему проживание с матерью является более предпочтительным вариантом, а также не было рассмотрено заключение органа опека и попечительства, которое допускало возможность проживания ребенка с отцом. Кроме того, заявитель указал, что суд не учел фактические обстоятельства, а именно то, что сын проживал с отцом на постоянной основе. По мнению отца, суд также проигнорировал обязательный учет мнения ребенка, которому исполнилось десять лет, а также выводы судебно-психологической экспертизы, которые подтвердили эмоциональную привязанность ребенка к отцу и его осознанное желание жить с ним.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что формальное применение положений законодательства без анализа конкретных обстоятельств дела, психологического состояния и реальных интересов ребенка является недопустимым¹.

Исходя из сказанного, представляется необходимым отказаться от «презумпции второстепенности» роли отца при расторжении брака и определении места жительства ребенка не на уровне деклараций, а через формирование конкретных процессуальных механизмов, исключающих автоматический приоритет матери в сложившейся судебной практике. Речь идет не о создании «презумпции приоритета отца», а о процессуальном выравнивании стартовых позиций сторон спора.

¹ См.: Верховный Суд Российской Федерации призвал учитывать мнение ребенка при определении его места жительства. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/35336/ (дата обращения: 20.02.2026).

Во-первых, представляется обоснованным закрепление в процессуальном законодательстве принципа нейтрального статус-кво на момент возбуждения дела. Сам по себе факт фактического проживания ребенка с одним из родителей не должен рассматриваться как обстоятельство, формирующее преимущество при разрешении спора. Суду следует прямо запрещать вывод о «предпочтительности сохранения сложившегося положения» без проверки причин его формирования. Если ребенок остался с матерью вследствие объективных обстоятельств (например, временного раздельного проживания родителей), это не должно автоматически трансформироваться в юридическое преимущество.

Во-вторых, новизна данного подхода может заключаться во введении нормы, требующей более высокого уровня обоснования судебных решений в тех случаях, когда суд отклоняет требования отца при отсутствии негативных характеристик или неблагоприятных условий проживания. В случае равенства воспитательных возможностей родителей бремя доказывания наличия обстоятельств, препятствующих проживанию ребенка с отцом, должно распределяться симметрично. Фраза «отсутствуют исключительные основания для разлучения с матерью» не может служить универсальным аргументом, поскольку семейное право не содержит презумпции основного проживания с матерью.

В-третьих, представляется целесообразным институционально усилить роль судебной психологической экспертизы как самостоятельного доказательства, а не как дополнительного элемента. Заключение эксперта о характере привязанности, уровне включенности каждого родителя и признаках возможного отчуждения должно получать обязательную правовую оценку в мотивировочной части решения. Игнорирование таких выводов без детального обоснования следует рассматривать как существенное процессуальное нарушение.

В-четвертых, требуется переосмысление порядка учета мнения ребенка. Если несовершеннолетний достиг возраста, с которого его позиция подлежит

обязательному учету, суд не вправе произвольно признавать ее «не соответствующей интересам» без специального психологического анализа источников формирования этой позиции. В противном случае норма о праве ребенка быть услышанным утрачивает содержательное значение.

Наконец, в качестве перспективного направления может быть предложено введение обязательной процедуры предварительного медиативного этапа либо временного режима совместного осуществления родительских прав до вынесения окончательного решения.

Таким образом, отказ от «презумпции второстепенности» роли отца не должен выражаться лишь в декларативном провозглашении равенства прав и обязанностей родителей, а в объективной реализации прав обоих родителей.

Следующая категория споров, подлежащая рассмотрению в рамках исследования семейно-правовых конфликтов – это споры об определении порядка общения с ребенком и об устранении препятствий к такому общению, которые целесообразно рассматривать в едином комплексе. По своей правовой природе требование об устранении препятствий является закономерным следствием нарушения права отдельно проживающего родителя на участие в воспитании, а определение порядка общения выступает процессуальным механизмом реализации данного права, закрепленного в статье 66 СК РФ¹.

В судебной практике эти категории неразрывно связаны, поскольку первопричиной обращения в суд в абсолютном большинстве случаев становится феномен родительского отчуждения – целенаправленное воспрепятствование контактам со стороны родителя, с которым проживает ребенок.

С материально-правовой точки зрения основополагающей проблемой является трансформация абсолютного родительского права отца в усеченное, так называемое «суррогатное» право. Согласно абзацу 4 пункта 8

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Сборник законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10, суд вправе отказать в иске об общении лишь в исключительных случаях, если такое общение может нанести вред ребенку¹. Однако в правоприменительной парадигме происходит недопустимое смещение бремени доказывания. В доктрине справедливо отмечается, что суды фактически обязывают отдельно проживающего родителя доказывать свое право на общение и подтверждать отсутствие вреда от его присутствия в жизни ребенка, что противоречит презумпции добросовестности осуществления родительских прав².

Большинство судов удовлетворяют требования отдельно проживающих родителей лишь частично, существенно сужая временные рамки общения под предлогом занятости ребенка в образовательных учреждениях, секциях или ссылаясь на сложившийся режим дня³. Думается, что подобный подход легализует возможность родителя, с которым проживает ребенок, искусственно перегружать график несовершеннолетнего, формируя «объективные» препятствия для встреч со вторым родителем. Более того, фиксация в резолютивной части решения условия об общении «исключительно в присутствии матери (отца)» нивелирует саму суть раздельного, самостоятельного воспитания, переводя абсолютное право в разряд относительных, полностью зависящих от воли бывших супругов⁴.

С процессуально-правовой точки зрения специфика рассматриваемой категории споров заключается в высокой степени субъективизма доказательственной базы. В ситуациях развода мнение ребенка, выясняемое судом в порядке статьи 57 СК РФ, часто является не самостоятельным

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 (ред. от 26 декабря 2017 г.) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.

² См.: Зыков С.В. Осуществление права отцовства в современной России: правоприменительные и законодательные препятствия. // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osuschestvlenie-prava-ottovstva-v-sovremennoy-rossii-pravoprimeritelnye-i-zakonodatelnye-prepyatstviya> (дата обращения: 03.02.2026).

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же.

волеизъявлением, а результатом психологического давления (индуцирования) со стороны совместно проживающего родителя, о чем было ранее упомянуто. В связи с этим по данной категории дел также критическое значение приобретает обязательность назначения комплексной судебной психолого-психиатрической или психолого-педагогической экспертизы. Только экспертным путем возможно разграничить истинные интересы несовершеннолетнего и навязанные ему негативные установки, выявить степень привязанности и уровень внутрисемейного конфликта.

Кроме того, наиболее проблемной стадией процессуального механизма является стадия исполнения судебного акта. Применение частей 2 и 3 статьи 5.35 КоАП РФ, в которых установлена административная ответственность за воспрепятствование общению, характеризуется крайне низкой эффективностью ввиду незначительности санкций (штраф от 2 до 3 тысяч рублей)¹. Судебные приставы-исполнители часто фиксируют невозможность исполнения решения, ссылаясь на эмоционально-психологический фактор – нежелание самого ребенка идти на контакт, что де-факто позволяет недобросовестному родителю безнаказанно саботировать судебный акт. Предусмотренная пунктом 3 статьи 66 СК РФ крайняя мера в виде передачи ребенка отдельно проживающему родителю при злостном невыполнении решения суда, к сожалению, на практике носит характер декларативной угрозы и применяется судами в единичных случаях².

На основе анализа материальных и процессуальных дефектов действующего механизма разрешения споров об осуществлении родительских

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 20 февраля 2026 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 3 марта 2026 г.). // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.

² См.: Зыков С.В. Осуществление права отцовства в современной России: правоприменительные и законодательные препятствия. // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osuschestvlenie-prava-ottsovstva-v-sovremennoy-rossii-pravoprimeritelnye-i-zakonodatelnye-prepyatstviya> (дата обращения: 03.02.2026).

прав представляется необходимой реализация следующих предложений по реформированию законодательства:

1. Регламентация бремени доказывания. На уровне разъяснений Верховного Суда РФ или путем внесения изменений в СК РФ необходимо императивно закрепить презумпцию полноценного общения. Суды должны возлагать обязанность по доказыванию потенциального вреда для ребенка исключительно на ту сторону, которая возражает против общения или настаивает на его существенном ограничении (в том числе на общении строго в присутствии третьего лица).
2. Нормативное закрепление модели паритетного воспитания. С учетом принципа гендерного равенства отца и матери видится необходимым введение в семейное законодательство конструкции паритетного воспитания. Под последней понимается совместная физическая опека, которую можно использовать как приоритетную модель при разрешении споров о детях в случае, если это не противоречит интересам несовершеннолетних.

Далее рассмотрим категорию дел, которая также является весьма актуальной, а именно споры об установлении и оспаривании отцовства (статьи 49, 52 СК РФ)¹. Следует подчеркнуть, что в рассматриваемой категории дел защита прав отца имеет фундаментальный характер легитимации: либо внесение сведений о биологическом отце в свидетельство о рождении вопреки воле матери, либо удаление неверных сведений о мужчине, который на самом деле не является отцом.

Подчеркнем, что группа исков об установлении и оспаривании отцовства являются самостоятельной разновидностью семейно-правовых исков. Специфика заключается в судебной защите, которая направлена не на

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Сборник законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

присуждение материального блага, а на подтверждение или опровержение юридически значимой связи происхождения ребенка от конкретного лица. Кроме того, следует подчеркнуть, что решение суда имеет порождающее или прерывающее значение ввиду того, что является основанием для изменения семейно-правового статуса ребенка и лица, которое признается либо исключается из числа родителей этого ребенка.

Институт установления отцовства в судебном порядке представляет собой одну из наиболее сложных и социально значимых областей гражданского судопроизводства. В основе данной правовой категории лежит фундаментальный конфликт между правом личности на автономию и правом ребенка на происхождение. Российская правовая система, основываясь на Семейном кодексе РФ, прошла путь от материального подхода, требовавшего доказательств «совместного проживания и ведения общего хозяйства», до современной гибкой системы, где ключевым элементом является установление биологического и социального родства в интересах ребенка.

Современная судебная практика все чаще сталкивается с ситуациями, когда инициатором установления отцовства выступает мужчина, стремящийся принять на себя родительские обязанности, в то время как мать ребенка, руководствуясь личными мотивами, чинит препятствия этому процессу. В таких спорах центральной правовой категорией становятся «интересы несовершеннолетнего», которые выступают не просто как оценочное понятие, а как императивный принцип, обязывающий суд отдавать приоритет благополучию ребенка над процессуальным поведением его родителей¹.

Доказательственная база, в соответствии с разъяснениями вопросов, связанных с происхождением ребенка, данными в Постановлении Пленума ВС РФ № 16 от 16 мая 2017 г., представлена не только молекулярно-генетической экспертизой, но и рядом других доказательств. При этом суд вправе назначить

¹ См.: Обобщение о практике рассмотрения районными судами Ростовской области гражданских дел, связанных с воспитанием несовершеннолетних детей. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/9885038/> (дата обращения: 20.02.2026).

экспертизу, в том числе и молекулярно-генетическую, позволяющую установить отцовство (материнство) с высокой степенью точности, однако важной особенностью является то, что даже если одна из сторон уклоняется от проведения экспертизы, судам следует учитывать, что заключение эксперта (экспертов) по вопросу о происхождении ребенка является одним из доказательств, оно не имеет для суда заранее установленной силы и подлежит оценке в совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами (часть 2 статьи 67 ГПК РФ, часть 3 статьи 86 ГПК РФ)¹.

Видится, что специфика рассматриваемых дел обуславливает необходимость более активного использования механизмов примирения сторон. Несмотря на формально-юридический характер требований, их материальная основа связана с будущими отношениями между родителями и ребенком. Следовательно, достижение соглашения, учитывающего интересы всех участников, в том числе посредством судебного примирения, может выступать более эффективным способом разрешения конфликта, чем вынесение императивного судебного акта.

Относительно оспаривания отцовства следует заметить, что в отличие от многих европейских стран (например, Германии, Польши, Франции), где срок на оспаривание отцовства императивно ограничен (от 6 месяцев до 2 лет с момента, когда лицо узнало правду), в России срок исковой давности по таким делам не установлен (для детей, рожденных после 1 марта 1996 года)². С одной стороны, это защищает право на биологическую самоидентификацию. С другой – создает колоссальную угрозу стабильности, поскольку биологический отец может внезапно вторгнуться в жизнь крепкой семьи спустя годы или же социальный отец, воспитывавший ребенка как своего,

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

² См.: Карпеева Е.В. Наилучшее обеспечение интересов ребёнка при разрешении споров об оспаривании и (или) установлении отцовства // Государство и право. 2025. № 2. с. 167-171.

может в любой момент отказаться от него из-за испортившихся отношений с матерью.

В судебной практике также нередки случаи, когда мужчина, указанный в свидетельстве о рождении в силу действия презумпции отцовства, не является биологическим отцом ребенка¹. В подобных ситуациях инициатива по оспариванию отцовства может исходить как от матери ребенка, так и от предполагаемого биологического отца, стремящегося опровергнуть запись об отцовстве супруга матери. Однако формальное установление либо прекращение статуса отца нередко вступает в противоречие с фактически сложившимися отношениями между мужчиной и ребенком, что особенно остро проявляется в делах, где между ними сформирована устойчивая эмоциональная связь.

Показательным в этом контексте является дело Фатхутдинова против Российской Федерации². Несмотря на то, что в настоящее время граждане РФ не могут обратиться в Европейский суд по правам человека за защитой своих прав и законных интересов, указанный кейс представляет особый интерес для анализа особенностей споров об оспаривании отцовства, поскольку в нем наглядно проявилось противоречие между формально-биологическим подходом к определению родительского статуса и необходимостью защиты фактически сложившихся семейных связей.

Первоначально судебными органами было установлено, что между В.М. Фатхутдиновым и ребенком существует устойчивая эмоциональная привязанность; определен порядок общения, подтвержден факт активного участия мужчины в воспитании несовершеннолетнего. Тем самым государство признало наличие семейной связи в социальном и

¹ См., например, Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 6 июля 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. Апрель. № 4 (окончание).

² См.: Case of Fatkhutdinov v. Russia (European Court of Human Rights). URL: <https://laweuro.com/?p=12366> (дата обращения: 03.02.2026).

психологическом смысле. Однако последующее удовлетворение иска об оспаривании отцовства привело к автоматическому прекращению всех прав Фатхутдинова как родителя исключительно по основанию отсутствия биологического родства.

Ключевая проблема данного дела заключается в том, что при разрешении спора суд фактически ограничился установлением либо отсутствием генетической связи, не придав должного значения принципу приоритета наилучших интересов ребенка. Между тем к моменту рассмотрения дела мужчина на протяжении длительного времени исполнял родительские обязанности, обеспечивал ребенка материально, участвовал в его воспитании и поддерживал с ним эмоционально значимые отношения. Лишение его родительского статуса повлекло разрыв сложившейся семейной связи без оценки возможных последствий для психологического состояния несовершеннолетнего.

Значимость данного дела для защиты прав и интересов отца и ребенка проявляется в нескольких аспектах.

Во-первых, оно демонстрирует уязвимость прав мужчины, который, действуя добросовестно и принимая на себя родительскую роль, может быть полностью исключен из жизни ребенка вследствие пересмотра юридического основания отцовства. В отсутствие биологической связи суд не рассмотрел возможность сохранения контактов, несмотря на подтвержденную эмоциональную привязанность. Право мужчины на уважение семейной жизни оказалось поставлено в зависимость исключительно от генетического критерия.

Во-вторых, данное дело подчеркивает проблему формалистического толкования принципа наилучших интересов ребенка. Хотя этот принцип требует комплексной оценки всех обстоятельств – включая стабильность и непрерывность ухода, фактические отношения и эмоциональные связи – в рассматриваемом деле анализ интересов несовершеннолетнего был вытеснен установлением биологического факта. Разрыв значимых социальных связей

может нанести ребенку значительный вред, что требует независимой оценки в рамках судебного разбирательства.

В-третьих, рассматриваемая ситуация подчеркивает необходимость в реализации более гибкого подхода к последствиям при оспаривании отцовства. В данной связи, даже при признании отсутствия биологического родства между отцом и ребенком, правоприменитель должен учитывать возможность сохранения контакта между субъектами, если это отвечает интересам несовершеннолетнего.

В свете проведенного исследования становится очевидным, что современная модель регулирования споров об оспаривании отцовства в российском праве сохраняет выраженный приоритет биологического критерия, в то время как социально-психологическая составляющая родительства нередко оказывается вне полноценной правовой защиты. Анализ судебной практики, включая дело Фатхутдинова против Российской Федерации, выявляет системное противоречие между формальной логикой установления происхождения ребенка и реальным содержанием семейных отношений.

Проблема заключается не в признании значения генетической связи как таковой, а в абсолютизации ее правового эффекта. Автоматическое прекращение родительских прав при отсутствии биологического родства игнорирует факт существования устойчивых социальных связей, сформированной эмоциональной привязанности и длительного исполнения родительских обязанностей. В результате право на уважение семейной жизни ставится в зависимость исключительно от медицинского заключения, тогда как интересы ребенка, требующие комплексной оценки, фактически редуцируются до установления генетического факта.

Представляется, что дальнейшее развитие законодательства и процессуальной практики должно быть направлено на институциональное признание социального элемента отцовства. Реформирование возможно по нескольким взаимосвязанным направлениям.

Во-первых, целесообразно закрепить на уровне закона обязанность суда при рассмотрении дел об оспаривании отцовства проводить самостоятельную оценку фактически сложившихся отношений между мужчиной и ребенком. Поскольку генетическая экспертиза должна рассматриваться как доказательство происхождения, но не как единственное основание для прекращения семейной связи.

Во-вторых, требуется нормативное закрепление возможности сохранения отдельных прав и обязанностей лица, длительное время исполнявшего родительскую роль, при наличии устойчивой эмоциональной связи и при условии, что это соответствует наилучшим интересам ребенка. Речь может идти о праве на общение, участии в воспитании, а в исключительных случаях – о трансформации статуса в самостоятельную форму социального родительства.

В-третьих, процессуальная практика должна быть ориентирована на усиление доказательственной оценки психологических факторов: заключения специалистов, характеристики взаимодействия, мнение ребенка с учетом его возраста и зрелости. Принцип наилучших интересов ребенка не может оставаться декларативной категорией; он требует содержательного анализа последствий разрыва семейных связей.

Таким образом, баланс между биологическим и социальным началами отцовства должен строиться не на исключении одного в пользу другого, а на их соразмерном учете. Право, регулирующее столь чувствительную сферу, обязано отражать сложность человеческих отношений. Формальное установление генетического происхождения не исчерпывает содержания родительства. Там, где возникла и укрепилась реальная семейная связь, ее правовая судьба должна решаться с учетом не только происхождения, но и ответственности, привязанности и интересов ребенка как самостоятельного субъекта права.

Кроме того, следует отметить, что действующий процессуальный механизм вынуждает лиц, сомневающих в кровном родстве, инициировать

иски об оспаривании отцовства, что часто приводит к необратимому распаду семьи, и, как следствие, потере правовой связи, даже если юридический отец желал бы сохранить социальную связь с ребенком. Думается, что целесообразно было бы имплементировать в российское право процедуры независимого выяснения происхождения¹ (по аналогии с институтом *Abstammungsklä rung*, применяемым в германском праве²). Его содержание сводится к выяснению биологического происхождения ребенка посредством генетического исследования. Правом требовать участия в такой процедуре обладают отец, мать и ребенок. Соответствующий субъект обязан дать согласие на проведение исследования и предоставить пригодный биологический образец, при отказе вопрос разрешается судом.

Значение данного института состоит в том, что он отделяет установление биологической истины от оспаривания юридического отцовства. Результат генетического исследования сам по себе не изменяет актовую запись о происхождении ребенка и не прекращает правовую связь с юридическим отцом. Для изменения правового статуса требуется самостоятельная процедура оспаривания отцовства.

Подобный подход позволяет учитывать право лица на знание своего происхождения и одновременно снижает риск необоснованного разрушения уже сложившихся семейных связей.

Следующая категория споров, которую необходимо исследовать для выявления особенностей судебной защиты отца в рамках искового производства, это споры о лишении, ограничении и восстановлении в родительских правах.

¹ См.: Вударский А., Новиков А.А. Установление происхождения ребенка: сравнительно-правовой аспект – Германия, Польша, Россия // Правоведение. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-proishozhdeniya-rebenka-sravnitelno-pravovoy-aspekt-germaniya-polsha-rossiya> (дата обращения: 03.02.2026).

² См.: Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) § 1598a Anspruch auf Einwilligung in eine genetische Untersuchung zur Klärung der leiblichen Abstammung. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_1598a.html (дата обращения: 03.02.2026).

Указанные споры не являются однородными по своей правовой природе. Лишение родительских прав выступает мерой семейно-правовой ответственности родителя за виновное противоправное поведение, однако одновременно выполняет охранительную функцию, поскольку направлено на защиту прав и интересов ребенка. Ограничение родительских прав имеет преимущественно защитный, предупредительный характер и применяется в случаях, когда оставление ребенка с родителем опасно для несовершеннолетнего, в том числе при отсутствии вины родителя. Восстановление в родительских правах, напротив, не является мерой ответственности, а представляет собой способ судебной защиты и восстановления родительского статуса при изменении поведения родителя и условий жизни ребенка. Именно поэтому в данной категории дел частноправовой интерес отца в сохранении или восстановлении родительского статуса пересекается с публично-правовой обязанностью государства обеспечить приоритетную защиту прав и интересов несовершеннолетнего¹.

Важнейшей процессуальной проблемой в данной категории дел выступает защита прав отцов, которые в силу сложившихся социокультурных и правоприменительных стереотипов, выражающихся в де-факто существующей презумпции «материнского приоритета», часто оказываются в уязвимом положении. Процессуальная защита интересов отца имеет двойкий характер: пассивный, направленный на сохранение правового статуса при необоснованных притязаниях истца, и активный, выражающийся в инициации процедуры восстановления утраченных прав².

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. Январь. № 1.

² См.: Спор о лишении родительских прав (на основании судебной практики Московского городского суда). URL: <https://pravo163.ru/spor-o-lishenii-roditelskix-prav-na-osnovanii-sudebnoj-praktiki-moskovskogo-gorodskogo-suda-2/> (дата обращения: 03.02.2026).

Центральным аспектом пассивной защиты отца чаще всего становится опровержение доводов о злостном уклонении от выполнения родительских обязанностей и неуплате алиментов как оснований для лишения родительских прав. Отметим, что лишение родительских прав выступает крайней мерой семейно-правовой ответственности, которая применяется судом исключительно за виновное поведение на основании исчерпывающего перечня обстоятельств, закрепленного в статье 69 Семейного кодекса РФ¹. При этом, как отмечено в Постановлении Пленума Верховного суда № 44 от 14 ноября 2017 г., «принимая решение по существу, судам следует учитывать, что лишение родительских прав является крайней мерой. В исключительных случаях при доказанности виновного поведения родителя суд с учетом характера его поведения, личности и других конкретных обстоятельств вправе отказать в удовлетворении иска о лишении родительских прав и предупредить ответчика о необходимости изменения своего отношения к воспитанию детей, возложив на органы опеки и попечительства контроль за выполнением им родительских обязанностей»².

Кроме того, в судебной практике и доктрине четко разделяется объективная задолженность, возникшая из-за трудной жизненной ситуации, потери работы или болезни, и «злостное уклонение», признаками которого являются умышленное сокрытие доходов, смена места жительства с целью ухода от выплат и привлечение к административной или уголовной ответственности³.

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. Январь. № 1.

³ См.: Спор о лишении родительских прав (на основании судебной практики Московского городского суда). URL: <https://pravo163.ru/spor-o-lishenii-roditelskix-prav-na-osnovanii-sudebnoj-praktiki-moskovskogo-gorodskogo-suda-2/> (дата обращения: 03.02.2026).

При анализе судебной практики выявлено, что в рамках судебного разбирательства отцы регулярно сталкиваются с искусственным созданием задолженности или умышленным препятствованием общению с ребенком со стороны матери¹. Думается, что в подобных случаях эффективной процессуальной стратегией отца является предъявление встречного иска об определении порядка общения с ребенком, что служит доказательством заинтересованности в его воспитании и нивелирует обвинения в самоустранении.

Под ограничением в родительских правах (статья 73 СК РФ) понимается промежуточная, превентивная мера воздействия, применяемая в ситуациях, когда оставление ребенка с родителем опасно по не зависящим от него обстоятельствам (например, психическое расстройство) либо вследствие виновного поведения, недостаточного для полного лишения прав². Для отца данная мера часто выступает в роли «последнего предупреждения» и дает срок, как правило, в шесть месяцев для кардинального изменения своего поведения во избежание последующего иска о лишении прав.

Восстановление в родительских правах (статья 72 СК РФ) является формой активной защиты и представляет собой сложный процесс доказывания того, что родитель коренным образом изменил свое поведение, образ жизни и отношение к ребенку³. Бремя доказывания в данном случае полностью ложится на отца, от которого требуется формирование исчерпывающей доказательной базы, к числу которой можно отнести: акты обследования жилищно-бытовых условий, справки о доходах, медицинские заключения об отсутствии зависимостей и положительные характеристики. Производство по таким делам осуществляется с обязательным участием органа опеки и

¹ См.: Спор о лишении родительских прав (на основании судебной практики Московского городского суда). URL: <https://pravo163.ru/spor-o-lishenii-roditelskix-prav-na-osnovanii-sudebnoj-praktiki-moskovskogo-gorodskogo-suda-2/> (дата обращения: 03.02.2026).

² См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

³ См.: Там же.

попечительства, а также прокурора. Однако важнейшим процессуальным барьером здесь выступает мнение самого ребенка: восстановление в правах в отношении лица, достигшего десятилетнего возраста, по закону невозможно без его согласия¹.

Кроме того, ключевой проблемой правоприменительной практики в спорах данной категории остается субъективность заключений органов опеки и попечительства, которые нередко подходят к анализу ситуации формально². Подобные заключения, несмотря на их значительную доказательственную роль, не обладают для суда заранее установленной силой и подлежат оценке наряду с иными доказательствами (по правилам статьи 67 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации³). Тем не менее в реальной судебной практике позиция органов опеки зачастую воспринимается как приоритетная, что фактически усиливает процессуальную асимметрию сторон и может приводить к ограничению возможностей отца по полноценной защите своих прав.

В этой связи особое значение приобретает активная процессуальная позиция ответчика-отца, выражающаяся в представлении альтернативных доказательств, ходатайствовании о проведении судебных экспертиз, допросе специалистов органов опеки, а также в оспаривании выводов, содержащихся в их заключениях. Ввиду применения обозначенных процессуальных инструментов происходит нивелирование возможной односторонности представленных материалов, а также обеспечение более объективного исследования обстоятельств дела.

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

² См.: Энциклопедия судебной практики. Органы опеки и попечительства (ст. 34 ГК РФ). URL: <https://base.garant.ru/57591437/> (дата обращения: 03.02.2026).

³ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 г., с изм. от 22 декабря 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46, ст. 4532.

Необходимо также обращать внимание на то, что при разрешении дел о лишении либо ограничении и восстановлении в родительских правах суд должен исходить из приоритета интересов несовершеннолетних как основополагающего принципа семейного права. В то же время следует иметь в виду, что при реализации указанного принципа не должен осуществляться дисбаланс и игнорирование прав одного из родителей, в частности отца. Последнее можно объяснить тем, что устойчивые семейные связи и участие обоих родителей в воспитании несовершеннолетнего в большинстве случаев отвечают интересам последнего. Это обуславливает постепенное формирование нового подхода в судебной практике, при котором оценка поведения родителя осуществляется не изолированно, а в компиляции с его реальными действиями, направленными на поддержание контакта с несовершеннолетним, участие в его содержании и процессе воспитания¹.

Практика рассмотрения споров о лишении, ограничении и восстановлении в родительских правах показывает, что процессуальная защита прав отца в рассматриваемой категории дел требует комплексной доказательственной стратегии. Подобная стратегия должна быть направлена на подтверждения факта участия в жизни ребенка, а также на преодоление сложившихся правоприменительных стереотипов, которые так или иначе оказывают влияние на оценку судом представленных доказательств.

Ввиду того, что с практической точки зрения недостаточно разработан вопрос относительно фиксации попыток родителя реализовать свои права на общение с несовершеннолетними, на участие в их жизни, находим обоснованной возможность использования механизма нотариального обеспечения доказательств, включая удостоверение фактов воспрепятствования общению со стороны другого родителя, документирование попыток передачи подарков, денежных средств или

¹ См., например, Определение ВС РФ от 15 марта 2022 г. № 78-КГ21-68-К3, Кассационное определение ВС РФ от 17 марта 2021 г. № 1-КАД20-2-К3, Определение ВС РФ от 18 февраля 2020 г. № 41-КГ19-50.

предложений о встрече. Такие действия можно рассматривать в качестве важных доказательств отсутствия уклонения от выполнения родительских прав отца и его добросовестность.

Следует отметить, что отдельное место в системе исковой защиты прав отца отводится спорам, связанным с материальным обеспечением ребенка, прежде всего, делам о взыскании алиментов. Несмотря на то, что на практике алиментные требования традиционно ассоциируются с матерью как истцом, в действующем семейном законодательстве закреплён принцип равенства родительских обязанностей по содержанию ребенка¹. В связи с этим при проживании ребенка с отцом именно он приобретает процессуальный статус истца и вправе требовать взыскания алиментов с матери в порядке искового производства. В таких делах предметом доказывания выступают фактическое совместное проживание ребенка с отцом, несение им основных расходов по содержанию и воспитанию ребенка, а также отсутствие добровольного участия матери в материальном обеспечении несовершеннолетнего.

Дополнительные сложности возникают в случаях, когда после изменения места жительства ребенка с матерью на проживание с отцом сохраняются ранее установленные алиментные обязательства. Анализ правоприменительной практики выявляет устойчивую правовую коллизию между фактическим переходом несовершеннолетнего ребенка на воспитание к родителю-плательщику алиментов и сохранением юридической силы ранее вынесенного судебного акта (или судебного приказа) об их взыскании. Подобный диссонанс нередко приводит к негативным последствиям для субъекта алиментных правоотношений, ошибочно полагающего, что фактическое содержание иждивенца автоматически отменяет формально юридические обязанности.

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Сборник законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

Показательным прецедентом, иллюстрирующим недопустимость одностороннего отказа от исполнения судебного акта, служит дело, получившее оценку Верховного Суда РФ¹. Согласно материалам дела, гражданин, исправно исполнявший алиментные обязательства с 2016 года, прекратил выплаты в 2023 году в связи с тем, что ребенок перешел на постоянное проживание к нему. В результате этого решения судебный пристав рассчитал сумму задолженности в размере 190 000 рублей, а судья привлек должника к административной ответственности, назначив ему наказание в виде 60 часов обязательных работ². Высшая судебная инстанция оставила в силе решения нижестоящих судов, изложив следующую правовую позицию: сам по себе факт проживания лица, обязанного выплачивать алименты, вместе с получателем не может рассматриваться в качестве правового основания для прекращения выплат или признания причины неуплаты обоснованной³.

Процедура прекращения или изменения таких обязательств требует возбуждения отдельного судебного разбирательства, что создает временный разрыв между фактическими обстоятельствами жизни ребенка и правовыми рамками, регулирующими выплату алиментов. В течение этого периода отец может по-прежнему быть обязан выплачивать алименты, одновременно обеспечивая фактическое содержание ребенка, что противоречит принципу справедливого распределения родительских обязанностей.

Дополнительную научную и практическую сложность представляет вопрос аннулирования долга, образовавшегося в период временного разрыва

¹ См.: Постановление Верховного Суда РФ от 5 ноября 2025 г. № 38-АД25-10-К1. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=871041#GyRAatCV0iEdVGE61> (дата обращения: 03.02.2026).

² См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 9 января 2026 г.) //Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2021 г. № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. Июнь. № 6.

между фактическим переездом ребенка и вынесением нового судебного решения. Суды последовательно отказывают в удовлетворении исковых требований об освобождении от уплаты алиментов за прошедший период, если иск не был подан своевременно. В одном из изученных материалов суд прямо указал, что освобождение от алиментного бремени производится не в порядке автоматического исполнения, а исключительно путем предъявления соответствующего иска. При этом последующее вынесение решения об определении места жительства ребенка с отцом нивелирует лишь будущие обязательства, но не освобождает должника от ответственности за невыполнение требований исполнительного документа в предшествующий период.

Проблемным остается и вопрос контроля целевого расходования алиментных средств. Действующее законодательство допускает возможность перечисления части алиментов на личный счет ребенка, однако на практике данный механизм применяется ограниченно, поскольку требует дополнительного обращения в суд и доказывания факта нецелевого использования средств. В отсутствие четких критериев оценки таких обстоятельств судебные решения по данной категории требований отличаются значительной вариативностью.

Представляется, что преодоление обозначенных проблем возможно путем совершенствования как материально-правового, так и процессуального регулирования исполнения алиментных обязательств. Одним из направлений развития законодательства может стать закрепление более четкого механизма автоматического пересмотра алиментных обязательств в случае изменения места жительства ребенка, подтвержденного судебным актом или соглашением родителей. Содержание обозначенного механизма должно заключаться в том, что изменение фактического и юридически подтвержденного проживания ребенка с одним из родителей признается самостоятельным основанием для пересмотра ранее установленной алиментной обязанности.

Представляется целесообразным предусмотреть, что родитель, с которым ребенок начал проживать постоянно, вправе обратиться в суд с заявлением об изменении стороны алиментного обязательства в упрощенном порядке. К заявлению должны прилагаться судебное решение об определении места жительства ребенка либо соглашение родителей, а также документы, подтверждающие фактическое исполнение родителем обязанности по содержанию ребенка. При отсутствии спора о самом месте жительства ребенка суд должен рассматривать вопрос не заново по существу семейного конфликта, а только проверять наличие юридического основания для изменения алиментного обязательства.

Такой механизм должен включать три последствия. Во-первых, прекращение взыскания алиментов с родителя, с которым ребенок фактически проживает, с даты вступления в силу судебного акта либо с даты, указанной в соглашении родителей. Во-вторых, возможность возложения алиментной обязанности на второго родителя, который после изменения места жительства ребенка проживает отдельно от него. В-третьих, направление нового исполнительного документа судебному приставу-исполнителю или работодателю плательщика алиментов с одновременным прекращением прежнего исполнительного производства.

Закрепление подобного порядка позволило бы исключить ситуацию, когда отец, с которым ребенок фактически проживает и который несет основные расходы на его содержание, продолжает формально оставаться плательщиком алиментов по ранее вынесенному судебному акту. Одновременно такой механизм обеспечивал бы баланс интересов ребенка и родителей, поскольку алиментная обязанность следовала бы за реальным распределением обязанностей по воспитанию и содержанию

Последняя категория споров, подлежащая рассмотрению в рамках настоящего параграфа – это споры о защите родительских прав от посягательств третьих лиц (статья 68 СК РФ), которые обладают выраженной спецификой: в них конфликт разворачивается не между равными по статусу

субъектами родительского права, а между родителем и лицами, не наделенными родительскими правомочиями, но фактически удерживающими ребенка¹.

В статье 68 СК РФ сформулирован приоритет родителей перед любыми третьими лицами, что придает иску отца характер требования о восстановлении нарушенного личного неимущественного права, тесно связанного с публичной обязанностью государства обеспечить защиту детства и законности семейных отношений². Вместе с тем правоприменение по данной категории дел демонстрирует, что формально «преимущественное» право родителя на воспитание не всегда трансформируется в эффективную судебную защиту.

На практике декларируемый законом «приоритет» родителя не обладает признаком безусловности и имеет меньшее значение, чем принцип обеспечения наилучших интересов ребенка. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ № 10, суд имеет полное право отказать родителю в иске о возврате ребенка, если придет к выводу, что такая передача противоречит интересам несовершеннолетнего³. Суды детально исследуют не только наличие кровного родства, но и характер сложившихся взаимоотношений, привязанность ребенка к лицам, у которых он фактически находится, а также реальную возможность отца обеспечить надлежащие условия воспитания.

Показательным является прецедент, когда суд отказал матери (что в равной степени экстраполируется и на истцов-отцов) в отобрании дочери у бабушки, несмотря на прямую ссылку истца на статью 68 СК РФ⁴. Суд

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

² См.: Там же.

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 (ред. от 26 декабря 2017 г.) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.

⁴ См.: Суд отказал в иске об истребовании внучки у бабушки, воспитывавшей ее с младенчества. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/prava-babushek-i-dedushek-trebuyut-zakrepleniya-v-zakone/> (дата обращения: 03.02.2026).

установил, что ребенок длительное время проживал с фактическим воспитателем, смена места жительства могла нанести девочке психологическую травму, а приоритет родителя уступил психологическому комфорту несовершеннолетнего.

Кроме того, следует констатировать, что, если суд отказывает отцу в возврате ребенка от третьих лиц, то возникает непреодолимая правовая коллизия. В данном случае родитель не лишается своих прав и не подвергается ограничению, однако его родительские права фактически оказываются парализованы. Ребенок остается с лицами, фактически осуществляющими уход за ним, которые не имеют официального статуса опекунов, в результате чего механизм дальнейшего осуществления родительских прав отцом становится неработоспособным и нерегулируемым законом.

Даже в тех случаях, когда отец выигрывает дело в суде, эффективная защита часто сводится на «нет» на этапе исполнения решения. Судебная практика, включая дела, дошедшие до Европейского суда по правам человека, показывает, что решения, определяющие место жительства ребенка или устраняющие препятствия для общения, могут игнорироваться годами. Судебные приставы часто отказываются возбуждать исполнительное производство под формальными предлогами, например, утверждая, что резолютивная часть решения не содержит конкретных требований к должнику, или ссылаясь на то, что исполнительные действия не допускаются в нерабочие дни.

Бездействие уполномоченных органов приводит к тому, что время работает против отдельно проживающего родителя, в связи с чем ребенок отвыкает от отца, подвергается психологическому давлению со стороны удерживающих его лиц. В итоге, спустя время, судебное решение становится неисполнимым уже по причине категорического нежелания самого ребенка идти на контакт.

Таким образом, формально-юридическая конструкция приоритета родителя, заложенная в статье 68 СК РФ, в судебной реальности выступает

лишь отправной точкой. В столкновении с субъективной судебной оценкой интересов ребенка и в некоторой мере низкой эффективностью исполнительной системы эта норма часто не способна трансформироваться в реальное восстановление нарушенных прав отца.

В связи с чем, в целях устранения обозначенной коллизии, представляется обоснованным нормативное закрепление промежуточного «компенсаторного» процессуального механизма, который бы исключал ситуацию фактической парализации родительских прав при формальном сохранении их объема. Суть проблемы заключается в том, что отказ в иске по статье 68 СК РФ фактически легитимирует проживание ребенка у третьих лиц без придания этому проживанию какого-либо юридического статуса. В результате суд, защищая интересы ребенка здесь и сейчас, оставляет без ответа вопрос о правовых основаниях дальнейшего удержания несовершеннолетнего и о порядке реализации родительских прав отца.

Представляется целесообразным внедрить модель «условного отказа» в иске о возврате ребенка. Ее содержание должно состоять в том, что суд, признавая немедленную передачу ребенка родителю противоречащей интересам несовершеннолетнего, не ограничивается формальным отказом в удовлетворении иска, а одновременно определяет временный правовой режим нахождения ребенка у третьих лиц.

Такая модель предполагает несколько обязательных элементов. Во-первых, суд должен указать, по каким конкретным причинам немедленный возврат ребенка родителю невозможен или нежелателен с точки зрения интересов несовершеннолетнего. Во-вторых, в решении должен быть определен правовой статус лица, у которого ребенок временно остается: например, обязанность обратиться в орган опеки и попечительства для оформления опеки, попечительства либо иной допустимой формы временного устройства ребенка. В-третьих, суд должен установить порядок сохранения родительских связей: график общения ребенка с отцом, возможность телефонных и иных контактов, участие родителя в решении вопросов

обучения, лечения и воспитания. В-четвертых, необходимо определить срок или условия повторной оценки ситуации, после наступления которых вопрос о возврате ребенка родителю может быть рассмотрен вновь.

Следовательно, «условный отказ» не означает окончательного признания приоритета третьих лиц перед родителем. Напротив, он направлен на временную стабилизацию положения ребенка при одновременном сохранении юридической и фактической связи с отцом. Такая конструкция позволяет избежать ситуации, когда отказ в иске о возврате ребенка фактически легализует его дальнейшее удержание третьими лицами без определения их обязанностей и без гарантий участия родителя в жизни несовершеннолетнего.

Кроме того, предлагаемая модель «условного отказа» имеет значение не только как специальный процессуальный механизм по делам о возврате ребенка, но и как элемент восстановительной охраны отцовства. Ее задача состоит в том, чтобы отказ в немедленной передаче ребенка не приводил к фактическому обнулению правового статуса отца. Суд, отказывая в удовлетворении требования о возврате ребенка, должен одновременно обеспечить сохранение родительской связи, определить временный правовой режим нахождения ребенка, порядок общения с отцом и механизм последующего контроля. Тем самым восстановительная охрана дополняется постюрисдикционным мониторингом, без которого судебная защита остается формальной.

Таким образом, проведенный в рамках настоящего параграфа анализ позволяет сделать вывод о том, что предмет судебного разбирательства дуалистичен, так как судебной защите подлежат как нарушенное или оспариваемое субъективное право отца, так и интересы ребенка, выступающие в качестве оценочного критерия, через который суд определяет обоснованность заявленных требований отца. Вследствие этого защита субъективных прав отца приобретает опосредованный характер, а исход дела в значительной степени зависит от психологических, социальных и

поведенческих факторов, что повышает роль судейского усмотрения и усложняет доказательственный процесс.

В процессе исследования были выявлены устойчивые факторы, формирующие асимметрию процессуальных возможностей отца и матери в исковом производстве: фактическая инерционность судебных решений, ориентированных на сохранение сложившегося порядка проживания ребенка; повышенная зависимость исхода дела от заключений органов опеки и попечительства, которые нередко воспроизводят стереотип о «приоритете материнского воспитания»; сложность доказывания в условиях конфликтного родительства, включая выявление родительского отчуждения; а также недостаточная эффективность механизмов исполнения судебных актов, что приводит к невозможности реализации родительских прав при формальном сохранении их объема.

3.2. Особенности судебной защиты прав отца в особом производстве

В системе гражданского судопроизводства России институт особого производства занимает отдельное место, обеспечивая защиту субъективных прав граждан в ситуациях, когда речь не идет о классическом споре о праве, но реализация законных интересов невозможна без официального установления юридически значимых фактов.

Защита прав отца в данном контексте приобретает особую сложность, поскольку она неразрывно связана с вопросами биологического происхождения, социальной ответственности и наследования.

В функциональной модели охраны отцовства особое производство занимает самостоятельное место, поскольку оно связано не столько с разрешением спора о нарушенном субъективном праве, сколько с юридической легитимацией обстоятельств, от которых зависит возникновение, подтверждение или сохранение правового статуса отца. В этом смысле особое производство выполняет статусно-регистрационную и

обеспечительную функции: оно позволяет придать юридическое значение фактической связи мужчины с ребенком, установить факт отцовства, признания отцовства, усыновления либо фактического воспитания, а также сформировать предпосылки для последующей реализации или защиты соответствующих прав.

Особое производство, регулируемое разделом IV Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, характеризуется отсутствием материально-правового спора между сторонами. Основная цель заявителя заключается в установлении юридического факта, служащего основанием для возникновения, изменения или прекращения личных или имущественных прав¹. Для отца, как биологического родителя, так и лица, признававшего себя таковым, судебная защита в особом производстве чаще всего становится необходимой после смерти одного из участников правоотношения, когда административный порядок регистрации отцовства становится физически невозможным.

Главным образом при судебном разбирательстве, связанном с защитой отцовства в порядке особого производства, рассматривается категория дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, к которым можно отнести установление:

1. факта отцовства, при котором констатируется объективная биологическая связь между лицом и ребенком, даже если при жизни мужчина свое отцовство открыто не признавал;
2. факта признания отцовства, что по своей сути направлено на легитимацию осознанного волеизъявления умершего мужчины быть родителем, для чего оценивается его социальное поведение, забота, содержание ребенка и публичные заявления;

¹ См.: Пурге А.Р. Особенности установления факта признания отцовства по законодательству Российской Федерации // Юридические исследования. 2024. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ustanovleniya-fakta-priznaniya-ottsovstva-po-zakonodatelstvu-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 19.02.2026).

3. факта усыновления, порождающего возникновение правового статуса отца у мужчины;
4. статуса фактического воспитателя – при реализации фактическим воспитателем (социальным отцом) функции по воспитанию и содержанию несовершеннолетних.

Исходя из текста статьи 50 Семейного кодекса РФ, в случае, когда отец умер до того, как официально установил отцовство в отношении несовершеннолетнего, и при этом не состоял с матерью ребенка в зарегистрированном браке, суд может установить факт отцовства¹.

Это положение позволяет суду признать отцовство посмертно, если имеются достаточные основания полагать, что умерший мужчина действительно является отцом ребенка. Как отмечает Л.В. Пчелинцева, «условиями установления этого факта являются смерть отца ребенка, нахождение ребенка на иждивении умершего, признание ранее умершим отцовства в отношении данного ребенка. Период нахождения на иждивении законом не определен, не обязательно также, чтобы иждивение было полным, т.е. чтобы предоставляемое ребенку содержание было единственным или основным источником его существования»².

Серьезные практические трудности вызывает применение норм материального права в зависимости от даты рождения ребенка. Как отмечается в доктрине и подтверждается позицией высших судебных инстанций, в отношении детей, рожденных до 1 марта 1996 года, суды обязаны руководствоваться критериями статьи 48 КоБС РСФСР, требующими доказывания совместного проживания, ведения общего хозяйства или

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г., с изм. от 30 октября 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. 01.01.1996. № 1, ст. 16.

² См.: Семейное право: учебник и практикум для вузов / Л.М. Пчелинцева [и др.]; под ред. Л.М. Пчелинцевой; под общ. ред. Л.В. Цитович. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2024. 291 с.

совместного воспитания¹. Биологическое родство само по себе в этот исторический период не порождало юридических последствий без доказанной социальной связи. Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь на судебную практику Европейского суда по правам человека (в частности, дело «Леббинк против Нидерландов»), подтверждает, что биологического родства без фактических семейных связей недостаточно для распространения гарантий защиты семейной жизни.

Вместе с тем такой ретроспективный формализм сегодня выглядит архаичным. Мы считаем оправданным внести изменения в законодательство с целью либерализации доказательственной базы для «старых» категорий дел: если современный уровень медицинской науки допускает проведение молекулярно-генетической экспертизы, научная объективность должна превалировать над устаревшими социальными конструкциями, дискриминирующими детей, рожденных вне брака.

Особого внимания заслуживает сам вопрос об установлении доказательной базы для определения отцовства, поскольку генетическое тестирование играет в этом процессе решающую роль. Учитывая объективную невозможность проведения тестирования биологического материала умершего лица (эксгумация редко назначается судами), возникает необходимость проведения тестирования его ближайших родственников. Однако процессуальный статус родственников в особом производстве – это заинтересованные лица, а не стороны. Отказ заинтересованного лица от участия в экспертизе не влечет автоматического применения части 3 статьи 79

¹ См.: Русинова Е.Р. Некоторые процессуальные вопросы, возникающие при рассмотрении дел об установлении отцовства умершего лица // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-protseessualnye-voprosy-voznikayuschie-pri-rassmotrenii-del-ob-ustanovlenii-ottsovstva-umershego-litsa> (дата обращения: 19.03.2025).

ГПК РФ (признание факта установленным ввиду уклонения), что фактически создает для заявителя правовой тупик¹.

В качестве решения предлагается расширить действие презумпции части 3 статьи 79 ГПК РФ на случаи немотивированного отказа наследников (заинтересованных лиц) от участия в генетическом исследовании в рамках особого производства, при условии, что заявителем представлена убедительная совокупность иных доказательств родства. Дополнительно, в условиях всеобщей цифровизации, назрела потребность официально регламентировать в ГПК РФ использование цифровых следов (история геолокаций, переписка в мессенджерах, электронные банковские переводы) в качестве надежных и допустимых доказательств факта признания отцовства, которые зачастую оказываются более объективными, чем свидетельские показания.

Наконец, дискуссионным аспектом выступает процессуальная роль органов опеки и попечительства в делах особого производства. В силу статьи 78 СК РФ их участие обязательно по спорам, связанным с воспитанием детей, где они проводят обследование условий жизни и дают заключение. В рамках особого производства, где формального спора нет, органы опеки должны выступать независимым гарантом интересов ребенка, исключая ситуации, когда констатация отцовства может повлечь ухудшение положения несовершеннолетнего (например, утрату статуса одинокой матери и соответствующих выплат).

Однако на практике их участие зачастую сводится к чистой формальности или игнорируется судами. В целях оптимизации процессуального механизма предлагается ввести обязательное требование о привлечении органов опеки и попечительства к рассмотрению дел об установлении факта отцовства исключительно в тех случаях, когда речь идет

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 15 декабря 2025 г., с изм. от 22 декабря 2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2026 г.) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46, ст. 4532.

об интересах несовершеннолетних или недееспособных лиц. Это избавит суды от излишней бюрократии при рассмотрении дел с участием взрослых заявителей.

Особую актуальность в современных условиях приобретают дела об установлении факта отцовства после гибели военнослужащего. Значение данной категории дел обусловлено тем, что посмертное установление отцовства позволяет ребенку не только быть включенным в круг наследников первой очереди, но и претендовать на меры социальной поддержки, предоставляемые членам семьи погибшего военнослужащего. Тем самым установление юридического факта в порядке особого производства выступает не формальной процедурой подтверждения происхождения, а необходимым процессуальным средством защиты имущественных и социальных прав ребенка.

Практическая значимость указанного вопроса подтверждается судебной практикой Верховного Суда Российской Федерации. Так, в Кассационном определении Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 27 июня 2024 г. № 224-КАД24-8-К10 рассматривалась ситуация, при которой отцовство в отношении ребенка погибшего военнослужащего было установлено судом уже после того, как единовременная выплата была распределена между иными членами семьи¹. Ребенку было отказано в выплате соответствующей доли, ссылаясь на то, что выплата уже была произведена и носит единовременный характер.

Верховный Суд РФ указал, что последующее установление отцовства не может лишать ребенка права на получение причитающейся ему доли. При этом защита данного права не должна возлагаться на несовершеннолетнего путем предъявления требований к другим родственникам о взыскании

¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2024 г. № 224-КАД24-8-К10. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennoslužhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27062024-n-224-kad24-8-k10/> (дата обращения: 03.01.2026).

неосновательного обогащения, поскольку обязанность по обеспечению выплаты лежит на публичном субъекте.

Данная правовая позиция имеет принципиальное значение для рассматриваемой категории дел. Она показывает, что постмортальное установление отцовства после гибели военнослужащего влечет не только наследственно-правовые последствия, но и последствия в сфере публично-правовых социальных гарантий. Следовательно, дела данной категории демонстрируют пересечение частноправового интереса ребенка в установлении происхождения с публичной обязанностью государства обеспечить равную защиту всех членов семьи погибшего военнослужащего¹.

С практической точки зрения, установление факта отцовства и факта признания отцовства демонстрирует, что основными целями обращения лиц с заявлением в суд являются:

1. получение в дальнейшем пособий по случаю потери кормильца;
2. приобретение вследствие установления факта отцовства права на наследование имущества умершего².

Декларирование заявителем исключительно нематериальных целей нередко носит фиктивный характер и служит процессуальным прикрытием истинных имущественных намерений. Подобная тактика используется во избежание привлечения к участию в деле заинтересованных лиц (например, иных наследников), которые могут заявить спор о праве на наследство. В случае выявления такого спора суд, руководствуясь частью 3 статьи 263 ГПК

¹ См.: Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2024 г. № 224-КАД24-8-К10. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27062024-n-224-kad24-8-k10/> (дата обращения: 03.01.2026).

² См.: Русинова Е.Р. Некоторые процессуальные вопросы, возникающие при рассмотрении дел об установлении отцовства умершего лица // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-protsessualnye-voprosy-voznikayuschie-pri-rassmotrenii-del-ob-ustanovlenii-ottsovstva-umershego-litsa> (дата обращения: 19.03.2025).

РФ, обязан оставить заявление без рассмотрения, что блокирует возможность разрешения вопроса в упрощенном порядке особого производства.

Здесь кроется одна из ключевых проблем правоприменения: дела рассматриваемой категории де-факто редко являются бесспорными, поскольку появление нового наследника первой очереди (ребенка) неизбежно и напрямую затрагивает имущественные доли других родственников умершего либо государства при наследовании выморочного имущества¹. При возникновении минимальных разногласий суды вынуждены оканчивать особое производство и разьяснять заявителю право на подачу иска. Этим процессуальным механизмом нередко злоупотребляют процессуальные оппоненты, формально заявляя возражения исключительно с целью создания дополнительных препятствий и затягивания процесса защиты прав ребенка.

Трансформация дела из особого в исковое производство порождает следующий пласт проблем законодательного и практического характера, связанных с определением предмета иска, подсудности и размера государственной пошлины. В правоприменительной практике отсутствует единообразие при квалификации исков о признании права наследования. В случаях, когда в состав наследства входит недвижимость, суды зачастую расценивают такие споры как имущественные, подлежащие оценке, и применяют правила исключительной территориальной подсудности (статья 30 ГПК РФ – по месту нахождения недвижимости), требуя уплаты пошлины исходя из стоимости наследственного имущества.

Подобный подход, создающий существенные финансовые и территориальные барьеры для лиц, защищающих интересы несовершеннолетнего, вынуждает истцов идти на процессуальные уловки. На практике заявители намеренно отказываются от самостоятельных требований

¹ См.: Русинова Е.Р. Некоторые процессуальные вопросы, возникающие при рассмотрении дел об установлении отцовства умершего лица // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-protsessualnye-voprosy-voznikayuschie-pri-rassmotrenii-del-ob-ustanovlenii-ottsovstva-umershego-litsa> (дата обращения: 19.03.2025).

о признании права наследования, искусственно ограничиваясь лишь исковым требованием об «установлении отцовства» или «установлении факта признания отцовства». Несмотря на явную теоретическую некорректность такого требования в рамках искового производства (поскольку спор о делящихся родительских правоотношениях объективно не может вестись с умершим лицом), суды, будучи связанными пределами заявленных требований, рассматривают такие иски.

Для истца подобного усеченного решения суда оказывается вполне достаточно: вступивший в законную силу судебный акт, констатирующий лишь сам факт отцовства, становится безусловным основанием для включения ребенка нотариусом в круг наследников. Таким образом, действующее процессуальное регулирование и противоречивая практика судов провоцируют искусственное конструирование исковых требований и подмену видов судопроизводства, что свидетельствует о назревшей необходимости законодательной унификации подходов к рассмотрению дел об установлении происхождения детей от умерших лиц.

В настоящее время также обсуждается вопрос возможности установления факта признания отцовства безвестно отсутствующего гражданина в порядке особого производства. Установление факта признания отцовства в особом производстве возможно лишь в том случае, если лицо, факт признания отцовства которого устанавливается, скончалось. По общему правилу, изложенному в статье 45 ГК РФ для «признания гражданина умершим необходимо, чтобы в месте его жительства не было сведений о месте его пребывания в течение 5 лет, а если он пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших смертью или дающих основание предполагать его гибель от определенного несчастного случая, – в течение шести месяцев. Военнослужащий или иной гражданин, пропавший без вести в связи с военными действиями, может быть объявлен судом умершим не ранее чем по

истечения двух лет со дня окончания военных действий»¹. Несмотря на это, имеется практика, в соответствии с которой отечественные суды устанавливали факт отцовства безвестно отсутствующего гражданина в порядке особого производства, применяя аналогию закона².

Думается, что в таком случае определение суда напрямую противоречит положениям гражданского и гражданско-процессуального закона. Таким образом, до истечения сроков, указанных в статье 45 ГК РФ, при признании лица безвестно отсутствующим целесообразно использование исключительно искового порядка установления отцовства, указывая в таком иске безвестно отсутствующего гражданина в качестве ответчика, поскольку в особом производстве рассматриваются дела в том случае, если гражданин умер или объявлен умершим.

Кроме того, в настоящее время на практике растет количество дел по заявлению лиц, претендующих на статус отца, или лица, фактически заменившего его (фактического воспитателя), что приобретает особую научную и практическую актуальность в контексте реализации социальных гарантий семьям погибших военнослужащих.

Ключевой процессуальной проблемой в данной категории дел выступает тонкая грань между установлением факта, имеющего юридическое значение, и спором о праве, наличие которого императивно влечет оставление заявления без рассмотрения.

Судебная практика демонстрирует концептуальные сложности при установлении судами факта воспитания пасынка отчимом. Военные комиссариаты, а вслед за ними и суды апелляционной и кассационной инстанций зачастую ошибочно трактуют само указание заявителем цели

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11 марта 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

² См, например, определение Советского районного суда г. Махачкала по гражданскому делу № 2-157-2000 по заявлению С. об установлении факта признания отцовства // Архив Советского районного суда г. Махачкала.

установления факта (например, получение единовременной компенсации в связи с гибелью военнослужащего) как наличие материального спора о праве.

Кроме того, правоприменительная практика требует разрешения латентного конфликта между биологическим отцом и социальным отцом (отчимом/фактическим воспитателем). Высшая судебная инстанция исходит из целевого назначения компенсационных выплат – выразить признательность государства гражданам, вырастившим и воспитавшим достойных защитников Отечества¹. Формальная уплата алиментов в минимальном размере и эпизодическое общение в социальных сетях признаются уклонением от родительских обязанностей. При таких обстоятельствах биологический отец лишается права на государственную поддержку, в то время как отчим, не имевший статуса официального усыновителя, но более 5 лет содержавший и воспитывавший ребенка до совершеннолетия, через процедуру особого производства признается полноправным получателем выплат.

Так, в Определении от 21 апреля 2025 г. по делу № 24-КГ24-14-К46 Верховный Суд Российской Федерации сформулировал принципиально важную правовую позицию о пределах особого производства при установлении статуса фактического воспитателя погибшего военнослужащего². Фабула дела, связанная с гибелью Андрея Майорникова при исполнении обязанностей военной службы и обращением его отчима Владимира Подколзина за признанием факта воспитания и содержания пасынка не менее пяти лет до достижения им совершеннолетия, выявила системную проблему разграничения дел об установлении юридических фактов и споров о субъективном праве. Суды апелляционной и кассационной

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 октября 2023 г. № 19-КГ23-25-К5 (УИД 26RS0020-01-2022-001253-61). URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-30102023-n-19-kg23-25-k5/> (дата обращения: 03.01.2026).

² См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации № 24-КГ24-14-К46 от 21 апреля 2025 г. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2458992 (дата обращения: 03.01.2026).

инстанций, усмотрев в указании заявителем цели обращения – получение ежемесячной денежной компенсации – наличие спора о праве, трансформировали процессуальную форму защиты в исковую, фактически подменив критерий юридической значимости факта предположением о потенциальной конфликтности материального правоотношения.

Между тем Судебная коллегия по гражданским делам подчеркнула, что сама по себе связь устанавливаемого факта с последующим возникновением права на социальную выплату не свидетельствует о наличии спора, если требование о признании права не заявлено, и иные лица не оспаривают соответствующее притязание. Более того, суд апелляционной инстанции не конкретизировал субъектов, чьи права якобы затрагиваются, что противоречит требованиям пунктов 5 и 6 части 2 статьи 329 ГПК РФ и свидетельствует о формальном подходе к оценке процессуальных предпосылок.

Данная правовая позиция имеет методологическое значение для характеристики особенностей судебной защиты в рамках особого производства: установление факта фактического воспитания по своей природе близко к делам о признании отцовства и иным формам легализации семейно-правовых связей, однако не направлено на перераспределение материальных благ между конкурирующими субъектами, а служит процессуальным инструментом подтверждения юридического статуса. В этом проявляется специфика квазисемейных отношений, в которых социальная функция родительства реализуется вне формальной регистрации.

Вывод, следующий из рассматриваемого дела, заключается в необходимости строгого разграничения цели обращения и предмета судебной проверки: особое производство допустимо всякий раз, когда суд устанавливает лишь юридический факт при отсутствии подтвержденного спора о субъективном праве.

В целях совершенствования законодательства представляется целесообразным нормативно конкретизировать в статье 264 ГПК РФ либо в

специальном законе прямое указание на возможность установления статуса фактического воспитателя военнослужащего в порядке особого производства, а также закрепить презумпцию отсутствия спора о праве при отсутствии заявленных материально-правовых требований и возражений заинтересованных лиц. Дополнительно оправданным видится развитие досудебных процедур подтверждения факта воспитания (например, посредством заключений органов опеки и попечительства), что позволило бы снизить процессуальную нагрузку на суды и обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Таким образом, главным препятствием для эффективной защиты прав фактического отца (воспитателя) в особом производстве является расширительное толкование судами понятия «спор о праве». Возражения государственных органов против удовлетворения заявления, касающиеся исключительно оценки качества и объема доказательств (чеков, свидетельских показаний, факта совместного проживания), ошибочно принимаются за наличие спора, что необоснованно затягивает процесс. Кроме того, биологическое отцовство, не подкрепленное фактическим и длительным участием в духовно-нравственном, физическом развитии и содержании ребенка, утрачивает свой приоритет перед социальным отцовством (фактическим воспитанием) в контексте получения мер государственной поддержки.

Также целесообразно дополнить статью 263 ГПК РФ частью 4 следующего содержания: «Возражения заинтересованных лиц, в том числе органов государственной власти и местного самоуправления, касающиеся исключительно достаточности и достоверности доказательств, подтверждающих устанавливаемый юридический факт, не являются основанием для вывода о наличии спора о праве и оставления заявления без рассмотрения»; внести изменения в статью 3 Федерального закона от 7 ноября 2011 г. № 306-ФЗ «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат», четко разграничив приоритет прав.

Необходимо закрепить презумпцию утраты права на выплату для биологического родителя, если в судебном порядке установлено, что функции по воспитанию и содержанию ребенка более 5 лет до его совершеннолетия выполняло иное лицо, признанное фактическим воспитателем. Основываясь на правовой позиции ВС РФ (Определение № 224-КАД24-8-К10), требуется внести дополнения в Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. № 98, прямо регламентирующие обязанность уполномоченных ведомств производить выплату установленной доли ребенку, отцовство в отношении которого установлено судом посмертно, независимо от факта более раннего исчерпания лимита выплаты в пользу иных членов семьи, запретив перекладывание бремени взыскания (в виде регрессных исков) на плечи несовершеннолетних.

Следует подчеркнуть, что защита прав отца в особом производстве – это не только технический процесс восстановления документов, но и сложный механизм балансировки частных и публичных интересов. Основной вектор развития этого института должен быть направлен на:

1. снижение процессуального формализма при разграничении особого и искового производств;
2. усиление роли научных методов установления истины (генетика) над формально-социальными критериями прошлого;
3. обеспечение активной роли органов опеки как независимых экспертов по интересам ребенка.

Таким образом, судебная защита прав отца в особом производстве представляет собой самостоятельную процессуальную форму, направленную на установление юридических фактов, имеющих значение для возникновения, изменения или прекращения правового статуса отца (факта отцовства, факта признания отцовства, факта усыновления, факта фактического воспитания). Специфика данной формы обусловлена отсутствием материально-правового спора между участниками, однако на практике наблюдается устойчивая тенденция к расширительному толкованию судами понятия «спор о праве»,

что ведет к необоснованной трансформации особого производства в исковое и создает дополнительные барьеры для защиты прав отца и интересов ребенка. Предложено расширить категорию дел особого производства за счет включения вопросов о фиксации обстоятельств, имеющих значение для последующей защиты прав отца в исковом порядке (факт участия в воспитании, факт препятствования общению и др.), что позволит формировать превентивную доказательственную базу и обеспечит непрерывность правовой охраны отцовства на досудебной и судебной стадиях.

Судебная защита в данном случае выступает последним рубежом легитимации связи между отцом и ребенком, и ее эффективность напрямую определяет уровень защищенности наиболее уязвимых членов общества – детей. Реализация предложенных изменений позволит сделать процедуру более предсказуемой, быстрой и справедливой, что в конечном итоге соответствует конституционным гарантиям защиты семьи, материнства и отцовства в Российской Федерации.

Предложено расширить категорию дел особого производства за счет включения вопросов, связанных с фиксацией значимых обстоятельств участия отца в жизни ребенка (например, факт участия в воспитании, факт препятствования общению), что позволит создавать превентивную доказательственную базу для последующей защиты прав в исковом порядке. Подобный подход обеспечивает непрерывность правовой охраны отцовства на досудебной и судебной стадиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование теоретических и практических проблем правовой охраны отцовства позволяет сформулировать ряд итоговых концептуальных выводов, отражающих достижение поставленной цели и решение задач диссертации.

Установлено, что в современной правовой доктрине и правоприменительной практике назрела необходимость пересмотра подхода к понятию отцовства. Его следует трактовать не исключительно как биологический факт происхождения, а как самостоятельное и комплексное социально-правовое явление. Историко-правовой анализ показал, что формально провозглашенное в законодательстве равенство прав матери и отца часто не подкрепляется реальными гарантиями их реализации. В связи с этим в работе обоснована необходимость перехода от концепции декларативного равноправия к обеспечению равенства юридической исполнимости родительского статуса.

В качестве теоретической основы для такого перехода нами разработана функциональная модель охраны прав отца, интегрирующая три уровня: превентивный, обеспечительный и восстановительный. Данная система доказывает, что охрана и защита отцовства не должны сводиться лишь к реакции на уже состоявшееся правонарушение. Требуется выстраивание аппарата предупреждения конфликтов и сохранение вовлеченности отца в жизнь ребенка.

Последовательное применение данной модели позволило выстроить внутреннюю логику всего исследования. Историко-правовой анализ выявил причины фрагментарности охраны отцовства; теоретический анализ позволил определить ее понятие, содержание и межотраслевую природу; исследование правового статуса отца показало дефицит обеспечительных гарантий; анализ внесудебных форм защиты раскрыл превентивный потенциал договорных, медиативных, информационных и институциональных механизмов;

исследование искового и особого производства позволило определить пределы и проблемы восстановительной охраны.

Кроме того, исследование показало, что судебная и внесудебная защита прав отца осложняется устойчивой системной асимметрией. При разрешении споров об определении места жительства или порядка общения нередко срабатывает фактическая презумпция материнского приоритета, а оценочная категория «интересы ребенка» используется для консервации сложившегося порядка проживания. Для преодоления процессуальных и материальных дисбалансов аргументировано внедрение комплекса мер, минимизирующих судебское усмотрение и исключающих злоупотребление правом.

Сформулированные теоретические выводы позволили разработать конкретные предложения по совершенствованию Семейного кодекса РФ. В частности, доказана необходимость введения института «социального эстоппеля» (в рамках статьи 52 СК РФ), который лишит мать права оспаривать отцовство, если в момент совершения актовой записи ей было достоверно известно об отсутствии кровного родства. Одновременно предложено смягчить абсолютный запрет на оспаривание отцовства для лица, записанного отцом, предусмотрев право на подачу иска, если волеизъявление было сформировано под влиянием обмана.

Важным аспектом защиты фактических семейных связей является предложенная в диссертации институционализация статуса «фактического воспитателя» (социального родителя). Мужчина, который длительное время воспитывал ребенка, но утратил юридический статус из-за оспаривания отцовства, должен наделяться правом на общение с несовершеннолетним и на получение информации из образовательных и медицинских организаций.

Реализация разработанных теоретико-правовых положений и предложенных законодательных инициатив позволит сформировать сбалансированный межотраслевой механизм охраны отцовства. Внедрение этих мер обеспечит подлинный паритет в осуществлении родительских прав и будет служить реализации главной цели семейного законодательства, а

именно полноценной охране и защите наилучших интересов ребенка через сохранение его устойчивой связи с обоими родителями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: утв. Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1936. – № 283.
2. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: принята Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г. // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41, ст. 617.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.09.2024).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25 ноября 2025 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32, ст. 3301.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 22 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46, ст. 4532.
6. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16 сентября 1918 г.) // СУ РСФСР. – 1918. – № 76-7, ст. 818.
7. Кодекс о браке и семье РСФСР (утв. Верховным Советом РСФСР 30 июля 1969 г.) // Ведомости ВС РСФСР. – 1969. – № 32, ст. 1397.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1), ст. 1.
9. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 30 октября 2025 г.) // СЗ РФ. – 1996. – №, ст. 16.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29 декабря 2025 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 2, ст. 2954.
11. Закон СССР от 27 июня 1968 г. № 2834-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» // Ведомости ВС СССР. – 1968. – № 2, ст. 241.
12. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (ред. от 31 июля 2025 г.) // СЗ РФ. – 2007. – № 1 (ч. 1), ст. 19.
13. Указ Президента Российской Федерации от 4 октября 2021 г. № 573 «О Дне отца» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110040015> (дата обращения: 23.05.2026).
14. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия - звания «мать – героиня» и учреждении ордена «материнская слава» и медали «медаль материнства» // Собрание актов законодательства СССР. – 1944. – № 28.
15. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/> (дата обращения: 05.01.2026).
16. Постановление ВЦИК от 19 ноября 1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» // СУ РСФСР. – 1926. – № 82, ст. 612.
17. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Второе. 12 декабря 1825 г. – 28 февраля 1881 г. – СПб., 1830-1884.
18. Свод законов Российской империи. Т. X, часть I. Законы гражданские. – СПб., 1900.

19. Указ о порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах от 23 марта 1714 г. // Российское за

Нормативные правовые акты зарубежных государств

20. Декларация прав ребенка (Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г.). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 11.03.2025).

21. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLVI. – 1993.

22. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) § 1598a Anspruch auf Einwilligung in eine genetische Untersuchung zur Klärung der leiblichen Abstammung. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_1598a.html (дата обращения: 03.02.2026).

Научная и монографическая литература

23. Антокольская, М.В. Семейное право: учебник / М.В. Антокольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2002. – 336 с.

24. Актуальные проблемы защиты неимущественных прав детей (материальные и процессуальные аспекты): сборник научно-практических статей / под общ. ред. А.Е. Тарасовой, О.Г. Зубаревой. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 232 с.

25. Алексеев, С.С. Структура советского права / С.С. Алексеев. – М.: Юридическая литература, 1975. – 264 с.

26. Быкова, Т.А., Хмелева, Т.И. Семейное право: учебник / Т.А. Быкова, Т.И. Хмелева. – М.: РУСАЙНС, 2023. – 326 с.

27. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. – М.: Норма, 2008. – 448 с.
28. Гаврилов, Э.П. Комментарий Закона об авторском праве и смежных правах / Э.П. Гаврилов. – М., 1996. – 489 с.
29. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – 3-е изд., испр. – М.: Статут, 2022. – 414 с.
30. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1992.
31. Домострой Сильвестровского извода: текст памятника / под ред. А.Н. Чудинова. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Глазунов, 1902. – 143 с.
32. Ерохина, Е.В. Лишение и восстановление родительских прав: учеб. пособие / Е.В. Ерохина. – Оренбург: ГОУ ОГУ, 2010. – 138 с.
33. Завадская, Л.Н. Гендерная экспертиза российского законодательства / Л.Н. Завадская. – М., 2001.
34. Загоровский, А.И. Курс семейного права / А.И. Загоровский; под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – 448 с.
35. Ильина, О.Ю. Права отцов: де-юре и де-факто: монография / О.Ю. Ильина. – М.: Городец, 2007. – 189 с.
36. Ковалевский, М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности / М.М. Ковалевский. – СПб.: Ф. Павленков, 1895. – 152 с.
37. Комиссарова, Е.Г. Происхождение ребенка и порядок его установления по нормам семейного права: монография / Е.Г. Комиссарова. – М.: Статут, 2025. – 242 с.
38. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.М. Нечаева. – М.: Юрайт-Издат, 2009. – 559 с.
39. Котарбиньский, Т. Трактат о хорошей работе / Т. Котарбиньский. – М.: Экономика, 1975. – 269 с.
40. Кудрявцев, В.Н. Право и поведение / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юридическая литература, 1978. – 192 с.

41. Лейст, О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву / О.Э. Лейст. – М., 1981. – 240 с.
42. Лепешкин, А.И. Правовое положение советских граждан / А.И. Лепешкин. – М.: Мысль, 1966. – 56 с.
43. Малеин, Н.С. Охрана прав личности советским законодательством / Н.С. Малеин. – М., 1985. – 128 с.
44. Малиновский, Р. Семья среди австралийских аборигенов: социологическое исследование / Р. Малиновский. – Лондон: Изд-во Лондон. ун-та, 1913. – 358 с.
45. Малюченко, Г.Н., Малюченко, И.Ю., Пятницкая, Е.В. Комплексная поддержка кризисных семей: принципы и технологии: учебно-метод. пособие / Г.Н. Малюченко, И.Ю. Малюченко, Пятницкая Е.В. – Балашов; Саратов: Саратовский источник, 2017. – 126 с.
46. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 45. – М.: Политиздат, 1975. – 656 с.
47. Мархгейм, М.В., Деревянко, П.А. Институт отцовства в России: проблемы конституционно-правовой теории и практики: монография / М.В. Мархгейм, П.А. Деревянко. – Ростов н/Д: РостИздат, 2012. – 150 с.
48. Матузов, Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1972. – 292 с.
49. Матузов, Н.И. Правовая система и личность / Н.И. Матузов. – Саратов, 1987. – 214 с.
50. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Оникс, 2007. – 73 с.
51. Патюлин, В.А. Государство и личность в СССР / В.А. Патюлин. – М.: Наука, 1974. – 246 с.
52. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – М.: Эксмо, 2023. – 384 с.

53. Права и ответственность отца: материалы выступлений Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации, общественных деятелей и иных участников круглого стола. – М., 2020. – 36 с.
54. Пчелинцева, Л.М. [и др.]. Семейное право: учебник и практикум для вузов / Л.М. Пчелинцева; под общ. ред. Л.В. Цитович. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2024. – 291 с.
55. Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом); Отв. ред. Д.С. Лихачев. - Ленинград (С.-Петербург): Изд. «Наука», 1987-. / Вып. 1-3.
56. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 13. – М.: Наука, 1987. – 318 с.
57. Тарасова, В.А. Охрана прав граждан в пенсионном обеспечении / В.А. Тарасова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. – 118 с.
58. Тарусина, Н.Н. Брак по российскому семейному праву: учеб. пособие / Н.Н. Тарусина. – Ярославль: Яросл. гос. ун-т, 2008. – 254 с.
59. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 5-е изд. – М.: Дело, 2021. – 526 с.
60. Теория государства и права: учебник / С.С. Алексеев [и др.]; отв. ред. В.Д. Перевалов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2011. – 495 с.
61. Чечот, Д.М. Избранные труды по гражданскому процессу / Д.М. Чечот. – СПб.: Изд. дом СПб. гос. ун-та, 2005. – 616 с.
62. Шанский, Н.М., Боброва, Т.А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н.М. Шанский, Т.А. Боброва. – 7-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2004. – 398 с.
63. Шумилова, Т.А. Обеспечение и защита родительских прав и обязанностей по действующему российскому законодательству / Т.А. Шумилова. – Саратов, 2005. – 134 с.

64. Яфизова, Э.Н. Частноправовая защита семейных прав: науч.-практ. пособие / Э.Н. Яфизова. – М.: Проспект, 2021. – 160 с.

Научные статьи

65. Авдееенкова, М., Дмитриев, Ю. Понятие основ правового статуса человека и гражданина / М. Авдееенкова, Ю. Дмитриев // Закон и жизнь. – URL: <http://www.law-n-life.ru/arch/n66.aspx> (дата обращения: 17.04.2025).

66. Алексеева, Н.И. Судебная защита прав несовершеннолетних в России: проблемные аспекты и перспективы развития / Н.И. Алексеева // Образование и право. – 2022. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebnaya-zaschita-prav-nesovershennoletnih-v-rossii-problemnyye-aspekty-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 13.02.2026).

67. Антонова, Е.А. Правовая сущность предупреждения причинения вреда / Е.А. Антонова // Труды Института государства и права РАН. – 2011. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-suschnost-preduprezhdeniya-prichineniya-vreda> (дата обращения: 12.02.2026).

68. Асадуллин, И.Х., Ахметова, А.Т. Правовое регулирование родительских прав и обязанностей / И.Х. Асадуллин, А.Т. Ахметова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 1-2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-roditelskih-prav-i-obyazannostey> (дата обращения: 10.02.2026).

69. Ахмедова, З.А., Тарикова, Б.Р. Проблемные аспекты установления отцовства / З.А. Ахмедова, Б.Р. Тарикова // Вестник Дагестанского государственного университета. – Серия 3: Общественные науки. – 2019. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnyye-aspekty-ustanovleniya-ottsovstva> (дата обращения: 13.02.2026).

70. Богдан, В.В. Защита традиционных семейных ценностей в парадигме трансформации семейных отношений: балансируем на грани /

В.В. Богдан // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: Право. – 2024. – № 2. – С. 71-78.

71. Верин, А.Ю. К вопросу о структуре правового статуса личности / А.Ю. Верин // ВЭПС. – 2012. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-strukture-pravovogo-statusa-lichnosti> (дата обращения: 11.03.2025).

72. Вершинина, Г.И. О некоторых проблемах применения законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей / Г.И. Вершинина // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 1. – С. 11-14.

73. Воеводин, Л.Д. Содержание правового положения личности в науке советского государственного права / Л.Д. Воеводин // Советское государство и право. – 1965. – № 2. – С. 42-50.

74. Вударский, А., Новиков, А.А. Установление происхождения ребенка: сравнительно-правовой аспект – Германия, Польша, Россия / А. Вударский, А.А. Новиков // Правоведение. – 2018. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-proishozhdeniya-rebenka-sravnitelno-pravovoy-aspekt-germaniya-polsha-rossiya> (дата обращения: 03.02.2026).

75. Глебченко, О.А. Формы и методы реализации охранительной функции права / О.А. Глебченко // Сибирский юридический вестник. – 2009. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-i-metody-realizatsii-ohranitelnoy-funktsii-prava> (дата обращения: 13.03.2026).

76. Гончарова, С.Г. К вопросу обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теоретический и проблемный аспекты / С.Г. Гончарова // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2020. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-obespecheniya-prav-i-svobod-cheloveka-i-grazhdanina-teoreticheskiy-i-problemnyy-aspekty> (дата обращения: 28.01.2026).

77. Горшенев, В.М. Структура правового статуса гражданина в свете Конституции СССР 1977 года / В.М. Горшенев // Правопорядок и правовой

статус личности в развитом социалистическом обществе в свете Конституции СССР 1977 года. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1980. – С. 51-58.

78. Гринева, А.В. Отцовство и материнство вне родительства: нюансы правового регулирования / А.В. Гринева // Семейное и жилищное право. – 2025. – № 4. – С. 5-8.

79. Деханов, С.А. Иск как универсальное средство защиты гражданских прав / С.А. Деханов // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/isk-kak-universalnoe-sredstvo-zaschity-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 02.03.2025).

80. Емелина, Л.А., Яворский, С.А. Роль отцов в воспитании детей: правовые ответы на современные вызовы / Л.А. Емелина, С.А. Яворский // Московский юридический журнал. – 2024. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-ottsov-v-vospitanii-detey-pravovye-otvety-na-sovremennye-vyzovy> (дата обращения: 22.01.2026).

81. Еремин, Н.Н. Обзор практик социальной работы с отцами / Н.Н. Еремин // Социальное обслуживание семей и детей: науч.-метод. сб. – Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение «Городской информационно-методический центр «Семья», 2017. – С. 30-45.

82. Замараева, З.П., Новоселов, В.М. Особенности трансформации института отцовства в советский период / З.П. Замараева, В.М. Новоселов // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 6. – С. 53-56.

83. Зыков, С.В. Осуществление права отцовства в современной России: правоприменительные и законодательные препятствия / С.В. Зыков // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 3. – С. 44-71. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osuschestvlenie-prava-ottsovstva-v-sovremennoy-rossii-pravoprimeritelnye-i-zakonodatelnye-prepyatatstviya> (дата обращения: 03.02.2026).

84. Зыков, С.В. Родительские права отца: эволюция в отечественном праве / С.В. Зыков // Семейное и жилищное право. – 2022. – № 1. – С. 7-10.

85. Зыков, С.В. Российское отцовство: «поражение в правах» / С.В. Зыков // Журнал российского права. – 2022. – № 9. – С. 47-60.
86. Ильина, О.Ю. Тенденции изменения Семейного кодекса Российской Федерации и практики его применения / О.Ю. Ильина // Lex Russica. – 2024. – № 12. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-izmeneniya-semeynogo-kodeksa-rossiyskoj-federatsii-i-praktiki-ego-primeneniya> (дата обращения: 10.02.2026).
87. Кабышев, С.В. Конституция России как гарантия цивилизационной идентичности и суверенного развития российской государственности (к 30-летию) / С.В. Кабышев // Вестник Московского университета. – Серия 11. Право. – 2023. – № 6. – С. 40-58.
88. Карпеева, Е.В. Наилучшее обеспечение интересов ребенка при разрешении споров об оспаривании и (или) установлении отцовства / Е.В. Карпеева // Государство и право. – 2025. – № 2. – С. 167-171.
89. Кобзева, Н.С. Формы защиты гражданских прав / Н.С. Кобзева // Вестник магистратуры. – 2016. – № 10-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-zaschity-grazhdanskih-prav> (дата обращения: 25.02.2026).
90. Комиссарова, Е.Г. Доктрина непосредственного (фактического) родительства в российском и зарубежном семейном праве / Е.Г. Комиссарова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 56. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/doktrina-neposredstvennogo-fakticheskogo-roditelstva-v-rossiyskom-i-zarubezhnom-semeynom-prave> (дата обращения: 05.02.2026).
91. Комиссарова, Е.Г. Презумпции в нормах об установлении отцовского происхождения ребенка / Е.Г. Комиссарова // Lex Russica. – 2025. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prezumpcii-v-normah-ob-ustanovlenii-ottsovskogo-proishozhdeniya-rebenka> (дата обращения: 17.12.2025).

92. Косова, О.Ю. Защита субъективных семейных прав / О.Ю. Косова // Вестник Тюменского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – № 2. – С. 181-185.
93. Косова, О.Ю. О концептуальной основе развития российского семейного законодательства / О.Ю. Косова // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 5. – С. 38-39.
94. Крашенинников, П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? / П.В. Крашенинников // Семейное и жилищное право. – 2017. – № 1. – С. 3.
95. Кузнецова, О.В. Защита прав отцов по семейному законодательству / О.В. Кузнецова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 17. – С. 89-94.
96. Летова, Н.В. Правовой статус ребенка / Н.В. Летова // Государство и право. – 2010. – № 11. – С. 77-86.
97. Майстренко, Г.А. Понятие и сущность предупреждения правонарушений / Г.А. Майстренко // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-preduprezhdeniya-pravonarusheniy> (дата обращения: 13.02.2026).
98. Некрасова, Е.В. Способы защиты семейных прав: условия применения и особенности использования / Е.В. Некрасова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2015. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-zaschity-semeynyh-prav-usloviya-primeneniya-i-osobennosti-ispolzovaniya> (дата обращения: 16.03.2025).
99. Нуруллина, Э.Р. Анализ тенденций трансформации института отцовства в современных социально-экономических условиях / Э.Р. Нуруллина // ВЭПС. – 2019. – № 4. – URL: <https://www.vestnykps.ru/0419/46.pdf> (дата обращения: 22.10.2024).
100. Павлова, О.Г., Моисеева, О.В. Проблемы компенсации морального вреда в семейном праве Российской Федерации / О.Г. Павлова, О.В. Моисеева // Вестник КГУ. – 2024. – № 1. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kompensatsii-moralnogo-vreda-v-semeynom-prave-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 25.02.2026).

101. Родионова, О.М. К вопросу о соотношении интересов граждан и публичной власти: цивилистический аспект / О.М. Родионова // Научные труды. Российская академия юридических наук. – Выпуск 20. – М.: ООО «Изд-во «Юрист», 2020. – С. 119-123.

102. Саенко, Л.В. О роли социально ориентированных некоммерческих организаций в защите прав детей: по итогам проекта «Состояние и проблемы развития со НКО в сфере социального обслуживания населения Саратовской области» / Л.В. Саенко // Гражданское право и гражданское судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики: Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 28 апреля 2023 года / отв. за выпуск Н.В. Корнилова, И.В. Орлова. – Хабаровск: Хабаровский государственный университет экономики и права, 2023. – С. 41-46.

103. Ситкова, О.Ю. Семья, семейные связи, семейные ценности: проблемы понимания в современных условиях / О.Ю. Ситкова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 4. – С. 142-150.

104. Скорнякова, С.С. История гендерного равноправия в России в Советский период / С.С. Скорнякова // Россия в глобальном мире. – 2014. – № 4. – С. 242-243.

105. Стоюнин, В.Я. Наша семья и ее исторические судьбы / В.Я. Стоюнин // Вестник Европы. – 1884. – № 1. – С. 30.

106. Феоктистов, А.В. Защита семейных прав в Российской Федерации / А.В. Феоктистов // Наука. Общество. Государство. – 2013. – № 4. – С. 137.

107. Фиошин, А.В. К вопросу об «интересе ребенка» / А.В. Фиошин // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 3. – С. 26-32.

108. Фиошин, А.В. О непоименованных оценочных понятиях семейного права / А.В. Фиошин // Правосудие / Justice. – 2025. – Т. 7, № 2. – С. 113-127.

109. Фруслов, И.Г. Некоторые аспекты злоупотребления родительскими правами / И.Г. Фруслов // Вестник экономики и права. – 2024. – № 96. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-zloupotrebleniya-roditelskimi-pravami> (дата обращения: 28.02.2025).

110. Шахова, Е.С. К вопросу о реформировании частноправовых и публичных начал защиты и охраны родительства и детства / Е.С. Шахова // Семейное и жилищное право. – 2016. – № 4. – С. 25-29.

111. Шеленговский, П.Г. Понятие и структура правового механизма охраны и защиты прав человека и гражданина в правоприменительной деятельности / П.Г. Шеленговский // Образование и право. – 2024. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-pravovogo-mehanizma-ohrany-i-zaschity-prav-cheloveka-i-grazhdanina-v-pravoprimenitelnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 13.02.2026).

112. Шершень, Т.В. Проблемы применения гражданского законодательства России к семейным отношениям: теория, законодательство и правоприменительная практика / Т.В. Шершень // Ex jure. – 2020. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-grazhdanskogo-zakonodatelstva-rossii-k-semeynym-otnosheniyam-teoriya-zakonodatelstvo-i-pravoprimenitelnaia> (дата обращения: 16.03.2025).

113. Шмидт, А.В. Критерии разграничения общего и специального правовых статусов / А.В. Шмидт // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-razgranicheniya-obschego-i-spetsialnogo-pravovyh-statusov> (дата обращения: 11.02.2026).

114. Щетинин, Б.В. Гражданин и социалистическое государство / Б.В. Щетинин // Советское государство и право. – 1975. – № 2. – С. 3-10.

115. Ярычев, Н.У. Установление отцовства: гражданско-правовая характеристика / Н.У. Ярычев // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12, ч. 8. – С. 1822-1825. – URL: <https://fundamental-research.ru/article/view?id=36450> (дата обращения: 13.03.2025).

Диссертации и авторефераты диссертаций

116. Асланов, Х.Г. Обеспечение интересов отца в родительских правоотношениях по семейному законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Х.Г. Асланов. – М., 2009. – 28 с.

117. Ахмедханова, А.М. Установление отцовства в административном и судебном порядке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.М. Ахмедханова. – Махачкала, 2003. – 30 с.

118. Витрянский, В.В. Судебная защита гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.В. Витрянский. – М., 1996. – 55 с.

119. Волкова, М.В. Правовые средства обеспечения прав и свобод человека: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Волкова. – Краснодар, 2010. – 31 с.

120. Воронова, Е.А. Представления об отцах и отцовстве в советском обществе. 1950-1960-е гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е.А. Воронова. – М., 2022. – 31 с.

121. Грибанов, В.П. Основные проблемы осуществления и защиты гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.П. Грибанов. – М., 1970. – 36 с.

122. Гурко, Т.А. Трансформация института родительства в постсоветской России: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Т.А. Гурко. – М., 2008. – 49 с.

123. Гусев, М.А. Институт отцовства в Республике Казахстан: проблемы правового обеспечения: дис. ... на соискание степени д-ра философ. наук / М.А. Гусев. – Алматы: Казахский национальный университет им. аль-Фараби, 2020. – 147 с.

124. Данилова, И.С. Институт приемной семьи в системе форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук / И.С. Данилова. – М., 2015. – 210 с.

125. Дементьева, Т.Ю. Семейное и наследственное право в Киевской Руси (IX-XII вв.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.Ю. Дементьева. – Казань, 2006. – 26 с.
126. Деревянко, П.А. Конституционно-правовой институт отцовства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / П.А. Деревянко. – Белгород, 2012. – 22 с.
127. Ильина, О.Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О.Ю. Ильина. – М., 2006. – 42 с.
128. Карпеева, Е.В. Защита в гражданском судопроизводстве прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей: дис. ... канд. юрид. наук / Е.В. Карпеева. – Екатеринбург, 2022. – 250 с. – URL: https://www.usla.ru/science/dissovet/file/base/5/562/dissert_dl.pdf (дата обращения: 03.02.2026).
129. Летова, Н.В. Правовой статус ребенка в гражданском и семейном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н.В. Летова. – М., 2013. – 45 с.
130. Мун, В.А. Государственно-правовая охрана материнства и детства в России в середине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Мун. – Саратов, 2020. – 37 с.
131. Низамиева, О.Н. Функции семейно-правовых договоров: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О.Н. Низамиева. – Казань, 2025. – 53 с.
132. Никитина, В.П. Правовые проблемы регулирования имущественных отношений в советской семье: дис. ... д-ра юрид. наук / В.П. Никитина. – Саратов, 1976. – 425 с.
133. Подкорытова, О.В. Защита личных неимущественных прав и законных интересов родителей как участников семейных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Подкорытова. – Душанбе, 2009. – 30 с.
134. Редько, А.А. Правозащитная политика и ее место в правовой политике России: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Редько. – СПб., 2011. – 25 с.

135. Рыбалко, И.В. Трансформация отцовства в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук / И.В. Рыбалко. – Саратов, 2006. – 22 с.
136. Соловых, С.Ж. Процессуально-правовой механизм обеспечения прав сторон в арбитражном суде первой инстанции: дис. ... д-ра юрид. наук / С.Ж. Соловых. – Саратов, 2019. – 481 с.
137. Тархов, В.А. Охрана имущественных прав трудящихся по советскому гражданскому законодательству: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.А. Тархов. – М., 1966. – 36 с.
138. Яфизова, Э.Н. Частноправовая защита семейных прав по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Э.Н. Яфизова. – Ульяновск, 2020. – 25 с.
139. Якушев, П.А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / П.А. Якушев. – Казань, 2021. – 52 с.

Ресурсы информационной сети Интернет

140. Владимир Путин поручил поддержать роль отцовства в России. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/6711666/> (дата обращения: 20.01.2026).
141. Годовой отчет за 2017 год. Санкт-Петербургская общественная организация по гармоничному развитию семьи и личности «Центр «Радомира». – URL: <https://www.radomira.ru/wp-content/uploads/2021/04/radomira-godovoj-otchet-za-2017-god.pdf> (дата обращения: 11.02.2026).
142. Гражданское судопроизводство. – URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/gr/t/22/s/2> (дата обращения: 20.02.2026).
143. Материалы круглого стола на тему «Укрепление института семьи через воспитание ответственного отцовства и популяризацию традиционных духовно-нравственных ценностей». – URL:

<http://duma.gov.ru/multimedia/video/events/125830/> (дата обращения: 20.02.2026).

144. Национальный проект «Семья». – URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/> (дата обращения: 15.02.2025).

145. Образ отца в современном обществе: аналитический обзор ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-otca-v-sovremennom-obshchestve> (дата обращения: 20.01.2026).

146. «Отцы рядом» требуют конституционной защиты отцовства в Российской Федерации. – URL: <https://отцы-рядом.рф/tpost/d3dcyea5j1-ottsy-ryadom-trebuyut-konstitutsionnoi-z> (дата обращения: 11.02.2026).

147. Практика применения процедуры медиации при урегулировании семейных споров с участием детей в городе Москве / ГБУ города Москвы Центр «Содействие». – URL: https://pedagog13.edurm.ru/images/2525/практика_проведения_процедуры_медиации_при_урегулировании_семейных_споров_с_участием_детей.pdf (дата обращения: 11.02.2026).

148. Разводы в России 2025. – URL: <https://www.b17.ru/article/716018/> (дата обращения: 20.02.2026).

149. Семья, материнство и детство. Структура семейных ячеек по числу детей моложе 18 лет: Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13807> (дата обращения: 30.05.2023).

150. Сколько в России одиноких матерей и отцов. – URL: <https://t-j.ru/single-parents/> (дата обращения: 20.02.2026).

151. Спор о лишении родительских прав (на основании судебной практики Московского городского суда). – URL: <https://pravo163.ru/spor-o-lishenii-roditelskix-prav-na-osnovanii-sudebnoj-praktiki-moskovskogo-gorodskogo-suda-2/> (дата обращения: 03.02.2026).

152. Стратегия действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства. – URL: <https://cloud.idrras.ru/wp->

content/uploads/2023/03/Стратегия-Мужчины-22.-03-2023_ИТОГ-2.pdf (дата обращения: 22.10.2025).

153. Суд отказал в иске об истребовании внучки у бабушки, воспитывавшей ее с младенчества // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/prava-babushek-i-dedushek-trebuyut-zakrepleniya-v-zakone/> (дата обращения: 03.02.2026).

Материалы судебной практики

154. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2021 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 52 Семейного кодекса Российской Федерации, пункта 1 части первой статьи 134 и абзаца второго статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.С. Шишкиной» // СЗ РФ. – 2021. – № 11, ст. 1881.

155. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 30-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области» // СЗ РФ. – 2021. – № 28 (часть II), ст. 5629.

156. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 (ред. от 26 декабря 2017 г.) «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – № 7.

157. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Российская газета. – 2008. – № 140.

158. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел,

связанных с установлением происхождения детей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 7.

159. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 1.

160. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2021 г. № 6 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с неуплатой средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 6.

161. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2023. – № 8.

162. Постановление Верховного Суда РФ от 5 ноября 2025 г. № 38-АД25-10-К1. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=871041> (дата обращения: 03.02.2026).

163. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 6 июля 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 4.

164. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2024. – № 7.

165. Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г.).

– URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/20308930/> (дата обращения: 20.02.2026).

166. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 апреля 2015 г. № 2-КГ15-4. – URL: <https://base.garant.ru/71346324/> (дата обращения: 10.02.2025).

167. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 18-КГ18-223. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29012019-n-18-kg18-223/> (дата обращения: 10.02.2025).

168. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 июня 2019 г. № 18-КГ19-25. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=588494> (дата обращения: 20.02.2026).

169. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 февраля 2020 г. № 41-КГ19-50. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-18022020-n-41-kg19-50/> (дата обращения: 20.02.2026).

170. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30 октября 2023 г. № 19-КГ23-25-К5. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-30102023-n-19-kg23-25-k5/> (дата обращения: 03.01.2026).

171. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 3 марта 2025 г. № 1-КГ24-14-К3. – URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-03032025-n-1-kg24-14-k3-uid-29rs0005-01-2023-000609-13/> (дата обращения: 20.11.2025).

172. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 апреля 2025 г. № 24-КГ24-14-К46. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2458992 (дата обращения: 03.01.2026).

173. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 27 июня 2024 г. № 224-КАД24-8-К10. – URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-27062024-n-224-kad24-8-k10/> (дата обращения: 03.01.2026).

174. Постановление Европейского суда по правам человека от 29 сентября 2020 г. «Дело Фатхутдинов (Fatkhutdinov) против России» (жалоба № 36335/18). – URL: <https://laweuro.com/?p=12366> (дата обращения: 30.10.2023).

175. Обобщение о практике рассмотрения районными судами Ростовской области гражданских дел, связанных с воспитанием несовершеннолетних детей. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/9885038/> (дата обращения: 20.02.2026).

176. Определение Советского районного суда г. Махачкала от 2000 г. по делу № 2-157 // Архив Советского районного суда г. Махачкалы.

177. Решение Камбарского районного суда Удмуртской Республики от 19 апреля 2011 г. по делу № 2-146/2011. – URL: <https://адвокат-ижевска.рф/ustanovlenie-otcovstva-vzyskanie-alimentov> (дата обращения: 19.01.2025).

178. Решение Октябрьского районного суда г. Саратова от 16 декабря 2021 г. по делу № 2-3164/2021 // Архив Октябрьского районного суда г. Саратова.

179. Решение Ногинского городского суда (Московская область) от 19 мая 2023 г. по делу № 2-2605/2023. – URL: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-2bd88692-9d11-5628-9812-37340b5e6259> (дата обращения: 20.11.2025).

180. Решение Курганского городского суда от 6 апреля 2025 г. по делу № 2-12611/2024. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dfindlYOqEdX/> (дата обращения: 02.02.2026).

Источники на иностранном языке

181. Case of Fatkhutdinov v. Russia (European Court of Human Rights). – URL: <https://laweuro.com/?p=12366> (дата обращения: 03.02.2026).

182. Gornu, G. Droit civil. Famille / G. Gornu. – Paris: L.G.D.J., 2016. – P. 277.

Приложение

1. Введение модели «условного отказа» при рассмотрении исков по статье 68 Семейного кодекса Российской Федерации. Предлагается дополнить статью 68 Семейного кодекса Российской Федерации пунктом 3.1 следующего содержания: «3.1. В случае отказа в удовлетворении требования родителя о возврате ребенка от третьих лиц суд обязан определить правовой режим нахождения ребенка у указанных лиц, включая необходимость установления временной опеки (попечительства), а также установить порядок общения родителя с ребенком и его участия в воспитании. Суд вправе установить срок действия такого режима и определить порядок его пересмотра».

2. Закрепление обязанности уведомления о смене места жительства ребенка. Предлагается дополнить статью 65 СК РФ пунктом 4 следующего содержания: «4. Родитель, с которым проживает ребенок, обязан заблаговременно уведомить другого родителя о предполагаемой смене места жительства ребенка. Неуведомление либо сокрытие информации о месте нахождения ребенка признается нарушением прав другого родителя и может служить основанием для защиты его прав в судебном порядке. Родитель, документально подтверждающий инициативу участия в воспитании ребенка и поддержания с ним контакта, предполагается действующим добросовестно, если не доказано иное».

3. Введение института «социального эстоппеля» для матери ребенка (изменение статьи 52 СК РФ). В действующей редакции право на оспаривание отцовства ограничено лишь для лица, записанного отцом, если оно знало об отсутствии кровного родства в момент совершения записи. При этом мать наделена неограниченным правом оспаривания. В целях пресечения злоупотребления правом со стороны матери, использующей биологическую истину для манипуляций, предлагается дополнить пункт 1 статьи 52 СК РФ абзацем третьим следующего содержания: «Требование матери об оспаривании отцовства лица, записанного отцом ребенка на основании

пункта 2 статьи 51 настоящего Кодекса, не подлежит удовлетворению, если в момент совершения записи ей было достоверно известно, что указанное лицо не является биологическим отцом ребенка, за исключением случаев, когда оспаривание производится в интересах усыновления ребенка другим лицом или установления отцовства фактического биологического отца».

4. Смягчение абсолютного запрета на оспаривание отцовства для социального отца (введение «периода охлаждения» в статье 52 СК РФ). Существующая норма пункта 2 статьи 52 СК РФ формирует необратимую презумпцию «согласия на риск», блокируя выход из правоотношений для мужчины, введенного в заблуждение относительно характера будущих семейных отношений. Предлагается изложить пункт 2 статьи 52 СК РФ в новой редакции: «2. Требование лица, записанного отцом ребенка на основании пункта 2 статьи 51 настоящего Кодекса, об оспаривании отцовства не может быть удовлетворено, если в момент записи этому лицу было известно, что оно фактически не является отцом ребенка. Данное ограничение не применяется в случае обращения в суд с иском об оспаривании отцовства в течение одного года с момента внесения записи, если истец докажет, что волеизъявление на признание отцовства было сформировано под влиянием умышленных действий матери, направленных на создание ложного представления о совместном воспитании ребенка и создании семьи».

5. Институционализация статуса «фактического воспитателя» в настоящем времени. Действующая статья 96 СК РФ рассматривает фактического воспитателя исключительно ретроспективно: как лицо, имеющее право в будущем (при нетрудоспособности) требовать алименты от совершеннолетних воспитанников, которых оно содержало не менее пяти лет. Это лишает социального отца, чья актовая запись была аннулирована, активных прав в настоящем времени. Предлагается дополнить Главу 15 СК РФ статьей 96.1 «Права фактических воспитателей (социальных родителей)»: «Лицо, ранее состоявшее в правовой связи с ребенком в качестве родителя и осуществлявшее его надлежащее фактическое воспитание и содержание не

менее трех лет, после удовлетворения иска об оспаривании отцовства приобретает статус социального родителя (фактического воспитателя). Указанный статус дает право на получение информации о ребенке из образовательных, медицинских и иных организаций, а также право на участие в его воспитании, если судом не установлено, что это противоречит наилучшим интересам ребенка».

6. Гарантия сохранения психоэмоциональной связи с ребенком (изменение статьи 67 СК РФ). В настоящий момент статья 67 СК РФ гарантирует право на общение с ребенком дедушкам, бабушкам, братьям, сестрам и «другим родственникам». Мужчина, чье отцовство оспорено, перестает быть родственником и юридически выпадает из этого круга. Предлагается внести изменения в пункт 1 статьи 67 СК РФ, изложив его в следующей редакции: «1. Дедушка, бабушка, братья, сестры, другие родственники, а также лица, ранее записанные в качестве родителей ребенка и осуществлявшие его фактическое воспитание, имеют право на общение с ребенком».